
ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Хорошо спится малышам на воздухе в легкий морозец! Детские ясли № 155 Дзержинского района Москвы.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: На Ленинских горах в Москве.
Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Девушки Китая.
Фото Г. Петрусова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 3 (1596)

12 ЯНВАРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

— Неужели не понимаешь?

ИДУТ ЭКЗАМЕНЫ

...Широкие, светлые коридоры Московского станкоинструментального института. В коридорах оживленно и шумно. Кто, облокотившись о подоконник, быстро листает учебники и конспекты, кто, бормоча под нос, нервно ходит взад и вперед. Время от времени из аудитории выходят студенты, и все бросаются к ним с традиционным вопросом: «Ну как?»...

В институте экзаменационная сессия.

Мы поднимаемся на четвертый этаж. Здесь около аудитории № 420, где идет экзамен по измерительным приборам в машиностроении, сидят немолодые люди — они с шестого курса вечернего факультета. Билет берет Алексей Петрухин — старший техник-конструктор машиностроительного завода. Большой и сложный жизненный путь прошел он. Война нарушила все планы. Прямо со школьной скамьи на фронт, а когда демобилизовался из армии, обстоятельства сложились так, что должен был пойти работать слесарем на завод. Но давняя мечта стать инженером не оставлена. Работая на заводе, Петрухин поступил в школу рабочей молодежи, а потом и в институт. Вместе с ним сдают экзамены его товарищи Григорий Баранов и Николай Борисов. И у них за плечами большой опыт работы на производстве. Так же, как и Петрухин, они начали свой трудовой путь рядовыми рабочими.

Студенты шестого курса сдают последний экзамен. Впереди защита дипломного проекта...

В соседней аудитории — студенты первого курса вечернего факультета. Сборщицы Первого часового завода Инна Мирова и Майя Зуберник сдают экзамены по истории КПСС. Год назад Инна и Майя окончили десятилетку и пошли работать на завод. Но желание учиться у девушек не пропало. Этой осенью они поступили на вечерний факультет института. И вот экзаменационная сессия.

— Тяжело вам, наверное, работать и учиться? — спросили мы у наладчика автоматов завода «Калибр» Василия Новикова.

— Как вам сказать...— ответил он.— Надо учиться. Конечно, часто в кино или в театр уже не пойдешь. Но что же делать? Нельзя не учиться...

Это стремление к знаниям — характерная черта советских людей. В СССР без отрыва от производства в высших учебных заведениях учится около ста тридцати тысяч человек.

М. КАФАНОВА

Фото О. Кнорринга.

Доцент А. Г. Иванов экзаменует студента Г. Баранова, техника-конструктора машиностроительного завода.

— Почему тебя так долго спрашивали?

ПЕТРУ ГРОЗА

7 января в Бухаресте после продолжительной и тяжелой болезни скончался Председатель Президиума Великого Национального Собрания Румынской Народной Республики, выдающийся государственный и политический деятель Румынии, верный друг Советского Союза ПЕТРУ ГРОЗА.

Планы и намерения

Генрих БРАНДВАЙНЕР,

лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

В связи с присуждением международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» профессору международного и церковного права Генриху Брандвайнеру редакция «Огонька» попросила его рассказать о своей нынешней деятельности, о планах на будущее.

— Как профессор, читающий международное право в университетах нескольких стран, я стремлюсь улучшить преподавание моей науки путем углубленного объяснения самых актуальных международных проблем. Я стараюсь, чтобы в университетах Германской Демократической Республики международное право изучалось с наибольшей серьезностью. Особый интерес представляет критика западных течений в международном праве. Для этого, естественно, необходимо точное знание соответствующей литературы. После успеха опубликованных мною исследований о Парижских соглашениях я недавно написал книгу, озаглавленную «Договоры относительно права войны и нейтралитета», которая в настоящее время находится в наборе. Теперь я подготавливаю работу о системе нейтралитета, уделяя особое внимание нейтралитету Австрии, а также работаю над справочником по консульскому праву, рассчитанному прежде всего для практического использования в Германской Демократической Республике и в других странах, которые создают свою консульскую службу.

Участвуя в австрийском движении за мир, я стремлюсь помогать укреплению нашего нейтралитета и вскрывать угрожающие ему опасности. И, конечно, я провожу в жизнь и популяризирую решения Всемирного Совета Мира. Присуждение почетнейшей награды — Ленинской премии — придает мне новую энергию в этой благородной деятельности.

Грац (Австрия).

ПОБЕДЯТ РАЗУМ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ!

Корреспондент «Огонька» Г. Боровик обратился к Чрезвычайному и Полномочному Послу Республики Индонезии в СССР господину **Александеру А. Марамису** с просьбой ответить на несколько вопросов, касающихся современного положения Индонезии.

— Скажите, пожалуйста, господин посол, в чем состоят мероприятия индонезийского правительства в области укрепления и развития национальной независимой экономики Индонезии?

— Как вы знаете, конечно, в первое время после завоевания Индонезией независимости экономика ее была не национальной, а колониальной. Такая экономика была выгодна империалистам, которые желали превратить мою страну в поставщика сырья для их промышленности. Поэтому индонезийское правительство сразу поставило перед собой цель — сделать экономику страны независимой национальной. Но, как вы понимаете, провести такое намерение в жизнь, к сожалению, нельзя за одну ночь. Предстояла большая, долгая, трудная работа.

Ведь вся индонезийская экономика в течение многих лет была в руках Голландской Ост-Индской администрации. Вся внешняя торговля — экспорт и импорт — велась голландскими фирмами. Внутренняя торговля тоже принадлежала целиком, кроме разве небольших отдаленных сельских районов, чужеземцам.

Трудностей перед правительством было много. Я возьму, к примеру, торговлю. Я уже сказал, что вся она — и внешняя и внутренняя — находилась в руках чужеземцев. Чтобы заменить их, надо было обучить свои кадры, послать многих молодых людей за границу на учебу.

Внутренняя торговля у нас целиком зависит от связей между островами, другими словами — от состояния флота. А все пароходные компании находились в руках голландцев. Надо было создать собственные пароходные компании, чтобы наша молодежь научилась строить корабли и водить их. Я сейчас не помню точно сумму, которую правительство субсидировало национальным компаниям для приобретения пароходов, но она выражается в миллиардах рупий.

Трудности были и с новыми экспортно-импортными компаниями. Контрагенты старых компаний очень неохотно рвут связи со своими поставщиками и не желают связываться с новыми фирмами, которые еще не успели зарекомендовать себя. И здесь правительство оказало большую помощь.

— Какое значение имеет передача голландских компаний под контроль индонезийского правительства, проведенная совсем недавно?

— Действительно, недавно индонезийское правительство взяло под свой контроль все голландские компании и предприятия, находящиеся на территории моей страны. Так, были взяты под контроль крупнейшая пароходная компания КПМ, все банки, плантации каучука, кофе, хинных деревьев, экспортно-импортные фирмы и т. п.

Видя усилия правительства по созданию независимой национальной экономики, колониалисты решили взорвать эту экономику изнутри. Крупнейшая голландская пароходная компания КПМ получила телеграфное распоряжение от своего правления, находящегося в Европе, вывести все корабли в иностранные порты, а капиталы перевести за границу. Подобные же распоряжения получили голландские банки в Индонезии и разного рода предприятия.

Представьте себе, что такое распоряжение было бы выполнено. Страна осталась бы без флота, без большей части капиталов, с закрытыми предприятиями, остановилось бы производство товаров, десятки тысяч рабочих, занятых на различных предприятиях, плантациях, во флоте, оказались бы без работы.

Для предотвращения этого и была проведена мера, о которой вы спрашиваете. Кроме того, правительство преследовало еще одну цель — обеспечить в целом безопасность страны.

Сейчас в печати некоторых стран усиленно распространяют сообщения о том, будто индонезийцы грабят голландцев, незаконно конфискуют их имущество и тому подобное. Это явная ложь. Во-первых, никакой конфискации не происходит. Просто компании и предприятия берутся под контроль правительства с тем, чтобы обеспечить их нормальную работу в дальнейшем. Во-вторых, если уж говорить о законности, то мероприятие, проводимое сейчас в Индонезии, базируется на старинном законе, принятом самими голландцами во времена их колониального владычества над Индонезией. Закон этот гласит, что в случае чрезвычайного положения правительство имеет право взять под контроль все предприятия для обеспечения безопасности государства, чтобы эти предприятия продолжали нормально действовать в интересах индонезийской экономики. Так что лживые заявления, как видите, опровергаются очень легко.

Надо сказать, что некоторые «друзья» Нидерландов пытаются оказать давление на индонезийское правительство, чтобы заставить его изменить свое отношение к голландцам, а также изменить его внешнюю политику.

— Да, господин посол, видимо, кое-кому политика индонезийского правительства сильно действует на нервы. Вот, например, в последнем номере американской газеты «Уолл-стрит джорнэл» опубликована статья об Индонезии. Очень раздраженная статья. Газета называет Индонезию ребенком, а дядю Сэма—почему-то его крестным отцом и жалуется, что «ребенок не оправдал надежд крестного отца».

— Это подтверждает то, что я вам говорил. Между прочим, совсем недавно индонезийское правительство решило объявить своими территориальными водами все внутренние моря и проливы между островами страны, а также двенадцатимильную зону вокруг внешних островов Индонезии. Эта мера проведена потому, что некоторые иностранные государства пытаются снабжать реакционные силы Индонезии оружием с кораблей, проходящих через наши воды.

Никакое давление извне не повлияет на нашу позицию. Наше правительство полно решимости продолжать свою активную независимую политику.

— Видимо, бессильным раздражением вызваны и слухи о якобы непрочном внутреннем положении Индонезии, которые муссируются в западной прессе.

— Совершенно верно. Конечно, у индонезийского правительства есть трудности. Но я убежден, что с помощью друзей — а у нас много друзей в мире — правительство преодолеет все препятствия. Вспомните, что десять лет назад у нас было трудностей больше и они были серьезней. И ничего, справились!

Александер А. Марамис.
Фото С. Фридлянда.

— Еще один, последний вопрос. Каково сейчас положение с проблемой возвращения Индонезии Западного Ириана?

— Пока, как вы видите, колониалисты еще не оставили своих позиций, хотя в самой Голландии поднимаются голоса, требующие от правительства пойти на переговоры с Индонезией и вернуть моей стране Западный Ириан.

В этой связи я должен сказать, что те голландцы, которые сейчас вынуждены покидать Индонезию, единодушно убеждены, что Голландия должна отказаться от Западного Ириана хотя бы просто потому, что голландские интересы в остальной части Индонезии намного превосходят интересы в Западном Ириане. Достаточно сказать, что голландские вложения в экономику Индонезии составляют около пяти миллиардов гульденов. А ежегодная прибыль — один миллиард, то есть ни много, ни мало — двадцать процентов! Цифры эти, между прочим, были подтверждены официально голландским министром финансов.

Колониалисты держатся за Западный Ириан вовсе не из-за того, что, как они говорят, желают дать образование населению этого района. За триста пятьдесят предыдущих лет у них никогда не возникало подобных благородных идей. Колониалисты продолжают лелеять мечту о колониализме, все еще не хотят расставаться с поговоркой о солнце, которое никогда не заходит над территорией Голландии.

Но это теперь только иллюзии.

Западный Ириан — это основная проблема наших взаимоотношений с Голландией. Как только она будет решена, то есть как только будет восстановлен индонезийский суверенитет над Западным Ирианом, будут улажены и все другие вопросы во взаимоотношениях между нашими государствами, в том числе и вопрос о временном взятии голландских компаний под контроль правительства Индонезии.

Я уверен, что разум и справедливость победят.

ОРУЖЕНОСЕЦ НАТО

Э. КУТНИК

Западногерманский журнал «Дер шпигель» в свое время опубликовал фотографию. На ней — Гитлер в окружении свиты слушает доклад своих генералов. Справа стоит начальник оперативного отдела генштаба Адольф Хойзингер, и лицо его светится подобострастием. Гитлер весьма благоволил к исполнительному, по-собачьи преданному ему генштабисту. Это свидетельствует и бывший начальник генерального штаба гитлеровской армии генерал от инфантерии Цайцлер. «Хойзингер,— заявил он,— был для фюрера незаменимым и принадлежал к числу тех немногих высших чинов армии, которые во время войны могли быть заменены только с его согласия».

В последнее время на страницах западной печати и по эфиру то и дело появляются сообщения: генерал Хойзингер вылетел в Вашингтон; Хойзингер срочно направился в Лондон; Хойзингер встретился с Даллесом...

Боннский генерал частенько наведывается и к американскому коллеге, главнокомандующему войсками НАТО Норстэду в его штаб-квартире под Парижем. И ведут они беседы отнюдь не о погоде и не о преимуществах парижских кафе. Так, предметом секретного разговора в середине сентября минувшего года были военные планы НАТО. В ноябре Адольф Хойзингер вновь появился в штабе под Парижем. На сей раз речь шла о снабжении бундесвера американскими ракетами с атомными зарядами. Во время этого визита Хойзингер, по словам гамбургского еженедельника «Дер шпигель», вместе с генералом Норстэдом предался мечтам о том, как НАТО поможет форсированию атомных вооружений. Впрочем, генерал Хойзингер уже сравнительно давно издал секретное распоряжение для высших командиров и начальников штабов бундесвера: независимо от «реакции общественности» оснащение бундесвера атомным оружием «должно продолжаться неуклонно»!

Таков Хойзингер наших дней, генерал-инспектор — фактический главнокомандующий бундесвера, некогда рабски преклонявшийся перед фюрером, а теперь дружески пожимающий руку Даллесу и высшим чинам НАТО. Обратимся к послужному списку этого оруженосца НАТО.

Сразу же после первой мировой войны Хойзингер очутился в резерве командных кадров рейхсвера, вместе с которыми генерал-полковник фон Сект начал восстанавливать поверженный германский милитаризм. Потом Хойзингер под началом генерала Ваттера жестоко подавил революционное восстание в Руре. Других лавров, которые увенчали бы Хойзингера, тогда еще молодого военного, послужной список не отмечает. И только после прихода Гитлера к власти Хойзингер стал быстро продвигаться и к началу войны уже занимал должность начальника оперативного отдела гитлеровского генерального штаба. Зверства гитлеровских орд не только вдохновлялись им — он их организовывал. Недаром Гитлер осыпал Хойзингера наградами.

По окончании войны Хойзингер предстал перед судом как военный преступник. Спасло его заступничество высших чинов американской военщины. Высокопоставленные западные адвокаты превратили Хойзингера, фактам вопреки, чуть ли не в участника известного путча против Гитлера. Гестапо свирепо расправилось тогда не только с виновниками покушения, но и с людьми, которые имели самое отдаленное к ним отношение. Однако Адольф Хойзингер был полностью реабилитирован, как стопроцентный правоверный нацист, принят и обласкан фюрером. Больше того, после этого он даже некоторое время исполнял обязанности начальника генштаба.

Но сегодня Адольф Хойзингер живет не столько воспоминаниями о прошлом, сколько упованиями на будущее. Фашистское подполье — всякие «Тройе ринг», «Серый фронт», «Союз пруссаков» и т. п.— имеет в лице генерала-оборотня в боннском неовермахте «своего» человека. Впрочем, таких, как он, последышей Гитлера там немало. Но генерал Хойзингер выполняет особо ответственное поручение: он «осваивает» аппарат военного ведомства, наводняя его старыми «испытанными» кадрами.

Опору нацистского подполья — сотни «солдатских союзов», объединяющих около миллиона бывших военнослужащих вермахта и войск СС,— Хойзингер превратил в основной резерв армии нападения. Особенно ценны для него старые гитлеровские вояки, занимающие командные посты в этих союзах. Не случайно шеф Хойзингера Штраус, выступая весною прошлого года на слете этих союзов, публично благодарил их за «тесные и разносторонние связи с бундесвером».

Как ни скрывает Адольф Хойзингер свои интимные связи с фашистским подпольем, дела и речи генерала неопровержимо его разоблачают. 10 октября 1953 года в журнале «Боннер хефтен» Хойзингер сформулировал свой символ веры: «Атаковать везде и всегда, когда для этого представляется возможность. Действуя такими боевыми методами, Запад должен всегда наступать на Восток».

Генерал Хойзингер первый вместе со Шпейделем выступил инициатором воссоздания вермахта. Это они оба представляли гитлеровский генералитет в Петерсберге на знаменитом совещании с военными делегатами американского, английского и французского правительств, начавшемся в январе 1951 года и длившемся целых шесть месяцев.

Но и до того, как он получил задание и возможность восстанавливать в Западной Германии гитлеровские вооруженные силы, Хойзингер не сидел сложа руки. Сам Хойзингер в своей автобиографии рассказывает: «Гелен (генерал-майор, бывший подчиненный Хойзингера, а в последующем руководитель боннской службы шпионажа) приехал весной 1948 года ко мне и высказал мнение о том, что было бы действительно целесообразно, чтобы я следил за развитием военного потенциала на Востоке. Именно это я и делал при Гелене». В данном случае Хойзингер излишне скромничает. Гелен и не думал ограничить его деятельность «сбором информации». Поэтому спустя два года, сообщает «Дер шпигель», после того как федеральное правительство предложило США немецких солдат, в ведомстве Гелена благодаря стараниям Хойзингера уже были готовые руководящие кадры для нового вермахта. Между делом Хойзингер организовывал для НАТО специальные «боевые команды» из отборных вояк, которые должны были «накопить боевой опыт в боевых условиях в Алжире».

В ответ на новую волну военной истерии, поднявшуюся за океаном в связи с запуском советских спутников, генерал Хойзингер, следуя, очевидно, примеру американского генерала Пауэра, поднявшего в воздух бомбардировщики, вооруженные ядерными бомбами, издал, как сообщает газета «Франкфуртер цейтунг», секретный приказ, согласно которому часть западногерманских вооруженных сил объявляется на положении «постоянной боевой готовности».

Смысл этого приказа генерала Хойзингера легко понять в свете его собственных комментариев. Выступая в Гамбурге перед членами «Ганза-клуба», он заявил, что «не может быть и речи о нейтрализации Германии. Ибо это,— подчеркнул он,— уничтожит возможность совершать атомные атаки на Советский Союз с запада».

Все это в точном соответствии не только с духом, но и с буквой директив фашистских подпольных центров о полном использовании Аденауэра и НАТО для военного возрождения Германии как ядерной державы для того, чтобы завоевать жизненное пространство и объединить Европу под германским руководством. Об этом черным по белому сказано в недавно обнаруженном «сверхсекретном» информационном циркуляре «Тройе ринг» за № 3/57 от 12 июня 1957 года.

Как известно, Хойзингер и ему подобные — те, кто в свое время лебезил перед Гитлером,— вместе с ним потерпели крушение. Надолго ли удержатся они теперь?

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

17 апреля 1958 года в предместье бельгийской столицы, Хейселе, в обширном парке торжественно взовьется флаг тридцатой Всемирной выставки (первая выставка состоялась в 1851 году в Лондоне). Девиз ее — «Человек и прогресс». Здесь будут отражены достижения многих народов пяти континентов земного шара, развитие науки, техники, промышленности, сельского хозяйства, культуры, искусства.

Наш корреспондент обратился к заместителю Генерального комиссара Советской секции на Всемирной выставке в Брюсселе Я. А. Ломко с рядом вопросов, связанных с предстоящим открытием выставки.

Общий вид строящегося павильона СССР.

Visit the Pavilion of the Soviet Union at the Universal and International Exhibition Brussels 1958

ЧЕЛОВЕК И ПРОГРЕСС

Я. А. ЛОМКО,
заместитель Генерального комиссара Советской секции на Всемирной выставке в Брюсселе

Эмблема советского павильона.

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, о значении брюссельской выставки.

Ответ. Как указал товарищ Н. А. Булганин в своем послании Премьер-Министру Бельгии А. Ван Аккеру, выставка может явиться «немалым вкладом в оздоровление международной обстановки. Она, в частности, предоставит большие возможности в области организации всякого рода встреч, обмена мнениями и расширения контактов между представителями различных стран».

Генеральный комиссар бельгийского правительства Мунс де Ферниг подчеркнул, что основной задачей выставки является «забота о создании необходимых условий для наибольшего сближения». Нельзя не пожелать, чтобы эта задача была удачно решена.

Вопрос. Просьба охарактеризовать масштабы выставки.

Ответ. Ее территория составляет примерно двести гектаров. На этой площади сооружают свои павильоны более 50 стран и 7 крупных международных организаций. За интенсивным строительством, ведущимся в настоящее время, наблюдает целый штаб — лучшие архитекторы, конструкторы, инженеры, садоводы.

Вот некоторые сравнения. На Всемирной выставке 1935 года в Брюсселе было представлено 26 государств, павильоны которых получили в общей сложности 80 тысяч квадратных метров площади. Число же экспонентов 1958 года больше вдвое, а площадь их павильонов — чуть ли не вчетверо.

В 1935 году администрация выставки зарегистрировала 20 миллионов посетителей, и это считалось тогда рекордом. В Брюсселе рассчитывают на 38—50 миллионов посетителей. Ежедневно выставка в среднем будет принимать около 200 тысяч гостей — огромная цифра, особенно если учесть, что население Брюсселя чуть меньше миллиона человек.

Вопрос. Как размещаются павильоны?

Ответ. Любая страна стремилась, конечно, получить в свое распоряжение как можно более удобный участок. При подсчете, однако, выяснилось, что заявки значительно превышают имеющиеся возможности. СССР, США, Бельгии и двум ее соседям, Франции и Нидерландам, было отведено приблизительно по 25 тысяч квадратных метров. Другие страны получили участки меньших размеров.

Отвод территории старались производить в соответствии с географической картой. Но это не всегда оказалось осуществимым. Так, соседями СССР на выставке наряду с Чехословакией и Венгрией являются Канада, Соединенные Штаты и Ватикан.

Вопрос. Как идет строительство советского павильона?

Ответ. В январе работы вступили в завершающий этап. К 15 февраля все должно быть готово. Строительство ведет под контролем советских специалистов бельгийская фирма Жильон, реализующая проект архитекторов Ю. Абрамова, А. Борецкого, В. Дубова, А. Полянского и инженеров Ю. Рацкевича и К. Васильевой.

Среди многих десятков сооружений выставки советский павильон будет одним из самых интересных и смелых по замыслу и решению.

Пройдя на выставку через Во-

Павильон Организации Объединенных Наций.

Павильон Чехословакии.

рота наций, посетитель сразу же обратит внимание на параллелепипед длиной 150, шириной 72 и высотой 22 метра, выполненный из стали, алюминия и стекла. При всей своей внушительности здание производит впечатление легкости, изящества. Крыша и стеклянные стены подвешены на вантах (тросах), спускающихся с восьми пар стальных опор. Залы и лестницы расположены так, что в поле зрения посетителя находятся не только окружающие его разделы экспозиции, но и павильон в целом. Здание со всех сторон пронизано светом.

Над входом будет установлен девятиметровый ажурный герб Советского Союза. В центре здания намечено установить монумент Владимира Ильича Ленина работы М. Манизера. На днях модель скульптуры была принята специальной комиссией.

Вопрос. Что еще, кроме выставочных залов, будет в павильоне?

Ответ. Ресторан, вмещающий 150—200 человек. Здесь гость сможет заказать блюда национальной кухни различных народов СССР.

Рядом с павильоном строится кинотеатр со зрительным залом на тысячу человек, приспособленный для показа не только обычных, но и широкоэкранных и панорамных фильмов. Предполагается демонстрировать две панорамные картины — уже снятую «Широка страна моя» и вторую — о майских праздниках. На плоской крыше кино оборудуется кафе. В центре площади перед павильоном поднимется шестидесятиметровый обелиск — флагшток.

Наш выставочный ансамбль составляет единое целое, все звенья которого хорошо дополняют друг друга.

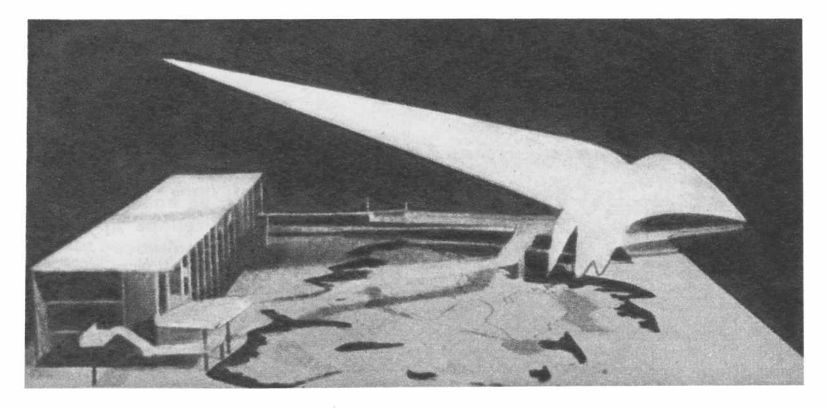
Вопрос. Какова ведущая тема советской экспозиции на Всемирной брюссельской выставке?

Ответ. Мы хотим наглядно показать достижения СССР за сорок лет Советской власти, мирный труд и жизнь советских людей, стремящихся к дружбе со всеми народами.

В вводном зале посетитель познакомится с государственным и общественным устройством многонационального Советского Союза, с его населением, природными богатствами, экономическими связями с зарубежными странами.

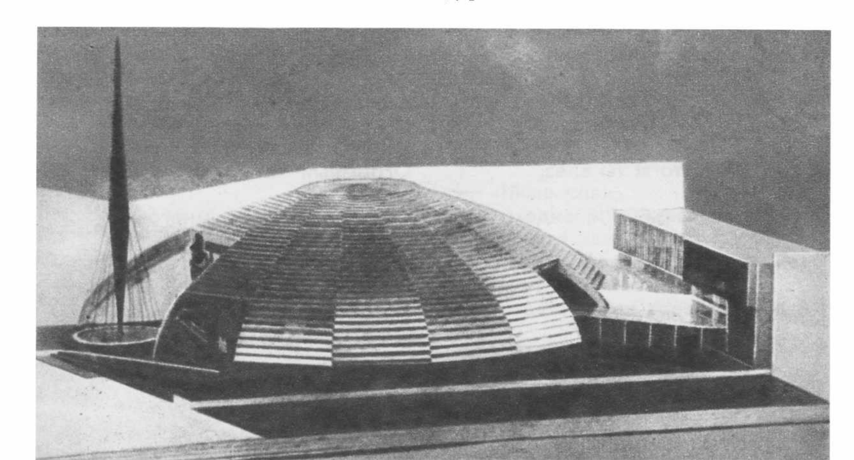
Далее следуют разделы тяжелой индустрии, сельского хозяйства, транспорта, строительства, легкой и пищевой промышленности, народного образования, здравоохранения, искусства, отдыха, спорта, туризма и т. д. Сотни предприятий направляют образцы своей продукции на выставку: машины и самолеты, станки и моторы, грузовые и легковые автомобили новейших марок, в том числе семиместный лимузин «ЗИЛ-111» модели 1958 года, развивающий скорость 170 километров в час, трехосный грузовик «ЗИЛ-157» высокой проходимости и последний выпуск «Москвича» с мотором в 45 лошадиных сил.

На открытой площадке посетитель сможет полюбоваться реактивным воздушным кораблем «ТУ-104», катером на подводных крыльях.

Павильон инженерного дела.

Павильон дерева.

В центральном зале покажут модели первых искусственных спутников Земли в натуральную величину. Они, несомненно, будут самыми интересными экспонатами не только нашего павильона, но и всей выставки.

Посетитель получит возможность осмотреть экспонаты, показывающие мирное использование атомной энергии в СССР, благотворное влияние атома в различных областях техники и медицины. Здесь же — модели первой в мире атомной электростанции и первого в мире атомного ледокола.

Первые пароходы с экспонатами в трюмах и на борту вышли из Ленинграда и Вентспилса, держа курс к берегам Бельгии.

Вопрос. Принимает ли Советский Союз участие в международных павильонах?

Ответ. Наши ученые выступят в международном Дворце науки, ознакомят желающих с достижениями советской науки. Около пятнадцати работ советских художников и скульпторов будет представлено в международном Дворце искусств.

В Брюссель поедут советские артисты: балет Большого театра, Ансамбль народного танца под руководством И. Моисеева, Московский цирк, некоторые коллективы союзных республик, художественной самодеятельности.

Во время выставки будут устраиваться так называемые национальные дни, когда каждая страна — участница выставки — получит возможность широко показать свое искусство. 11, 12, 13 августа — национальные дни СССР: во всех зрительных залах и на эстрадах Хейселя будут выступать наши артисты и спортсмены. По радио и телевидению организуются передачи, посвященные СССР.

Вопрос. Назовите, пожалуйста, наиболее примечательные павильоны других государств.

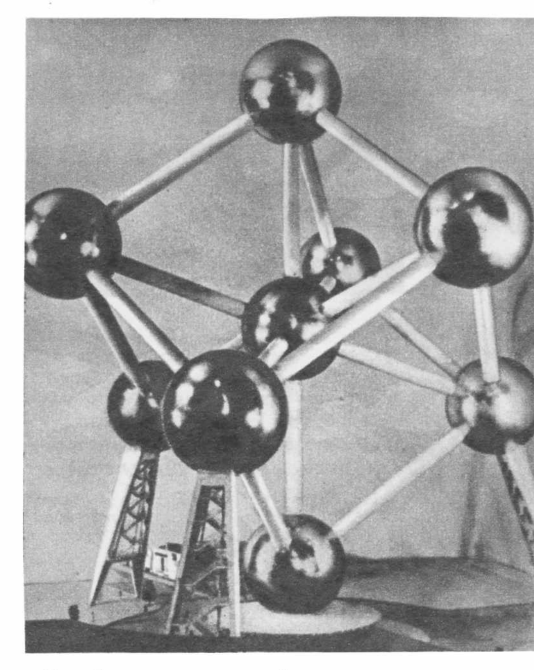
Ответ. Павильон Франции — из стекла. Он покоится на основании, имеющем форму кристалла. Американский павильон, как сообщает печать США, будет «самым большим в мире круглым зданием» без внутренних колонн. Крыша его выполняется из пластмассы и с помощью стальных тросов крепится к внутреннему металлическому кольцу.

Что касается международных павильонов, то всеобщий интерес привлекает нашумевший Атомиум. Это сооружение высотой в 110 метров, повторяющее увеличенную в 160 миллиардов раз схему молекулы железа, будет состоять из девяти полых шаров диаметром 18 метров каждый. Шары располагаются так, как расположены атомы в молекуле железа: восемь по углам и один в центре. Они связаны между собой металлическими трубами. Внутри труб — эскалаторы и лифты для посетителей. В верхнем шаре — ресторан и обзорная площадка. По полученным данным, строительство Атомиума подходит к концу.

Следует также назвать Дворец элегантности, павильоны угля и стали, стекла, керамики и гончарного производства, туризма и путешествий.

Вопрос. Что делается для популяризации экспонатов советского павильона?

Ответ. Напечатаны и печатаются брошюры, плакаты, проспекты, красочные фотографии. Будет издаваться газета советского па-

Так будет выглядеть Атомиум.

вильона. Она уже получила название: «Спутник».

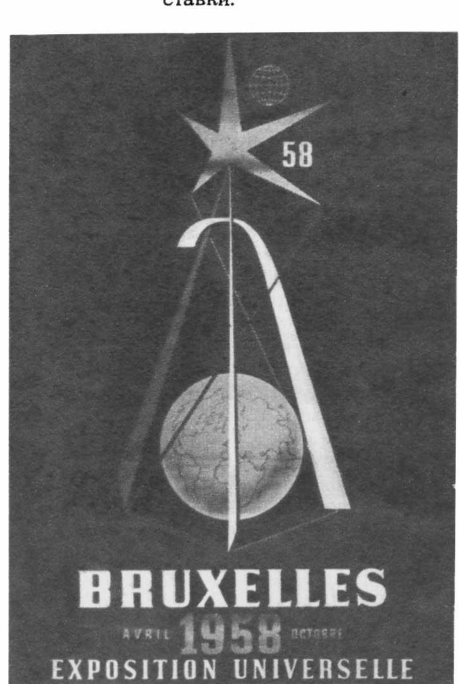
Вопрос. Поедут ли советские туристы на выставку в Брюссель?

Ответ. Принимаются меры к тому, чтобы организовать такие экскурсии. Намечается, в частности, установить прямое воздушное сообщение Москва — Брюссель.

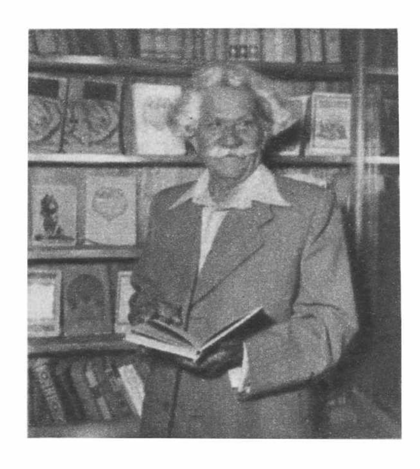
Вопрос. Сколько времени продлится выставка?

Ответ. Шесть месяцев и три дня. После ее закрытия предполагается разобрать советский павильон и перевезти его в Москву. Возможно, здание будет смонтировано на площадке Постоянной Всесоюзной строительной выставки. Впрочем, о месте сейчас говорить рано.

Рекламный плакат Брюссельской выставки. Наверху — эмблема выставки.

Крымские стихи

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Алупка

Их было двое: князь, вельможа
Английской складки, генерал,
Администратор важный,—боже!—
Он целым краем управлял;

Другой был маленький чиновник,
Притом опальный, музам друг,
Ходячих эпиграмм виновник,
За это сосланный на юг;

Был совершенно неспособен
Бумажки дельной написать,
В командировки — неудобен,
В парадировки — не под стать.

Конечно, был весьма забавен,
Вертляв, неглуп, умел острить...
Поэт? Но он уже бесславен,
Его приказано давить.

Бездельник, пуст... А князь
серьезен:
Он насаждал и воздвигал.
Дворец в Алупке грандиозен,
Ведь это он его создал.

Красив и прочен! Камни клали
Здесь на расплавленный свинец!
Таких в Крыму тогда не знали,
Пример — алупкинский дворец.

И парк при нем в английском
роде:
У князя денег, вкуса тьма,
Он крымской помогал
природе
Всей силой власти и ума.

Такой отъявленный строитель
Как мог бездельника терпеть?
Подал донос — и сочинитель
В своей деревне стал сидеть.

Однако, цену людям зная,
Он эпиграмму вновь создал
И, в глушь, на север уезжая,
О князе коротко сказал:

«Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец».

Что князю? Он куда ни станет,
Как из земли, дворцы растут,
И управлять он не устанет,
Везде по мерке, тут как тут.

Весь в звездах, точно свод
небесный,
Не шел по жизни, а летал,
И на Кавказе путь чудесный
Он, как наместник, завершал.

Другой не строил даже кельи,
Не мог служить и не служил,
Потом убит был на дуэли,
Кругом в долгах, в расцвете сил.

Прошло сто лет. Все стало ново.
Успели новь перепахать,
И имя князя Воронцова
В Алупке можно услыхать.

А что ж о Пушкине-поэте?
Давно уж стал он мировым,
И нет такой страны на свете,
Где б, мертвый, не был он живым.

Его дворцы из слов певучих
Нигде к земле не приросли,
Поверх шлагбаумов скрипучих
Идут из края в край земли.

Пусть Пушкин не писал докладов
Об украинской саранче,
Пусть не годился для парадов,
Для эполета на плече,

Для бесконечных заседаний
С распреполезным Дондуком,
Зато он в тысячах изданий
Повсюду каждому знаком!

Пусть пропустил для службы
сроки
И орденов не получал,
Зато сам орденом высоким
Он на груди России стал!

Зато он наша честь и слава,
Как высший гения полет.
И будет «Пушкин» величаво
Из века в век, из рода в род!

Казак Цибуля

(Сказка)

Не курилась у Цибули трубка —
Он в кишéню, где кремень,
кресало.
Хвать, их нет! Сказал: «Эге,
голубка,
Я ж кресало променял на сало!»

Был Цибуля послан есаулом
К Долгорукову с бумагой важной,
Да дорогой, где-то за аулом,
Упился́ он романеей фляжной.

Трубка не курилась. Стал Цибуля
Думать над оказией отменной:
«Значит, трубка... И вот тут
цидуля...
Надобно доставить непременно...

Ну, а как же, скажем так,
доставить,
Если трубка вздумала потухнуть?..»
Думал, думал... «Света бы
добавить,
Что-то рано взялось меркнуть,
жухнуть...»
Поглядел он вправо, влево,
прямо —
Темнота ночная наступает...
«Хай ей грець! Так я ж козак
упрямый!
Шо ж сижу, когда огня
черт мае?»

И поехал без пути-дороги...
А потом коня оставил где-то...
Положился на свои он ноги —
Огонька добыть бы до рассвета.

Шел он, шел, огня нигде не видно.
Вспомнил: он в Крыму... Тепло,
известно,
Только то ему весьма обидно,
Что огня нигде нет повсеместно.

Долго б он блуждал
да догадался:
Сатана на весь огонь польстился!..
Тут провал бездонный оказался,
И казак Цибуля в ад спустился.

«Ты чего?» — вскричали бесенята.
(А в аду, конечно, жар пылает.)
Что ж они пред казаком? Ягнята!
И Цибуля трубку вынимает.

Закурил от адской головешки,
Посмотрел, как грешники пекутся,
Говорит: «Полегче стало трошки,
Вот теперь уж треба мне
вернуться».

Тут орава бесов загалдела:
«Кто ты есть?» А он: «Козак
Цибуля.
Мне до вас, чертяк, якое дело?
К генералу у меня цидуля!»

«А без дела что ж ты влез,
скаженный?» —
Крикнул старый бес и, видом
важный,
Плюнул чем-то вроде мыльной
пены,
И взлетел наверх казак отважный.

Он идет по полю, трубку курит,
Про себя бурчит замысловато:
«Козака и дьявол не обдурит,
Козаки — такой народ завзятый!».

Человек навстречу... Что за диво?
По-каковски он одет, сердяга?..
«Добрый день! Видать, шо ты
щасливо,
А зо мной такая передряга»...

И матросу (встречный был
матросом)
Рассказал, как вылетел из ада.
А матрос, чуть потянувши носом:
«Может, дед, тебе проспаться
надо?»

Тот в обиду: «Я козак Цибуля,
И доставить должен, я вот ныне
Князю Долгорукову цидулю»...
А матрос: «Князей уж нет
в помине!»

«Як же нет?.. Светлейший князь
Потемкин,
Кажуть, муж царицы Катерины...»
Но матрос на это: «Вот потемки!
Этого б позвать на октябрины!»

«Я ж к тебе по делу
обращаюсь!» —
Стал серчать Цибуля на матроса.
«Твоего я дела не касаюсь,
И не в этом вовсе суть вопроса.
О каком-то аде ты бормочешь!
И одет в музейную чумарку...
Рàи, àды и князья — что хочешь,
Это все давно пошло насмарку.

Ты о чем-то говоришь
прошедшем,
У тебя, должно, мозги
в затменье...
Ты в каком был доме
сумасшедшем,
Чтоб тебя отвезть на долеченье?

У тебя хоть борода лопатой,
Да таких едва ль Москва
видала...»
Оглядел себя казак завзятый:
«Свят-свят-свят!». И трубка наземь
пала.

Борода!.. Да и белее мела!..
Заплясали пред глазами кру́ги.
И спросил матроса он несмело:
«Звистно вам: це Крым, або що
друге?»

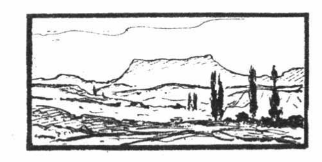
«Крым-то Крым, да власть
теперь другая...»
Долго говорить пришлось
матросу.
Для закурки спички зажигая,
Дал он и Цибуле папиросу.

Чатырдаг

Где б ни был ты в степном
Крыму,
Пусть даже меркнет день,
Увидишь ты и в полутьму
Его густую тень.

Всегда его спокоен вид:
У Крыма на часах
Стоит и дали сторожит
Огромный Чатырдаг.

В Крыму высоких много гор,
Однако только он
Всем видом слон — гора
Шатер,—
Стоит отъединен.

К себе он тянет туч стада,
Готовит им ночлег;
Зимой бывает иногда
Его покроет снег.

И — в белом весь — он величав,
Но любит дуть в свой рог;
У зимней бури дикий нрав,
И нет тогда дорог.

Однако все ему простишь,
Когда придет тепло,
Настанет радостная тишь,
Прозрачна, как стекло.

Весенний воздух свеж и чист,
Широк, упруг твой шаг,
И так улыбчиво-лучист
И близок Чатырдаг!

Тогда со скал его крутых
Бегут-поют ручьи...
Поймайте их и спрячьте их,
И вот вы богачи!

Пасет он даль и поит даль,
И если к морю ты,
То ведь и моря синь и сталь
Он видит с высоты;

То ведь и морю сторож он,
Что около земли,
И если в море дунет слон —
Накренит корабли.

Твой к морю путь—в его седле:
Взберись на Перевал,
И вот, пока еще во мгле,
Ты море увидал.

Ты огляделся — вот так вид!
Повсюду выси гор!
«Добро пожаловать!» — кричит
Тебе гора Шатер.

Он, щедрый, к морю доступ тот
Открыл когда-то всем,
И по его бокам идет
Петлистое шоссе.

Большим отрядам он давал
Укрытие не раз;
На нем Кутузов воевал
И потерял тут глаз.

Наверно, Чатырдаг хранит,
Что спрятал нам одним...
Увидим мы, чем одарит
Когда-нибудь он Крым!

Танец журавлей

Ты идешь весной лугами,
Полон чарами земли,
Хочешь все схватить глазами,
Что вблизи и что вдали.
Притаись-ка за кустами:
Вон танцуют журавли!

Далеко, но ты ведь зорок,
Ты охотник в эти дни,
Не забудь и дробь и порох,
Детство, юность вспомяни,
Не спугни их: каждый шорох
Слышат чуткие они.

Через море, через горы
Совершивший перелет,
Он попал в свои просторы,
Этот радостный народ;
У него там разговоры,
Он там водит хоровод.

У него обряд старинный
По велению стихий.
Если ты прозаик чинный,
Все равно, пиши стихи:
Ты на свадьбе журавлиной,
Там танцуют женихи.

Не гурьбой — они солисты:
Каждый шаг и взмах крылом
Совершают, как артисты,
Чтоб блеснуть своим огнем
Перед теми, кто речисто
Обсуждает их кругом.

Но танцору лишь подруга —
Высший суд. Пред ней дугой
Изгибаясь, он, как вьюга,
Хлещет крыльями, ногой,
То сжимается весь туго,
То бросается на бой
И, усталый, сходит с круга,
И вбегает в круг другой...

А когда смеркаться станет,
Ты увидишь: хоровод
Разлетится, кончив танец,
К берегам окрестных вод...
Пусть тогда твой выстрел грянет,
Как салют, под небосвод.

Урожай

Глянуть только — что ж это за диво!
Как вплотную тут стоят колосья!
Это нива? Нет, это не нива,
Это — русское полноголосье!

Это то, что круто закруглёно,
По-хозяйски, батраков не надо!
Есть гостям незваным оборона,
Ну, а званым мы, конечно, рады.

Выше человеческого роста!
Колос прямо небывало дорог!..
Ястребам совсем не так уж просто
Здесь охотиться на перепелок.

Чьих рук дело, после разберемся,
Имена героев мы узнаем,
А пока посмотрим, улыбнемся,—
Пред каким стоим мы урожаем!

Урожай? А слово это то ли?
Есть ли в нем все мысли и все чувства,
Влитые в подобное приволье?
Нет, это — создание искусства!

Не взрастили — возвели палаты,
Воплотили, как мечту поэта...
Это не подарено, а взято
У земли и солнечного света.

Васильки тут были бы похожи
На ребячьи кляксы на картине,
Их и нет; нигде — смотри, прохожий,—
Не мелькнут они расцветкой синей.

Васильки ушли с полей в гербарий,
Оттого поля необычайны...
— Это кони там проходят в паре?
— Нет, идут на спелый хлеб комбайны!

Мать и дочь

Лежала с крошкой-дочкой мать
На берегу морском,
Ей так хотелось помолчать
В покое голубом,

Но беспокойной дочки нрав
Ей не давал молчать:
Здесь не было цветов и трав,
Живой была лишь мать.

Спросила дочь: «Вода, вода...
Зачем, скажи мне ты?»
Ей мать в ответ: «А где б тогда
Водилися киты?»

Киты, конечно, велики,
Дочь убедила мать,—
Им не хватило бы реки,
Чтоб плавать и нырять.

Но обернулась дочь назад,
Где горы поднялись,
К ним приковав пытливый взгляд,
Смотрела долго ввысь

И наконец спросила: «Мам,
Зачем так много гор?»
Скользнул по дочерним кудрям
Полузакрытый взор...

Она лежала у скалы,
Пляж солнцем был нагрет...
«А где б водилися орлы?» —
Сказала мать в ответ.

Киты в морях, орлы в горах...
Понять ей было в мочь,—
Прошел ее наивный страх,
И приутихла дочь.

Она хозяйством занялась,
Возяся тут с песком,
А мать, к скале оборотясь,
Заснула крепким сном.

Ятаган

— Разукрашенный резьбою
Старый ятаган
Где, когда, какой судьбою,
Дед, тебе был дан?

— Ятаган в бою под Бродной
Надо мной блеснул...
Только б жил!.. Да турка взводный
Тут штыком пырнул.

Ятаган у турка выпал,
И я взял себе,
А когда со службы выбыл,—
Вот, висит в избе.

Так тот день я почитаю,
Точно вновь рожден;
От него года считаю,—
Вот зачем мне он...

Только б жил, когда б не взводный...
В память — ятаган...
Будет это место — Бродно
Впереди Балкан...

— Сколько ж лет себе считаешь?
— Семьдесят теперь...
Каждогодно ожидаешь —
Смерть залезет в дверь.

— Но не лезет! — Нет, девчурка,
Думаю тайком:
Видно, взводный смерть, не турка
Заколол штыком! —

Дед столетний молодецкий,
Хлопнув по плечу,
Подмигнул с улыбкой детской
Женщине-врачу.
Он ведь пасечник колхозный
В солнечном Крыму,
Разве смерть с косою грозной
Так страшна ему?

Горная речка после ливня

Точно табуны буланых,
Чалых и рыжих коней
Мчатся от óводов рьяных,
Сбившись как можно тесней;

Мчатся по узкой дороге,
Круто стремящейся вниз,
Чуть не ломаются ноги,
Топот, и ржанье, и визг!

Так эта речка, которой
В сушь и следа не найти,
Ринулась, бросивши горы,
Все волоча по пути:

Камни, деревья с корнями,
Доски с овечьих хлевов,
Горные травы с цветами,
Штабели пиленых дров...

Камни, свергаясь, грохочут,
Пенится, бьет водоверть,
Рыжие хляби хохочут:
— Не подходи, а то смерть!

Чистую воду морскую
Речка на версты мутит,
А не впускать озорную
Ей доброта не велит.

Да ведь и ливни покорно
С моря на горы ползли,
Только вернулись позорно
С уймою рыжей земли.

День и еще день, пожалуй,
Речка бушует,— поздней
Все, как и было сначала,
Только в ней больше камней.

Осень

Коричневые богомолы
Шныряют в сухой траве,
Купаются суходолы
В нетающей синеве,

На горных вершинах четки
И скалы и каждый бук,
И будто считают четки
Мельканья далеких рук;

И блекнет и вянет море,
И мутен и хмур восток,
И ярко на косогоре
Белеет письма листок.

В горных лугах

Воздух так чист и прозрачен,
Как и не снилося мне,
Каждым пером обозначен
Ястреб, несясь в вышине.

И в трескотне трясогузок
Слышу я робкий привет,
Мир этот не был мне узок
С давних ребяческих лет.

В легкости этой безмерной
Я прохожу, невесом...
Пахнет лиловой люцерной,
Донником и чебрецом.

Шаг мой все шире и шире,
Гуще и выше трава...
Славно б пожить в этом мире
Век бы еще... или два!

Кинопоэма о славном землепроходце

Город Тверь. С гравюры XVII века.

Борис ПОЛЕВОЙ

За дружеской чашкой чая сидели советские и индийские писатели. Шел живой, откровенный разговор, тот непредвзятый обмен мыслями вслух, что возникает порой, когда хозяева и гости, пусть даже еще и недостаточно знающие друг друга, связаны взаимной симпатией. Говорили о древности восточных культур, о еще не вполне раскрытой для европейского мира своеобразной, неувядаемой прелести восточного искусства, о проклятии колониализма, веками довлевшего над древнейшими и величайшими народами Индии, остатки которого и сейчас еще мешают восстановлению их былого величия.

И тут один из индийских собеседников, глубокий, страстный поэт, нетерпеливо вскочив со стула, гневно произнес:

— Ведь первый европеец, побывавший в нашей стране, который во всех западных энциклопедиях значится как открыватель Индии, этот пресловутый Васко да Гама, принес нам столько бед!.. Разве это когда-нибудь изгладится из памяти моего народа?

Тогда встал наш поэт, человек, слывущий, несмотря на серебряные седины, неутомимым путешественником, большой знаток и поклонник древнего восточного искусства.

— Мой друг, вы неправы,— заявил он, и в его выразительных глазах, не потерявших под сивыми кустистыми бровями мальчишеского задора, засветились веселые огоньки.— Вы неправы в трех пунктах этого вашего утверждения. Первым путешественником, открывшим вашу великую страну для европейского мира, был не португалец Васко да Гама, а русский Афанасий Никитин. Это раз. Он много путешествовал по вашей стране и смотрел на нее не жадными глазами завоевателя и конквистадора, а внимательным взглядом умного, любознательного друга. Это два. Он оставил литературный памятник, в котором звал сограждан не к ограблению вашего великого народа, а к миру с ним, к развитию торговли, к тому, чтобы нам учиться друг у друга всему полезному, что наши народы знали тогда.

Индийские гости с интересом слушали слова маститого поэта. Афанасий Никитин! Да, это имя они слышали, но оно в их стране еще мало известно. Не то что имя Васко да Гама. Скажите подробнее об этом русском человеке!

Мы стали рассказывать. Из клубной библиотеки принесли знаменитую книжку Никитина «Хождение за три моря», имевшуюся там в нескольких изданиях. Все на столе было отодвинуто в сторону. Гости склонились над картой путешествия и требовали от нас новых и новых сведений. Чувствовалось, что личность этого отважного тверяка, оставившего бесценный памятник своего подвига, проникнутый духом мира, дружбы, уважения к их народу, заинтересовала индийских коллег.

Среди них находился невысокий, черноглазый, быстрый в движениях человек, который поначалу в разговоре не участвовал. Это был писатель и кинодраматург Ходжа Ахмад Аббас, привлекший в те дни внимание советского читателя несколькими яркими рассказами, напечатанными в «Огоньке». Он долго, задумчиво смотрел на карту пути Афанасия Никитина и потом тихо произнес:

— Мы должны написать об этом человеке, проложившем путь дружбы между нашими великими народами.

И вот в зимний морозный день, когда все вокруг — и сосновые леса Подмосковья, и телеграфные провода, и дорожные указатели, и былинки, торчащие из-под снега,— отягчал мохнатый сверкающий иней, мы едем на Верхневолжье, в тверские края, где в давние времена начал свое путешествие мой славный земляк, купец-землепроходец Афанасий Никитин. Весь этот белый, снежный, такой необычный для взора индийца пейзаж, бескрайние снега, заиндевевшие леса, обоз санных подвод, на которых какой-то колхоз вывозил из лесу дрова,— все это занимает индийского коллегу. Но образ Афанасия Никитина явно уже живет в его душе, отодвигая все остальное на второй план. Сохранилось ли в современном городе Калинине что-то от старой Твери, от зданий, которые мог видеть Никитин, сможем ли мы увидеть в музее одежду тверяков тех времен, постоять на историческом месте, откуда предположительно отправились в дальний путь нагруженные пушниной никитинские ладьи, сохранились ли утварь, оружие того далекого времени, нельзя ли повидать бесценный манускрипт, оставленный путешественником?

И в Калинине, несмотря на жесточайший в этот день, прямотаки обжигающий мороз, гость из Индии неутомим в своих поисках. Осматривает старый храм Белой Троицы, сбегает на лед на стрелке, образованной слиянием Тверцы и Волги, где в древние времена причаливали ладьи заморских гостей, жадно терзает вопросами местных историков. Черные глаза его загораются все ярче. И когда на обратном пути машина мчится по прямому шоссе, тараня ночь огнями фар, он говорит:

— Этот тверяк столько сделал для дружбы между нашими народами, что о нем мало написать репортаж. И рассказ — мало. Вот историческую повесть... Но лучше — кино. Язык кино больше для этого подходит.

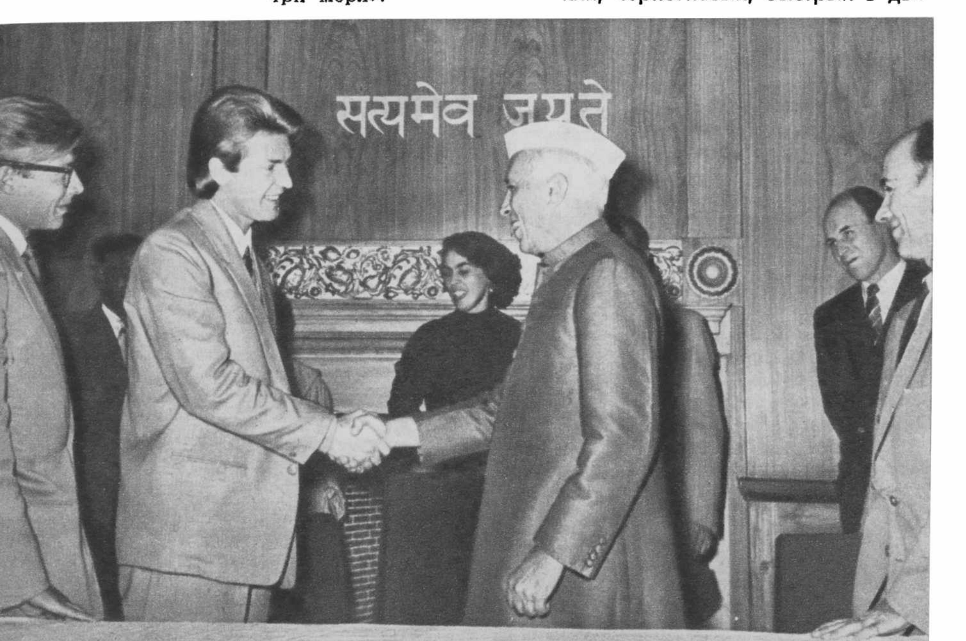
Вся эта давняя уже поездка вдруг вспоминается со стереоскопической ясностью, когда в зале гаснет свет и на экране под музыку, в которой сплетаются индийские и русские мелодии, плывут титры нового цветного звукового фильма: «Хождение за три моря» («Афанасий Никитин»). Сценаристы — Ходжа Ахмад Аббас и Мария Смирнова, режиссеры-постановщики — Аббас и Пронин. Производство киностудий «Мосфильм» и «Найя Сансар». На экране начинает развертываться красивый, увлекательный, романтический рассказ о славном, храбром русском человеке, охваченном неудержимой страстью познания земли, о белокуром гиганте из далекой, неведомой индийцам страны, о его внимательных, все-все замечающих глазах и золотых руках, знающих много ремесел, о беспокойном его мозге, хранящем мудрость своего народа, и большом сердце, открытом для дружбы и любви.

Записки Афанасия Никитина «Хождение за три моря», включенные в русские летописи,— это, говоря современным языком, не просто научный труд географа и экономиста. Это, помимо прочего, прекрасный литературный памятник века, написанный человеком одаренным, вдохновенным, умеющим поэтически воспринимать действительность. Именно то, что авторы фильма прониклись необыкновенно поэтическим духом этой древней рукописи, и обеспечило, как мне кажется, успех новой картины у зрителей.

Что там греха таить, многие биографические фильмы, авторы которых старались создать художественные образы на жесткой и холодной канве бесстрастных биографий, фильмы, звучавшие как беллетризированное учебное пособие, здорово понабили зрителям оскомину. Сила нового фильма, созданного в плодотворном содружестве индийскими и советскими кинематографистами, как мне кажется, заключена в следующем: воспроизводя на экране подлинные события, рисуя личность историческую, авторы рассказывают о подвиге Афанасия Никитина, отталкиваясь от его литературного произведения, и стремятся передать романтический дух его, поэтическую приподнятость и ту теплоту, какой проникнута любая строфа.

Получился фильм, который не просто отдает должное славному

Премьер-министр республики Индии г-н Неру беседует с Олегом Стриженовым, исполнителем главной роли в фильме «Хождение за три моря».

КАДРЫ ИЗ КИНОФИЛЬМА «АФАНАСИЙ НИКИТИН»

Встреча с персидским кораблем на пути в Индию.

В роли Лакшми — известная индийская танцовщица Падмини.

В хижине Чампы. Чампа (артистка Наргис) рассказывает о своей стране русскому путешественнику Афанасию Никитину (артист О. Стриженов). Так рождались все новые записи в книге «Хождение за три моря».

Возвращение на Русь. Афанасий Никитин — О. Стриженов.

человеку, протоптавшему первую тропку дружбы между нашими странами, но романтическая повесть древних путешествий; повесть о любви двух молодых людей, едва знающих друг друга; повесть великого патриотического долга, которому приносится в жертву эта молодая любовь; повесть о трагедии расставания, о живых человеческих страстях, всегда служащих лучшим материалом для кинематографического искусства.

И то, что фильм этот порой звучит как сказка, что в нем иногда ощущается чисто былинная приподнятость, на этот раз, как мне кажется, не отягощает, а, наоборот, красит картину, ибо эти же элементы свойственны и самим запискам великого тверяка, чей образ здесь воссоздается, о чьих подвигах повествуется.

Из советских актеров с настоящей большой удачей можно поздравить Олега Стриженова, создавшего обаятельный образ могучего русского человека Афанасия Никитина, человека большой души, неуемного любопытства, великой доброжелательности, влекомого вперед безудержной жаждой все-все на свете узнать. Его Никитин несколько былинен. Ну что ж. Именно таким встает этот человек из своих записок. Таким и мог он покорить сердца неизвестных ему индийских людей, радушно принимавших его, делившихся с ним тайнами своих ремесел, сажавших его за свой стол и в крестьянской хижине, и в доме ученого, и во дворце вельможи.

Индийские кинематографисты блеснули в фильме созвездием актерских талантов.

Тут и давно любимая советским зрителем обаятельная Наргис, создавшая на этот раз пленительный образ Чампы — милой, веселой, по-детски лукавой деревенской девушки, отдающей свою первую горячую и тревожную любовь белокурому пришельцу из далекой, неведомой ей страны. Тут и прелестная Падмини, очаровавшая москвичей на фестивале молодежи и студентов. Молодая актриса выступает на этот раз в роли танцовщицы Лакшми и так зажигательно исполняет древние индийские танцы, что начинаешь понимать, сколь мужественен, сколь стоек был Афанасий Никитин, отвергший ее любовь и освободившийся из плена ее покоряющего очарования.

Тут и хороший драматический актер Балрадж Сахни, которого мы полюбили за глубокую обличающую игру в фильме «Два бигха земли». На этот раз он играет уличного певца Сакарама, ставшего верным другом русского путешественника. Если в «Двух бигхах земли» нас потрясала его глубоко драматическая игра, то в этом фильме покоряют жизнерадостность, веселье, пленительный актерский темперамент, сочетающийся с глубокой музыкальностью. Не надо быть пророком, чтобы, посмотрев фильм, сказать, что его индийские песенки, и в особенности заключительная, в которой Сакарам бесконечно повторяет русское слово «До свидания», останутся у нас как память об этом фильме и долго будут распеваться нашей жадной до всего хорошего молодежью.

Нет возможности, да и надобности нет перечислять все яркие эпизоды и называть все актерские удачи фильма. Местами он так хорош, что даже прощаешь сценаристам и режиссерам совершенно ненужный пролог, отягощающий и даже запутывающий действие. Но стоит все-таки особенно остановиться на работе индийских и советских операторов: Андриканиса, Николаева, Рамчандра,— на хорошо снятых ими прекрасных пейзажах России и Индии, которые входят в фильм не как фон, а как органический, толкающий действие элемент. Эти пейзажи, как мне думается, не смогут оставить равнодушным зрителя ни у нас, ни в Индии. Они как бы служат художественным подтверждением большой и благородной мысли, неназойливо освещающей весь этот фильм: различны наши страны, их внешний облик, уклады, обычаи, различны народы, проживающие в них, различны политические устройства их государств, но все это не может помешать росту большой и крепнущей дружбы, первое зерно которой заложил в благодатную почву знаменитый россиянин, тверской купец, путешественник и литератор Афанасий Никитин.

Сколько исторических событий произошло с тех пор, как индийский писатель Ахмад Аббас задумчиво бродил на стрелке Тверцы и Волги, стараясь представить себе, как вот от этого берега отчаливали в его страну острогрудые ладьи Афанасия Никитина! На этом месте стоит теперь красивый памятник славному русскому землепроходцу. И как новый памятник пионеру советско-индийской дружбы, созданный содружеством деятелей искусства обеих стран, воспринимается монументальный фильм о славном тверяке.

Г-н Аббас в городе Калинине знакомится с местами, связанными с Афанасием Никитиным.

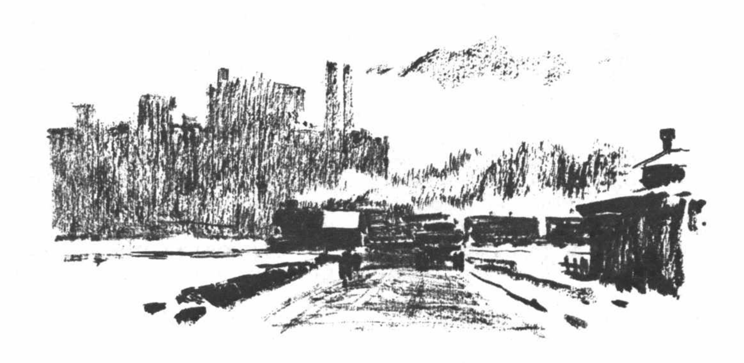
Фото Ю. Полевой.

Лирика

Ольга ВЫСОТСКАЯ

Рисунки П. Пинкисевича.

ЧТО МЫ РОДИНОЙ ЗОВЕМ!

Что мы Родиной зовем!
Гладь степей широких,
Мирный дом, где мы живем,
Пушкинские строки,

Расставанья, поезда,
Дальние дороги
И любимого труда
Радость и тревоги...

Что мы Родиной зовем!
Ветер на просторе
И дымок над кораблем,
Уходящим в море;

Голубой весенний снег,
Речку и пригорок,
Память светлую о всех,
Кто был сердцу дорог;

Свет зари, что поутру
Разгорится снова;
Полыханье на ветру
Знамени родного;

Песню, что когда-то мать
В детстве нам певала,—
Все, за что и жизнь отдать
Было б слишком мало!

ГОЛУБЬ

Весенним утром на дворе
Ребята собрались.
Навстречу утренней заре
Взметнулся голубь ввысь.

Два круга сделав на лету,
Легко набрал он высоту,
И белизна его крыла,
Как слово «мир», была светла!

КРАСОТА

Надо сердце распахнуть
пошире —
Это способ старый и простой,—
Чтоб увидеть в этом сложном
мире
То, что называют красотой.

Красота,
она с тобою рядом,
Подбери к ней точные ключи,
Разгляди ее
душой и взглядом
И других тому же научи!

ГОРА

Бывает,
в гору мы идем,
И высока гора,
Колючки острые кругом,
И камни, и жара...
Но, как ни тяжело идти,
Нельзя вернуться с полпути!

Так и любовь моя к тебе,
Чем дальше, тем трудней.
Как будто по крутой тропе
Иду я много дней.
Но чувств
закон
непостижим —
Мы трудным
больше
дорожим!

У НАС С ТОБОЮ НЕТ ДЕТЕЙ

У нас с тобою нет детей.
Но это только кажется!
Смотри, встают среди степей
Молоденькие саженцы!

Смотри, бегут ребята в класс,
Веселые, умелые!
Как много дел они за нас
Додумают, доделают!

Фуражки мальчиков блестят,
На девочках — передники...
Вся эта армия ребят
Не наши ли наследники!

За них под Керчью шел ты
в бой,
Для них стихи писала я.
Нет, не бездетны мы с тобой!
Семья у нас не малая!

ОПАЛЕННАЯ ЮНОСТЬ

Е. С. Зенькова.

В. ПОНОМАРЕВ

Актеры пригласили ее за кулисы. Она подошла к краю сцены и глянула в маленькую дырочку плюшевого занавеса. Зал был полон. «Видимо, людям пьеса нравится, волнует... Особенно молодежь».

Раздался звонок. Ефросинья Савельевна Зенькова поспешила скрыться в полутьме кулис. Вот уж поднят занавес, и на сцене развертываются события, далекие и вместе с тем такие близкие. Сегодня театр показывает пьесу «Юные мстители».

Ефросинья Савельевна прикрыла глаза. «Да, все это так и было...»

...Когда началась война, студентка-комсомолка витебского швейно-текстильного техникума Ефросинья Зенькова, которую, как и в деревне, звали просто Фрузой, направилась в райвоенкомат. Ей выдали синий комбинезон, солдатскую пилотку, карабин и зачислили в истребительный батальон. Вскоре батальон этот покинул охваченный огнем Витебск. Неподалеку от Вязьмы добровольцы попали в окружение.

Фруза, пройдя сотни километров по земле, оккупированной врагом, пробилась в родную деревушку Ушалы. Деревня стояла в стороне от проезжих дорог, и люди тут чувствовали себя полегче. По вечерам в хате Зеньковых нет-нет да и соберется молодежь. На одной из таких сходок Фруза познакомилась с Борисом Кирилловичем Маркияновым, посланцем подпольного райкома партии. Разговорились. Девушка рассказала гостю, как в соседней деревне женщина спрятала у себя бежавшего из плена советского летчика. Кто-то донес в гестапо. Ее пытали. Она призналась и была расстреляна вместе с летчиком.

— А ты призналась бы? — неожиданно спросил Борис.

— Никогда!

На прощание Маркиянов поручил Фрузе к следующему воскресенью подобрать пять — шесть комсомольцев, на которых можно положиться.

Прошло немного времени. Вновь в хате Зеньковых собралась молодежь, и вновь тут появился Маркиянов. Теперь он пришел с братом Фрузы, Миколой. Как он изменился с тех пор, как стал партизаном!

Завесили окна, Микола вышел на улицу, в дозор, а Борис Кириллович повел большой разговор с молодыми.

Так в Ушалах появилась подпольная комсомольская организация. Секретарем выбрали Фрузу. Было решено писать и распространять листовки и сводки Совинформбюро — ребята утаили от немцев радиоприемник. Тут же комсомольцы сообщили Маркиянову о своем первом подарке партизанам: в сеннике у Марии Лузгиной хранился пулемет.

И началась у семнадцатилетней Тани (подпольная кличка Фрузы) и ее молодых друзей полная опасностей жизнь подпольщиков.

...Однажды в кустах под камнем-валуном, что возле топографической вышки,— место встречи партизан и молодых подпольщиков — Фруза нашла записку: «Ждите мины». Получив мину, девушка стала соображать, как доставить ее Николаю Алексееву, работавшему на железнодорожной станции, которую гитлеровцы тщательно охраняли. Фруза решила положить мину в ведро с молоком и направилась к станции. У моста ее встретили пьяные хулиганы в компании с полицаями.

— Чего несешь? Покажи!

— Разве не видишь? Молоко несу немцам.

— Ты уж лучше нам отдай!

Девушка растерялась. Что делать?

В этот момент Фруза увидела на другом берегу реки немцев.

— Господин офицер! Господин офицер! Молока!.. — закричала Фруза, показывая на ведро. И, обойдя полицаев, поспешила на другой берег.

Минутная встреча, а сколько пережила тогда Фруза! Зато как радостно было, когда Николай Алексеев удачно подложил мину под цистерну с горючим и сильный взрыв на станции потряс всю округу.

В подпольный райком комсомола — его возглавляла партизанка Наталья Герман — от молодых подпольщиков поступали лаконичные донесения: «Рабочий-железнодорожник Николай Алексеев сообщает, что гитлеровцы отправляют на фронт танковую дивизию «Мертвая голова»... «Володя Езовитов подложил мину под сиденье автомобиля зондер-фюрера, и фашист взлетел в воздух вместе со своим «оппель-капитаном»... «Евгений и Володя заминировали на глазах у гитлеровцев шоссе».

Чуть ли не каждый день под заветным валуном у топографической вышки связные Бориса Маркиянова и Наташи Герман находили доклады подпольной группы «Юные мстители» и оставляли ей задания.

Как-то Борис Маркиянов сообщил Фрузе разработанный в отряде план взрыва водокачки на станции Оболь — это нарушило бы движение на очень важном участке пути Полоцк — Витебск.

— Может, вы возьмете на себя это дело? — спросил секретарь райкома.

— Охотно, — согласилась Фруза.

— Непосредственное выполнение задания поручите Нине Озолиной.

— Переписчице из комендатуры?!

— Да, ей.

— Нина у нас еще ничем не отличилась... Да и хохотушка к тому же...

— А ты с ней поговори по-комсомольски, по душам. Ей легче, чем кому-либо: для охранников-немцев она ведь «свой» человек.

На заседании подпольного комсомольского комитета Фруза рассказала о новом задании.

— Я согласна. Давайте мину, — спокойно заявила Нина.

На следующее утро Нина, сославшись на головную боль, отпросилась у коменданта подышать свежим воздухом.

— Битте, битте, — любезно разрешил комендант, давно искавший расположения девушки.

Нина взглянула в зеркальце, поправила прическу, щелкнула сумочкой и вышла к речке, к самой водокачке: «Хочу освежить лицо студеной водой». И вдруг грозный оклик унтера: «Сейчас же уходи отсюда, или буду стрелять!»

— Почему вы такой сердитый, господин офицер? — по-немецки защебетала Нина и бросила на толстяка игривый взгляд.

— О! Фрейлен Нина! Извиняйт!

Нина подошла к ограде и принялась любезничать с толстяком. А сама уже прикинула, как она подкинет взрывчатку вон в ту угольную кучу. Вдруг охранника позвали к телефону. Случай этот решил исход операции.

Водокачка взлетела в воздух. Гитлеровцы вынуждены были наполнять тендеры паровозов ведрами.

...Под заветным камнем партизаны находили новые и новые донесения. Зина Портнова и Нина Давыдова организовали диверсию в офицерской столовой. Илья Езовитов вывел из строя локомобиль на кирпичном заводе. Аркадий Барбашов поджег мост на шоссе. Зина Лузгина подложила мину на льнозаводе...

Так продолжалось до 26 августа 1943 года. В этот день в дома юных патриотов одновременно ворвались полицаи и немецкие солдаты и арестовали почти всех подпольщиков. Аркадий Барбашов, живший в деревне Ферма, узнал о случившемся от знакомого полицая, похвалившегося, что всех переловили, «кроме ихней атаманши Фроськи».

Аркадий знал, что «товарищ Таня» в Полоцке и вот-вот должна вернуться домой. Он тут же побежал к шоссе: «Надо встретить и предупредить!» Скоро показался грузовик, в кузове которого сидела Фруза. Аркадий подал знак: «Слезай!» Домой Фрузе идти нельзя было: солдаты дежурили у ее хаты.

Избежали ареста и Зина Портнова с сестричкой Галей, Валя Шашкова, Мария Дементьева, Илья Езовитов и Валя Дементьева — все они несколько раньше ушли в партизаны.

После долгих пыток и страшных истязаний двенадцать участников подпольной группы были расстреляны.

...Во время антракта Ефросинью Савельевну пригласили артистки Витебского театра имени Якуба Коласа З. И. Конопелько, исполнительница роли Фрузы в пьесе «Юные мстители», и Елена Ивановна Лаговская, игравшая мать Фрузы. Долго беседовали они с Ефросиньей Савельевной, отыскивая новые детали, которые помогут актрисам создать образы такие же глубокие и сильные, какими их прототипы были в жизни.

Задача актеров облегчается. Герои живут среди них. Бывший комиссар партизанского отряда Борис Кириллович Маркиянов живет в Витебске и работает старшим преподавателем истории КПСС; Ефросинья Савельевна Зенькова работает в одном из райвоенкоматов Витебска; Галя Портнова — студентка Ленинградского горного института; Аркадий Барбашов заведует столярной мастерской в Обольской средней школе; Мария Ушакова трудится в целинном совхозе; Илья Езовитов — ревизор на железной дороге...

В антракте. Ефросинья Савельевна и заслуженные артистки БССР Е. И. Лаговская и З. И. Конопелько.

Фото А. Дитлова.

Последняя операция

Владимир ЗУБАВИН,

студент IV курса I Московского медицинского института

Рассказ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Никита Иванович Кедрин, окончив медицинский институт, получил направление в сельскую районную больницу лечащим врачом.

Это был молодой человек двадцати трех лет, высокий, худощавый, с большими голубыми глазами. И потому, что его глаза временами бывали то доброжелательными, то строгими и гордыми, то откровенно приятельскими, становилось понятно, что Кедрин еще ищет свое отношение к людям, с которыми ему предстоит идти по жизни.

Он был трудолюбив, врачебная профессия ему нравилась, и будущая работа казалась простой, ясной, доставляющей только радость и удовлетворение.

Уже с третьего курса Кедрин всегда старался сам ставить диагнозы людям, которых осматривал в клиниках, не заглядывая в их истории болезни, составленные ассистентами. Ему это часто удавалось, и теперь он считал, что может определить различные заболевания, для начала пусть и не в сложных случаях. Но все оказалось иначе.

Когда Кедрин приступил к работе в хирургическом отделении, когда на него легла ответственность за жизнь пятнадцати больных мужчин, находящихся в двух его палатах, он словно потерял способность разбираться во всех многочисленных симптомах и жалобах. Он не мог от всего отрешиться и думать только о болезни, а постоянно видел перед собой глаза этих людей, смотрящих на него то с надеждой, то с насмешкой, тоскливые глаза исстрадавшихся людей, оторванных болезнью от внешнего мира и погруженных лишь в свои внутренние переживания. Сознание того, что он может помочь этим людям, избавить их от страданий, и в то же время боязнь поставить неверный диагноз снова и снова заставляли Кедрина сомневаться в том, что раньше ему казалось ясным.

Кончались все его сомнения тем, что он шел к главному хирургу отделения Николаю Кондратычу.

Николай Кондратыч был низенький, налитый здоровьем старичок шестидесяти пяти лет, с круглым животиком, розовой, блестящей лысиной, седыми, обвислыми усами и большим, красным, как у пьяницы, носом. На кончике носа росли длинные седые волоски, которые он часто с остервенением выдергивал.

— Опять запутался, Николай Кондратыч, — придя к нему, говорил Кедрин, стыдясь своей нерешительности и беспомощности.

— Ну, пойдем глянем. — И Николай Кондратыч, мелко перебирая короткими ножками, шаром катился впереди Кедрина по коридору, заложив руки за спину.

Когда же, осмотрев больного, они выходили из палаты, Николай Кондратыч, глубокомысленно насупив брови, брал Кедрина за локоть и говорил:

— Очень запутанный случай, Никитушка! По-моему, это все же близко к холециститу. Ты сам обязательно еще раз проверь.

Кедрин, раньше только предполагая, а теперь окончательно уверовав, что это самый обыкновенный холецистит, прекрасно понимал, что Николаю Кондратычу тут все ясно, сомневаться не в чем, а сказал он о сложности диагноза, только щадя его самолюбие.

Кедрин снимал комнату недалеко от больницы, жил одиноко. Свободного времени ему некуда было девать, так как в этом городишке было всего два кинотеатра, где каждый вечер шли старые картины. И как-то само собой получилось, что он стал, кроме своих плановых дежурств, часто оставаться на ночь вместе с Николаем Кондратычем, оперировал с ним и советовался во всех случаях, хотя уже сам сделал немало операций.

Больница находилась в старом кирпичном здании с колоннами. Когда Кедрин дежурил, то в долгие зимние ночи в полутемном коридоре с высоким арочным потолком он чувствовал себя тоскливо и одиноко. В глубоких кожаных креслах дремали дежурные сестры; настольная лампа, накрытая сверху газетным колпаком, ярко освещала лежащие около нее стопки историй болезни, рецептов; из-за полуоткрытых застекленных дверей палат слышались храп и стоны больных. Кедрину почему-то начинало казаться, что уже завтра все они выпишутся, больше никого не привезет «Скорая помощь», а он так и будет сидеть ночами в этом длинном неуютном коридоре. Тогда он шел к Николаю Кондратычу в ординаторскую — небольшую квадратную комнатку около операционной, где стояли потертый, в трещинах кожаный диван, письменный стол у окна да два венских стула.

Николая Кондратыча мучила стариковская бессонница, и он мог ночь напролет разговаривать с Кедриным, сидя за столом и попивая чай с клюквой.

Кедрин устраивался на скрипучем диване, закуривал.

— Курить, Никитушка, вредно, болеть часто будешь. — Николай Кондратыч проводил рукой по вспотевшему лицу. Почувствовав под ладонью на носу волосы, он скашивал глаза, ухватывал ногтями самый длинный волосок и, сморщившись, выдергивал. — А врачу, голубчик, болеть не полагается: время не позволяет. Ты врач, ты обязан всегда о людях думать и заботиться и ночью и в праздники. Вот такого врача все любят, шапки за версту перед ним ломают!

Кедрин смотрел на дымящуюся папироску и беззлобно думал, что старик, конечно, очень гордится собой: шапки за версту перед ним ломал весь город. Степенно здоровавшиеся с ним за руку старики помнили, как приехал он, молодой неунывающий бессребреник, как денно и нощно метался из конца в конец города по вызовам, работая и терапевтом, и глазником, и хирургом, и акушером; как во время эпидемии сыпного тифа, когда он сутками не покидал больницы, умерла его жена, учительница, самоотверженно помогавшая ему.

У Николая Кондратыча был, как говорят, свой конек — костно-суставный туберкулез, и если уж он взбирался на этого конька, он мог рассказывать до утра.

— Самая трудная диагностика, Никитушка, — это костный туберкулез у ребятишек. Ну вот, приведут к тебе маленького человечка, а он сам-то не может понять, болит у него или нет. А мать или бабушка довольны. Бывало, целый день покоя нет: то девчонок за косы таскает, то побежит, упадет — нос разбил, то на забор полез — штаны разорвал! А теперь сидит дома, гулять не ходит, не бегает, не прыгает. Не мальчик, а одно загляденье! Толь-

ко вот хандрить начал. Вот, голубчик, и все жалобы, а уж остальное ты своей наблюдательностью должен увидеть. Скажем, у человечка туберкулез позвоночника — так он идет, как купец, животом вперед. Смотри!

Николай Кондратыч вскакивал со стула и, выпятив свой и без того кругленький животик, опустив руки вдоль туловища, маленькими шажками несколько раз проходил мимо Кедрина. Лицо его и вся фигура так точно передавали покорность и стыдливость ребенка, которого заставили ходить голым перед незнакомым дядей, что Кедрин не выдерживал и улыбался.

— А положишь его на кровать, — запыхавшись, продолжал Николай Кондратыч, уже снова сидя на стуле, — животик пропал. Тогда ты посади его, брось перед ним, будто нечаянно, конфетку или там картинку какую-нибудь интересную и посмотри, как он нагнется. Здоровый — вот как.

Николай Кондратыч доставал из кармана рецептный бланк, бросал его на пол и, несмотря на свои годы, быстро нагибался, не вставая со стула.

— А больной нагнется, как старичок, да еще покряхтывать будет!

Встав, держась одной рукой за спинку стула, он, громко сопя, начинал потихоньку присаживаться, не сгибая спины. Присев, он долго шарил рукой по полу и, найдя бланк, так же медленно, опираясь о стул, поднимался.

— Вот как, Никитушка! Если ты рано диагностировал костный туберкулез, ты спас маленького человечка от увечья, а может быть, и от смерти. И уж будь покоен: он тебя всю жизнь не забудет!

Если среди ночи привозили больного, Николай Кондратыч обычно ассистировал Кедрину и смешно, безобидно ругался из-под маски, когда тот ошибался даже в какой-нибудь мелочи:

— Мешок ты с овсом, кривая рука! Куда залез? Почему меня не слушаешь? Милиционера, что ли, здесь для острастки поставить? Всё, ни одной операции при мне делать не дам. Сам режь, кроши, как знаешь!

Сестры прыскали и отворачивались. Кедрин не обижался на Николая Кондратыча, потому что всем давно было известно, что тот кричит только на человека, которого считает своим хорошим другом.

Часто бывал Кедрин и на обходах с Николаем Кондратычем.

Тот знал каждого больного, его жизнь, его семью, и, может быть, поэтому они верили ему и безоговорочно выполняли все его требования. И когда он, словно колобок, вкатывался в палату, то казалось, что приносил с собой бодрость, здоровье своим неунывающим видом, своими по-стариковски грубоватыми шутками, своими крикливыми выговорами.

— Ну, ты мне, упрямая башка, брось курить! А то лечить не буду и милиции отдам! И звезда твоя золотая не поможет! — грозил Николай Кондратыч пальцем.

«Упрямая башка» — огромный грузный председатель колхоза, — жалостливо улыбаясь, доставал из-под подушки пачку «Казбека» и покорно протягивал Николаю Кондратычу.

— Милиции испугался? А вон она, милиция-то, лежит и трясется от страху, как старый мухомор! — кивал Николай Кондратыч на молоденького белобрысого паренька, сержанта милиции, никак не решающегося на операцию.

Сержант густо краснел и отворачивался к стенке.

Окончив осмотр и выходя из палаты, Николай Кондратыч грозно заявлял:

— Чтоб мне тут все ели за троих и не куксились!

Постепенно приходило к Кедрину и мастерство хирурга и то, что Николай Кондратыч называл докторским чутьем. На самом деле это была выработанная годами постоянной практики способность увидеть и понять самое главное, характерное для болезни.

Кедрин перестал замечать на себе недоверчивые и насмешливые взгляды. Теперь больные ждали его с надеждой, и когда он приходил к ним, то чувствовал, что они верят в его искусство, в его способность совершить невозможное.

К Николаю Кондратычу Кедрин испытывал хорошие, теплые чувства и часто с удивлением думал, как он мог раньше не знать этого чудесного человека, подобно тому, как удивлялся он людям, не знавшим в Москве Зубовской площади, Пироговской улицы, Новодевичьего монастыря, где находился медицинский институт, хотя сам-то познакомился с этим районом лишь став студентом.

Только вдруг Кедрин начал замечать, что с Николаем Кондратычем что-то происходит. Тот стал иногда подолгу неподвижно, молчаливо сидеть, опустив глаза и сложив руки на животе, а потом, словно оттолкнув от себя навязчивые неприятные мысли, принимался шутить весело, беззаботней, чем когда-либо. Но Кедрину почему-то казалось, что эта беззаботность напускная, что у Николая Кондратыча тяжело и неспокойно на душе. Может быть, потому, что лицо Николая Кондратыча потеряло выражение бодрости и здоровья, на шее появились дрябловатые старческие складки кожи.

Но по-прежнему каждую субботу, с двух часов до шести, Николай Кондратыч в черном костюме с орденской колодкой усаживался в своем кабинете около приемного покоя, и к нему, депутату областного Совета, шли на прием люди со своими обидами, с горем, с радостью. Просьбы и требования были различные: и новые квартиры, и ремонт, и улаживание семейных драм, — но все были уверены, что Николай Кондратыч поможет. И он действительно помогал, этот добрейший старик, наверное, ни разу в жизни не подумавший о себе.

Однажды в декабре, после напряженного ночного дежурства, Кедрин утром задремал на диване в ординаторской. Разбудил его Николай Кондратыч, тихо тронув за плечо:

— Дай, Никитушка, прилягу.

Кедрин вскочил, бросил на лицо несколько пригоршней ледяной воды из-под крана и, тут только окончательно проснувшись, удивился, почему лег Николай Кондратыч.

— Заболели? — спросил он, присаживаясь на краешек дивана и утираясь шершавым вафельным полотенцем.

— Да, голубчик. Останешься теперь за главного! — грустно улыбнулся из-под усов Николай Кондратыч.

— Ну что панику-то поднимать? Дайте я посмотрю вас! — нарочито грубовато сказал Кедрин.

— Нечего смотреть, Никитушка. Это у меня рак желудка с метастазами в печени. Проглядел я его, а обнаружил, когда уж он в печень перекинулся. Теперь-то уж все, голубчик.

Кедрин бессмысленно глядел на круглый, равномерно вздымающийся животик Николая Кондратыча. В голове его никак не могло уложиться, что этот близкий ему человек, который еще совсем недавно ходил вместе с ним по палатам, оперировал, которому он обязан всем своим врачебным мастерством, обречен.

— Вот что, Никитушка,— Николай Кондратыч сморщился и закусил губу, а у Кедрина сжалось сердце и к горлу подкатил клубок, — теперь-то уж все равно, пусть-ка дают мне морфий. Ну, иди, голубчик, иди, на обход пора!

На обходе Кедрин был молчалив, рассеян. Он не замечал на себе сочувственных взглядов больных, терявшихся в догадках, что произошло с молодым доктором. А он, кроме того, что был подавлен неожиданно навалившимся на него несчастьем, думал об огромном человеческом геройстве Николая Кондратыча. Ведь тот знал, что у него не поддающийся лечению рак, еще тогда, когда рассказывал о костном туберкулезе, когда балагурил с больными, когда «натаскивал» Кедрина на операциях.

Когда обход кончался, привезли старика-почтальона. Его подобрали на дороге этой вьюжной ночью колхозники, ехавшие в город. Они отвезли старика домой, но к утру у него поднялась температура и начался бред.

Кедрин осмотрел старика. Голень правой ноги распухла, покрылась синевой. Стопа была белая, холодная, и, когда Кедрин ущипнул ее, старик ни одним движением не показал, что почувствовал. Это было отморожение четвертой степени. Ища причину жара и надрывного, хриплого дыхания, Кедрин обнаружил у почтальона еще и двустороннее крупозное воспаление легких.

Старик метался в бреду по топчану и что-то бормотал. На обострившемся, морщинистом, задубленном морозом и зноем лице его неестественно выдавались прямой угреватый нос и узкий, в седой щетине подбородок. И когда старик, приходя в себя, на миг неподвижно затихал, запрокинув голову, то казалось, что весь он стремится куда-то, хочет оторваться от постели.

Ампутировать стопу было необходимо, но тяжелое состояние старого почтальона пугало Кедрина: тот мог умереть на операционном столе. А ждать исхода воспаления легких было нельзя: на ноге могла начаться гангрена. Кедрин решил рискнуть и ампутировать.

А за окном, почти над самыми заснеженными крышами одноэтажных домиков, порывистый ветер гнал рваные, грязные тучи. Бушевавшая ночью метель стихла. Начиналась оттепель.

И давящее ощущение от пасмурной погоды, и вид деревянных, потемнелых от талого снега стен домиков, и страшная, неотвязная мысль о неминуемой смерти Николая Кондратыча — все это сделало Кедрина усталым, разбитым и ко всему безучастным. Ему стало казаться, что из него никогда не получится хорошего врача, что он ничем не может помочь старому почтальону, и, если будет делать операцию, тот ее не перенесет.

Он встал и медленно пошел в ординаторскую к Николаю Кондратычу.

Николай Кондратыч, уже лежавший в устроенной ему постели на диване, выслушав его, горько усмехнулся:

— Ведь говорил я ему: носи валенки, старый ты попрыгунчик. А он все: нет да нет, «в сапогах удобнее». Добегался старик! Ну, иди, голубчик, оперируй! Ни пуха!

Но Кедрин, не шелохнувшись, сидел на стуле, глядя прямо перед собой. Вдруг, сам не понимая почему, он начал хрипло, отрывисто говорить, что ему тяжело и страшно расставаться с ним, добрым Николаем Кондратычем, что сам он уже не верит в свои силы и боится делать эту операцию.

Николай Кондратыч затрясся от негодования.

— Ты, овсяной мешок, ты жизнь человека решаешь, а себе не веришь! Нет, я сам буду оперировать! Я ж его детей принимал, а теперь отдам оперировать какой-то кислятине? Нет!

И он, как был в голубой линялой пижаме, вскочил с дивана и вышел из ординаторской, хлопнув дверью.

В предоперационной Николай Кондратыч в желтом резиновом фартуке, с закатанными рукавами пижамы мыл в тазу руки, расплескивал воду на пол и буркнул вошедшему Кедрину:

— Мойся, помогать будешь!

Тот молча пошел к раковине.

Во время операции Кедрин, стоявший напротив Николая Кондратыча, видел, как лоб его то краснел, то становился мертвенно-бледным и покрывался крупными каплями пота, глаза застывали, делались словно стеклянные, и угадывалось, что под маской судорожно сжимался от боли рот.

Но Николай Кондратыч не спеша наложил швы, смазал йодом культю и, только уже идя бок о бок с Кедриным переодеваться, пошатнулся и тяжело навалился на него:

— Ох, больно, Никитушка!

Хотя температура у старика-почтальона еще долго держалась довольно высоко, было ясно, что операция сделана удачно. Опасение внушало теперь только воспаление легких, потому что старик был слаб. Николай Кондратыч каждый день расспрашивал о нем Кедрина и сердился:

— Да перестань ты хмуриться. Мы вытащим его. Жить будет и нас с тобой поминать добрым словом.

И действительно, на пятый день, после резкого падения температуры, старик начал медленно выздоравливать. Этого бы сразу никто и не заметил, если бы сам он не почувствовал, что остался в живых. Тогда его выцветшие глаза начали поблескивать бойко, хитровато, и вдруг оказалось, что веселей и разговорчивей нет человека во всем отделении. Он знал, что его спас Николай Кондратыч, несколько раз просил, чтоб того позвали, но сестры говорили, что он в отпуске.

А Николаю Кондратычу становилось все хуже, и он перестал вставать с постели. У него отекли ноги, появилась одышка, несколько раз откачивали жидкость из брюшной полости. Морфий оказывал свое действие: Николай Кондратыч не ощущал острых болей,— но было видно, что он уже почувствовал близость смерти. В глазах его, даже когда он улыбался, стояло тоскливое, непередаваемое выражение живого существа, понявшего, что надвигается тот миг, когда для него навсегда пропадет все это сложное, многоцветное, что окружает его и называется жизнью.

Что было дальше,— все это сохранилось в памяти Кедрина несколькими яркими картинами, разделенными огромными провалами, будто он в это время вовсе и не принимал больных, не оперировал, а находился в каком-то полузабытьи.

Помнил Кедрин последнюю ночь, которую провел он вместе с Николаем Кондратычем. Тот, перемогая себя, устроился на стуле за столом. Кедрин сходил ему за чаем на кухню и, вернувшись, сел на диван, отбросив одеяло и простыню. Николай Кондратыч, прихлебывая из стакана чай с клюквой, вдруг сказал:

— Закури, Никитушка, закури!

Кедрин отрицательно затряс головой.

— Да кури, голубчик, мне этим не поможешь. Лучше давай посидим, как раньше.

Николай Кондратыч долго, с наслаждением пил чай. Отставив пустой стакан, он, словно вспомнив, ухватил ногтями волосок на носу и рванул его. Резкое движение отдалось болью. Он сжал живот руками и согнулся, но, увидев тревожные, широко раскрытые глаза Кедрина, через силу улыбнулся:

— Вот ведь нахалы, все растут и растут! Понять не могут, что некрасиво,— в гробу буду лежать, а на носу волосы. Ты, Никитушка, не очень-то тужи: старик свое сделал! Это тебе, молодому, смерть кажется страшной, а мне что! И умирать-то совсем не страшно, а только очень не хочется!

И он, как и в прежние ночные дежурства, начал рассказывать о больных, которых он когда-то вылечил от костного туберкулеза и которые до сих пор пишут ему трогательные письма; говорил, как ведут себя дети на приемах, только теперь уже не показывая этого.

Кедрин молча слушал его, судорожно затягиваясь папиросой. Он чувствовал, почему глаза у Николая Кондратыча были такие жадные и восторженные, будто он впервые смотрит на все; почему он часто поглаживает себя по лысине, словно это прикосновение доставляет ему удовольствие; почему попросил закурить и теперь шумно втягивает в себя воздух, пахнущий смесью табака и хорошо знакомым каждому врачу запахом больницы.

Николай Кондратыч наслаждался жизнью.

На гражданской панихиде, когда говорили речи, прощались с Николаем Кондратычем, Кедрин ничего не видел, кроме большого бледного лба, прикрытых веками глазных яблок навыкате и обвислых седых усов. Он не видел, что женщины плачут, что врачи стоят в белых халатах, словно офицеры в парадных мундирах, у гроба своего товарища; он не чувствовал смолистого морозного запаха темнозеленых еловых ветвей. И хотя он знал, что Николай Кондратыч уже не откроет глаз и никогда ничего не скажет, у Кедрина где-то в глубине души теплилась надежда, что это все может перемениться. Только когда он услышал сзади хриплые, тягостные всхлипывания и, обернувшись, увидел старика-почтальона в серой пижаме, опиравшегося на костыль и свободной рукой прижимавшего к груди газетный сверток, из которого торчала зубная щетка, Кедрин окончательно понял, что лишь каких-нибудь полчаса сможет видеть Николая Кондратыча, а потом только образ его останется в памяти. Он надрывно зарыдал, вытирая слезы рукавом халата.

Сквозь толпу к Кедрину пробилась сестра из приемного покоя и прошептала на ухо:

— Никита Иваныч, больного привезли с ущемленной грыжей.

— Иду,— хрипло ответил Кедрин.

Он постоял, насухо вытер рукавом глаза и начал медленно пробираться к выходу.

Жадная Катя

Павел КАТАЕВ,
студент II курса факультета журналистики МГУ

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

За окном заметно стемнело. У горизонта появилось большое вечернее облако, которое всегда казалось Кате снежной горной вершиной. Оно всегда напоминало о родном Урале. Катя упала на кровать и заплакала.

Подушка под щекой теплела и становилась влажной.

Если разобраться, ничего особенного не произошло. Когда Катя пришла из сада, ее вызвал к себе директор.

— Вот что, Катюша. К нам приехал новый тракторист с женой и ребенком. Ему надо помочь.

— Надо помочь,— согласилась Катя.— Но я-то здесь при чем?

Она сразу же догадалась, зачем она нужна, но не показала виду.

— Как раз ты здесь и при чем. Сама понимаешь: надо человеку устроиться на новом месте. Заработать. Ты должна дать ему свой трактор.

— Почему именно мой? Дайте тридцатый.

— Тридцатый испорчен.

— Пусть ремонтирует, а мне с понедельника пары пахать, вы же знаете.

— Знаю, но думаю, что он должен пахать, а ты до уборочной в саду останешься.

— Это меня не устраивает! Сколько я в саду заработаю? Я трактористка и хочу работать на тракторе.

— С этим не поспоришь. Но ты одинокая, тебе легче.

Катя чуть было не сказала, что Васька тоже одинокий и ему будет еще легче, но поняла, что у Васьки нельзя отнимать работу. Его трактор почти весь сев простоял в ремонте, и Васька ничего не заработал.

Катя молчала. В ней закипало раздражение.

— Значит, если ты комсомолка, передовая трактористка, то ты и расхлебывай? — вдруг закричала Катя. — Запчастей не даете, вручную приходится делать...

— Ты здесь не кричи! — рассердился директор. — Я тоже умею. Согласна или нет?

— Несогласна.

— Сама понимаешь, что это не ответ. Можешь идти. Но чтоб завтра пришла и сказала: «Я понимаю, как это важно не отпугивать людей от целины. Я здесь коренной житель, хозяйка и согласна помочь новому трактористу». Ясно? Все.

Катя вспомнила весь разговор, слово в слово, и пришла к выводу, что вела себя неверно. Нужно было сразу соглашаться. Катя хорошо изучила директора и знала, что, когда она ушла из кабинета, директор подумал: «Хорошая девка Катюша Козырева, но жадна до денег». Между прочим, так оно и было на самом деле.

Кате стало стыдно своих слез. Она вытерла глаза и покрасневший нос аккуратно обшитым платочком и подошла к стене, где за марлевой занавеской висело ее желтое крепдешиновое платье...

Когда-то в этом платье она ходила на заводские вечера у себя на Урале и замечала завистливые взгляды подруг. Теперь платье заметно выцвело на плечах и на груди, подол

сделался неровным. Платье уже не имело праздничного вида.

Катя включила лампочку и посмотрела платье на свет. Внизу, где подол был подшит, крепдешин расползся, и Катя села зашивать его. Глаза еще не вполне высохли и пощипывали, отчего Катя иногда всхлипывала.

Пришел Васька. Он заметил, что Катя плакала, но не решился заговорить об этом.

— Пошли в клуб,— сказал он.— Из Барнаула Петя приехал с аккордеоном. Потанцуем.

— Не хочу. Вот видишь, платье чиню.

— А я пойду.— Ваське хотелось остаться, но он почему-то сказал, что пойдет.

Кате тоже хотелось, чтобы Васька остался у нее. Поговорить с ним. Посоветоваться. Да мало ли вещей, которые волновали Катю и о которых ей хотелось рассказать Ваське! А то он все время говорит не то, что хочет. Катя это понимала. Объяснился бы, что ли!

— Ну иди,— вздохнула Катя и опять стала штопать.

Васька закрыл за собой дверь, потоптался в коридоре, снова появился и сказал:

— Брось ты это платье. Купи новое. А то в совхозе говорят, что денег у тебя много, зарабатываешь хорошо, но скупая.

И Васька ушел, уже по-настоящему.

В воскресенье, на следующее утро, Катя надела желтое платье и пошла в соседнее село на почту. Она ходила туда два раза в месяц после получки. «На сберкнижку денежки понесла»,— говорили в таких случаях в совхозе.

Дорога шла огромными желтеющими полями пшеницы, среди которых возвышались небольшие островки перелесков. Катя глядела на поля и думала, что здесь вот жать будет хорошо, а там круто придется поворачивать и много будет потерь.

Попутных машин не было, и несколько километров до почты Катя прошла пешком.

В прохладной, темноватой комнате почты типографской краской пахли стопки новых книг и газет, которые еще не успели разобрать. Этот запах был необычен среди мира жарких степных запахов, и он нравился Кате.

Начальник почты, тетя Надя, посмотрела на Катю нежными светлыми глазами и, не спрашивая, дала Кате бланк для перевода. На тех немногих строчках для письма, что были на нем, Катя написала:

«Дорогая мама. Посылаю двести рублей. На тракторе сейчас не работаю, так что больше не могу. Вале ботинок не покупай, пусть в тапках ходит. Скорее выздоравливай и приезжайте. На дорогу вышлю. Целую. Катя».

Тетя Надя пересчитала влажные от Катиной ладошки деньги, дала квитанцию, и Катя пошла домой. Попутных машин не было и теперь, и Катя опять шла пешком. Она думала о том, как пройдет уборочная, сколько она сможет заработать и что вообще трудно жить на два дома.

А подходя к совхозу, Катя вспомнила о Ваське, и ей стало грустно, что он не решается объясниться.

Михаил ЛЬВОВ,
рабочий-электромонтажник Московского электролампового завода.

Рассказ

Рисунки Г. ЕПИШИНА

Чем ближе Сергей подходил к дому, тем медленнее становились его шаги. Пройдя к воротам, он застегнул воротник рубашки и, крепко сжав зубами потухшую папиросу, сильно толкнул калитку. Нужно было пересечь двор и пройти мимо скамейки, врытой возле самого подъезда.

Неизвестно, кто и когда поставил ее здесь. Еще в те времена, когда во дворе стояла колонка для воды, а возле подъездов сверкали непросыхающие лужи, на этой скамейке сидели женщины и вели нескончаемые разговоры.

Давным-давно убрали колонку, а двор залили асфальтом. Но скамейка уцелела. И попрежнему, едва наступают сумерки, на скамейке рассаживаются ее постоянные «обитатели». В воскресные дни они собираются здесь с утра и охотно греются на солнышке.

Возвращаясь с работы, Сергей обычно задерживался возле подъезда. Его спрашивали, он отвечал. Отвечал, сколько стоит обед на заводе, где купил новый пиджак и как установить антенну, «чтобы ловила вторую программу». Когда начинали ругать домуправа, он объявлял «заседание закрытым» и убегал домой.

Но с тех пор, как отец бросил семью, все изменилось. Сергею больше не задавали вопросов, когда он, стараясь не смотреть по сторонам, проходил мимо скамейки. Его только провожали взглядами и многозначительно покачивали головами. Словно Сергей совершил какую-то подлость... Двор стал отнюдь не лучшим местом для прогулок!

Был, правда, и другой путь в квартиру, из переулка, с «черного хода», однако пользоваться им Сергей упрямо не хотел.

Сегодня Сергей возвращался домой позже, чем всегда. После работы он долго бродил по улицам и часто закуривал, стараясь успокоиться. Во рту уже давно появился какой-то неприятный привкус, но Сергей машинально разминал пальцами очередную папиросу.

Плохо, очень плохо было у него на душе в этот вечер! Почти полгода не знал Сергей, где и как живет его отец, и вот сегодня случайно узнал. Узнал от посторонних людей, что отец совершил подлог, а затем растрату и что завтра его будут судить! Судить как преступника, как вора!

Сергей шел через двор, и каждый шаг словно высекал в сознании одно, разбитое на две части слово: «Су-дить, су-дить...» Он почти подбежал к подъезду и рванул дверь: за спиной о чем-то зашептались, а ладони стали вдруг противно липкими.

Когда Сергей вышел из зала суда, было два часа дня. Перед серым приземистым зданием толпились люди. Некоторые о чем-то спорили, вытаскивая из портфелей потрепанные бумаги; полный мужчина в косоворотке доказывал пожилой женщине преимущество какой-то статьи перед Указом; дама в капроновой блузке, как молитву, перечисляла фамилии судей и заседателей, загибая после каждой фамилии палец.

На Сергея никто не обратил внимания, и он, сунув в рот незажженную папиросу, зашагал по улице.

— Ивашев! Ивашев!

Сергей обернулся.

— Ты что, Сережка, глухой, что ли? — сердито спрашивала худенькая девушка, поправляя съехавший набок поясок.— Бегут за тобой, зовут, а ты никакого внимания. Шагаешь, как Гулливер! Ну, как? — спросила она, отдышавшись.

— Десять лет, вот как,— ответил он, не глядя на нее.— Пойдем, что здесь стоять?

Они пошли. Высокий, чуть сутулый Ивашев и маленькая, стройная Леночка Киселева. Теперь он шел не торопясь, машинально сбивая попадавшиеся по пути мелкие камешки, но ей время от времени приходилось ускорять шаг.

На одном из перекрестков Ивашев остановился.

— Ну, вот и все!

— Как все? — не поняла Леночка.

— Да так! Говорить больше не о чем, пора по домам. Мне сегодня во вторую смену.

— Твоя смена никуда не уйдет. А вот на меня ты за что сердишься, не пойму!

— Что мне на тебя сердиться? Все вы хороши! — Он пожал плечами.

— Кто все? Ты о чем это?

Он прикурил и несколько раз глубоко затянулся.

— Тебя, мой уважаемый комсорг, кто в суд направил? Бюро? Уточнить, выяснить, выявить?

— Да я же не в суд, Сережа...

— Се-ре-жа...— передразнил он.— Двадцать лет все Сережа! Что вам нужно от меня? Вчера вот Калиничев привязался: «Ты,— говорит,— знаешь, что твоего отца под суд отдали? Но в анкете,— говорит,— можешь об этом не писать, так как он ушел от вас и членом семьи юридически не является». Отец-то, юридически! Каков гусь! И ведь с самым сочувственным видом он все это выкладывал!

— Ну, Калиничев, он вообще...

— Что вообще? — перебил девушку Сергей.— А остальные не вообще? Я разве не вижу, как на меня ребята косятся! Раньше в клубе проходу не было: то посмотри, то помоги, то объясни что-нибудь. А теперь? Ни одна душа не подходит!

— Да ведь ты сам их разогнал, разве не помнишь? — удивилась Лена.— Говорил, что магнитофон на конкурс делаешь. Говорил ведь?

— Так что же из того, что говорил? А из бюро выгнали. Тоже говорил?

— Конечно,— возмутилась Лена.— И не выгнали, а вывели по твоей же просьбе. Сам жаловался, что трудно тебе и мать больна. Из-за матери и вывели.

— При чем тут мать? — Сергей, взглянув на часы, вдруг смутился и покраснел.— Пойдем в сквер, время еще есть.

Они пересекли улицу и уселись в самой глубине сквера. Спинка у скамейки была удобно изогнута.

— Вот отца осудили. За подлог, за растрату... Да разве он такой?

Сергей представил себе отца. Большой и сильный, он часто шутил и всегда был в хорошем настроении. Жену он называл «старушкой» и любил рассказывать ей веселые анекдоты. Но она редко выслушивала их до конца: мать всегда была занята, что-то делала, куда-то спешила. Отец трепал ее по плечу, и она, застенчиво улыбаясь, уходила заканчивать свои дела, которых у нее было великое множество.

Так и жила семья, тихо и мирно, без житейских бурь и ураганов. Правда, последнее время отец приходил с работы поздно и не шутил, как обычно, но все было спокойно. И вот полгода назад отец взял зимнее пальто, несколько рубашек, сказал, что уходит от них, и ушел! Ушел к женщине, которую Сергей видел всего два — три раза...

— Как же это получилось, Леночка? — Он спрашивал, не глядя на нее, поставив локти на колени и спрятав лицо в ладонях.— Словно плюнул кто-то...

— Ну зачем ты так, Сережа? Ведь сам себя мучаешь! Не замечали вы с отцом мать, вот что! Она на стол накрывает, а вы к телевизору; она посуду моет, а вы за газеты... Удобно, ничего не скажешь! То кухарит, то стирает, то полы моет. А женщины-то и не видно! Знаешь, Сережа,— она доверчиво наклонилась к нему,— говорят, что мужчины не только на суп, но и на красивую блузку внимание обращают, и на прическу, и на маникюр даже! Тут не только вы, тут и мать виновата...

— Мать, говоришь? — Сергей резко выпрямился и со злостью посмотрел на Лену: она была красиво причесана, а на коленях у нее лежала маленькая черная сумочка.

Он вдруг замолчал, встал и, не прощаясь, решительно зашагал к выходу из сквера. А Лена долго еще сидела на скамеечке, опустив голову и зябко поеживаясь.

Сергей положил паяльник и задумался. Цех был занят планом, и никому, решительно никому не было дела до монтажника Сергея Ивашева! А ведь раньше у него были друзья.

Однажды он встретил отца. Отец вместе с «той женщиной» стоял у такси и никак не мог открыть дверцу: он был пьян и его качало из стороны в сторону. Сергей не подошел к нему.

А мама? Она все делала как-то незаметно и так же незаметно слегла. И виновато улыбнулась, когда врач негромко сказал Сергею: «Частичный паралич правой стороны». Он даже не понял вначале, но потом вдруг почувствовал, как болезненно сжалось сердце.

— Категорически не вставать! Полный покой. Никаких волнений. Если новости, то только радостные! Понятно?

Сергей кивнул. А после ухода врача он долго курил на кухне.

И вот вчера отца осудили. За растрату. Смутная надежда, что он одумается и вернется, пропала. Что сказать матери?

...Сергей взял в руки остывший паяльник.

За эти полгода Сергей заметно похудел и осунулся. Денег не хватало, и он часто брал сверхурочную работу. С завода шел в магазин, толкался в очередях и не всегда покупал то, что нужно. Потом возился на кухне; никогда раньше он не думал, что это такая каторга!

Сочувствие вызывало у него злость, а помощи он не просил, да и не ждал. Родственников у него нет, а товарищам по цеху и клубной радиосекции он достаточно ясно дал понять, чтобы его оставили в покое.

В секцию Сергей, однако, ходил. Он решил участвовать в районном конкурсе радиолюбителей, а для этого нужно было закончить магнитофон, начатый почти два года назад. На конкурс район выделил крупные премии, а Сергею нужны были деньги. Много денег! Кое-какие сбережения, правда, уже были, а в случае успеха на конкурсе Сергей отвез бы мать на южный курорт в грязелечебницу. Врач сказал, что ее еще можно вылечить!

...Шли дни. Ребята окончательно забыли Сергея. Никому нет дела! Но он знал, что любого, кто будет вмешиваться в его дела, он оборвет на первом же слове. На душе было скверно.

Магнитофон был почти готов. Еще в прошлом месяце Сергей закончил «механику» и начал собирать звуковик. В субботу он задержался до темноты, но работу все-таки закончил. Собирался опробовать, но вдруг погас свет, а Сергей устал. В темноте он запер дверь и уехал домой.

Воскресенье он провел дома. За последнее время матери стало несколько лучше и в кончиках пальцев даже появилась чувствительность. Но окончательно вылечить мать — Сергей был твердо убежден в этом — мог только юг, только его целебные грязи.

Наступил решающий день. Сергей установил контрольную ленту и повернул выключатель. Зажегся зеленоватый глазок индикатора, чуть слышно загудели моторы. Магнитофон работал! Звук был хорошего тембра и настолько чистый, что Сергей поразился. Попробовал несколько режимов и поднялся из-за стола.

— Ну, вот и все,— громко сказал, расправляя плечи.— Готов!

— Молодец, Сережка! Поздравляем!— раздалось сразу несколько голосов, однако к магнитофону никто не подошел. Каждый продолжал заниматься своим делом.

«Вот и отметили,— подумал Сергей, хмуро глядя на ребят.— Ну, что ж!» Поискал взглядом Лену. Ее не было. Он резко рванул рубильник и, не прощаясь, вышел. Вскоре вслед за ним ушли и остальные.

Сергею Ивашеву за магнитофон со скоростной лентопротяжкой была присуждена вторая премия и почетная грамота. Сергей еще не был в районном клубе, однако в цехе все уже знали и целый день приходили с поздравлениями. Перед концом смены Щукин — старший мастер цеха — подозвал Ивашева.

— После работы зайди в завком к Василию Георгиевичу.

— К Дуванову? — удивился Сергей.— Зачем это?

— Он тебе сам все объяснит,— улыбнулся Щукин.— Смотри, не забудь.

Сергей не мог понять, для чего он понадобился Дуванову, однако после работы пошел в завком.

Дуванов не любил и не умел много разговаривать.

— Поздравляю,— сказал он, протягивая руку.— Распишись вот здесь и получи.

— Что получи? — не понял Сергей.

— Как что? Вот.— И Дуванов протянул ему плотный лист бумаги. «...Путевка,— прочитал Сергей,— ...грязелечебница...»

— Кому это?

— Матери. Мать повезешь лечиться. Оформляй завтра отпуск, с начальником цеха я уже говорил.

— Послушайте, Василий Георгиевич...— начал было Сергей. Говорил он как-то глухо и медленно. — Как же это? Я ведь не просил...

— Зато за тебя просили, да еще как! А тебе не нужна, что ли, путевка? — нахмурился вдруг Дуванов.

— Нужна,— ответил Сергей и расписался, разбрызгивая чернила.— Очень нужна!

Выскочив из завкома, Ивашев растерянно остановился. Он закурил, разглядывая сизые колечки дыма, которые никак не хотели сохранять свою первоначальную форму. Кто просил?

Сергей хотел было пойти домой, но неожиданно передумал и решительно направился в клуб, в секцию. Уже возле дверей было слышно, как шумят и о чем-то спорят ребя-

«ОВОД» В РОССИИ

Е. ТАРАТУТА

Впервые русский читатель познакомился с романом «Овод» шестьдесят лет назад. «Овод» был напечатан в первых шести книгах ежемесячного журнала «Мир божий» за 1898 год.

С первого дня появления русского перевода «Овод» является одной из любимых книг нашей молодежи.

Г. М. Кржижановский вспоминает, что «Овод» использовали для революционной пропаганды в рабочих кружках. Е. Д. Стасова давала читать «Овод» петербургским работницам, своим ученицам в воскресных школах.

Старый большевик Н. А. Алексеев рассказывает, что когда в 1898 году он сидел в Доме предварительного заключения в Петербурге, он с нетерпением ждал выхода очередной книги журнала, где печатался «Овод». Роман о мужественном герое придавал ему смелости. «Бодрящая книга!» — говорит Н. А. Алексеев об «Оводе».

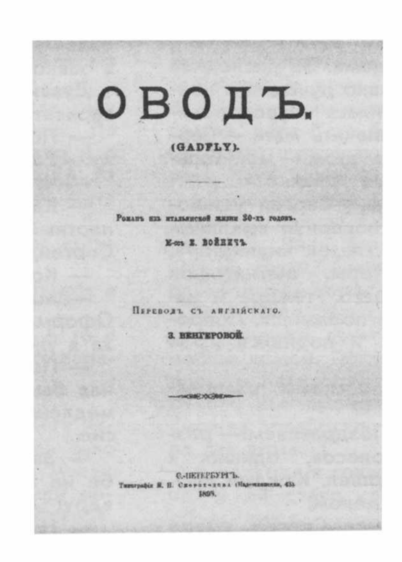
В это же время в Нижнем Новгороде готовился к революционной борьбе молодой Яков Свердлов. К. Т. Свердлова вспоминает: «Читать Яков научился сам, без посторонней помощи, и вскоре любимыми его авторами стали такие писатели, как Степняк-Кравчинский, Джованьоли, Войнич. Яков увлекался подвигами Спартака, борьбой Андрея Кожухова и Овода, мужеством и беззаветной храбростью Гарибальди».

Е. И. Калинина рассказала нам, что Михаил Иванович Калинин увлекался «Оводом» и высоко ценил эту книгу.

В приволжской деревне мальчик Паша Бляхин получил из рук своей учительницы книгу «Овод» — и вся его жизнь переменилась. Паша перестал верить в бога и решил отдать все свои силы борьбе с самодержавием. В Баку он вместе с Иваном Фиолетовым распространял любимую книгу об Оводе. Старый большевик писатель П. А. Бляхин рассказал об этом в своей повести «На рассвете».

Екатерина Павловна Пешкова, жена А. М. Горького, рассказывала нам, что А. М. Горький очень любил роман «Овод».

Федор Васильевич Гладков пишет в письме к автору этих строк: «Впервые «Овод» прочитан мною в юности — в начале 900-х годов. Тогда же он произвел на меня потрясающее впечатление. Многие

ОВОДЪ.

(GADFLY).

Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ.

М-съ Е. Войничъ.

Переводъ съ англійскаго

З. Венгеровой.

С.-Петербургъ.

Типографія [illegible] (Надеждинская, 43).

1898.

Первое издание романа Э. Л. Войнич «Овод» на русском языке. Приложение к ежемесячному журналу «Мир божий».

книги даже наших и иностранных классиков как-то с годами бледнели в памяти, а «Овод» оставался по-прежнему ярким и живым, как событие моей биографии».

В 1905 году вышло третье издание романа «Овод» на русском языке. Если первое было издано в количестве 3 тысяч экземпляров, второе, в 1904 году,— 5 200, то в третий раз уже было издано 10 тысяч экземпляров. Отзывы на роман были помещены во многих газетах и журналах; рецензенты констатировали большое распространение «Овода» среди рабочих и крестьян, отмечали боевой дух романа.

Вскоре появились еще два новых перевода «Овода»: в 1906 году — сокращенный перевод А. Ореховой, а в 1908 году — А. Масловой. Особенно популярным стал перевод романа «Овод» М. А. Шишмаревой, изданный В. М. Антиком в «Универсальной библиотеке» (первое издание вышло в 1910 году). Маленькие книжечки в желтой обложке издавались очень большими для того времени тиражами — в 25 тысяч экземпляров.

Надо сказать, что ни разу до революции роман «Овод» не выходил полностью. Наиболее сильные антирелигиозные места цензура постоянно вычеркивала во всех изданиях. Например, знаменитая записка Артура, оставленная им Монтанелли перед бегством в Южную Америку, всегда переводилась так: «Я верил в вас как в бога, а вы лгали мне всю жизнь». На самом деле эта записка гласила: «Я верил в вас как в бога, но бог это глиняный идол, который можно разбить молотком, а вы лгали мне всю жизнь». Значительные изменения вносила цензура и в сцену расстрела Овода, затушевывая ее революционный пафос, придавая ей мелодраматический характер. Ни разу не был напечатан эпиграф к роману, взятый из евангелия: «Оставь, что тебе до нас, Иисус из Назарета!», — столь выразительно подчеркивающий антирелигиозное звучание «Овода».

После революции «Овод» остался любимейшей книгой советской молодежи. Известно, как высоко ценил книгу об Оводе Николай Островский. «Овод» был одной из любимых книг Г. И. Котовского. Бывший его адъютант А. Н. Гарри рассказал нам, что у Котовского было два экземпляра «Овода»: один он давал читать своим товарищам, а другой всегда имел при себе, в карманах галифе, и очень часто перечитывал.

Увлекалась Оводом, мечтала следовать его примеру и героиня гражданской войны Татьяна Соломаха, историю героической борьбы и гибели которой описала Л. А. Аргутинская. Судьба Татьяны Соломахи поразила Зою Космодемьянскую, и в минуты испытаний Зоя взяла себе в честь Татьяны Соломахи прозвище «Таня». Зоя, как и Таня Соломаха, плакала над «Оводом».

Роман «Овод» пользуется поистине всенародной любовью. За годы Советской власти роман Э. Л. Войнич «Овод» был издан 84 раза тиражом свыше двух с половиной миллионов экземпляров на 18 языках народов СССР и на двух иностранных. Несмотря на это, в магазинах его найти невозможно, в библиотеках на него записываются в очередь.

Гослитиздат сейчас готовит двухтомное издание избранных сочинений Э. Л. Войнич, в которое, кроме «Овода», войдут и другие ее романы — «Оливия Летам», «Прерванная дружба» и «Сними обувь твою». Надо отметить, что в этом издании впервые русский читатель получит полный текст романа «Овод» с эпиграфом и предисловием.

Медосбор

Петро ДОРОШКО

Лето. Солнце ныряет,
Словно в пух, в облака.
Позолотой сияют
Роща, луг и река.

Греча пенными гребнями
Бьет о берег полей,
А над нею хвалебная
Песня пчел и шмелей.

Колос тяжким наливом
До земли наклонен,
Урожаем счастливым
Сердце радует он,

Говорливых моторов
Ждет гудящую речь,
Чтобы дружно и споро
Щедрым золотом лечь.

Кто ж полям в эту пору
Труд отдать не готов!!
Лето — час медосбора,
Созреванья плодов.

Быстро, зноем палимы,
Поспевают они.
Время неумолимо.
Так смотри, чтобы мимо
Не прошли эти дни.

Не успеешь опомниться,
Как осенний мотив
Разольется по комнате,
Между строк загрустив.

И попросит ответа
По-хозяйски зима:
Что сработал за лето,
Что собрал в закрома!

Шел какими дорогами,
Чем ты был для людей
И какими итогами
Твой богат трудодень!

Так запомни же: осень
Не порадует взор,
Если летом не скосишь
Доброй жатвы колосья...
Лето — твой медосбор.

Перевел с украинского Дмитрий СЕДЫХ.

та, но когда он вошел, все замолчали. Как будто он помешал им.

— Ну как, Сергей, получил путевку? — прервал неприятную тишину Миша Кузнец, общий любимец и великий спец в радиотехнике.

«Так! — мелькнула недобрая мысль.— Значит, они! Благодарности ждут».

— Получил. А кто это, если не секрет, позаботился обо мне?

— Известно кто! — зашумели ребята.— Петя Гусятников, Леночка...

— Так,— негромко оборвал их Сергей.— Значит, Петька и Леночка? — И неожиданно взорвался: — Да кто вас просил в мои дела вмешиваться? Несчастненького нашли? Опекаете? Стоило мне только премию получить, как и вы тут как тут! Заботу, дескать, проявляем! Что вы суетесь, когда вас не просят? — Он вдруг почувствовал, что жестоко оскорбляет их, но не мог остановиться: — Раньше только по углам шептались, а теперь... Впрочем, скоро перевыборы, так вам, наверное, крестик для отчета нужен?

Он замолчал. Наступила тишина.

И, как пощечина, разорвал тишину резкий голос:

— Ты скот, Ивашев!

Это сказал Петя Гусятников, сказал громко и уверенно, как человек, убежденный в своей правоте.

Сергей шагнул в угол, туда, где возле шкафов с деталями собрались ребята. Он был возбужден и тяжело дышал.

А Петя Гусятников, маленький, с взлохмаченной шевелюрой, продолжал, глядя прямо в глаза Ивашеву:

— Для отчета, говоришь? И комнату тебе побелили, пока ты тут сверхурочные зарабатывал, тоже для отчета? А Лена? И полы у тебя мыла и матери растирания делала, да еще дрожала, как бы ты не застал ее! Да что говорить! Ненормальный, разве ты поймешь!..

Говорил он громко и очень быстро. Но Сергей понял. Понял он и то, чего не успели или не хотели сказать ребята. Какой-то ком вдруг подкатился к горлу, и никак не удавалось его проглотить.

— Не знал я,— хрипло выдавил он.

— Еще бы!—вмешался кто-то из ребят.

Теперь говорили все, горячо перебивая друг друга.

— Она с твоей матери самую страшную клятву взяла, чтобы тебе не говорила! И мы тоже обещали! «Ему,— говорит,— трудно, с ним деликатно надо!»

Никто не заметил, как вошла Лена.

— О чем митингуете, хлопцы? — весело спросила она.— У вас тут, как во французском парламенте!

Но, заметив одиноко стоявшего Ивашева, она вдруг смутилась.

— Что с тобой, Сережа? — подошла она к нему.

— Сверло вот...—ответил Сергей и раскрыл дверцы ближайшего шкафа. Кто-то негромко ахнул: на второй полке лежал звуковик, который Сергей несколько дней тому назад поставил в свой магнитофон.

Сергей не оборачивался. Он стоял, двумя руками ухватившись за дверцы шкафа и чуть ссутулясь.

Кузнец отодвинул стул и, подергав себя за ухо, подошел к шкафу.

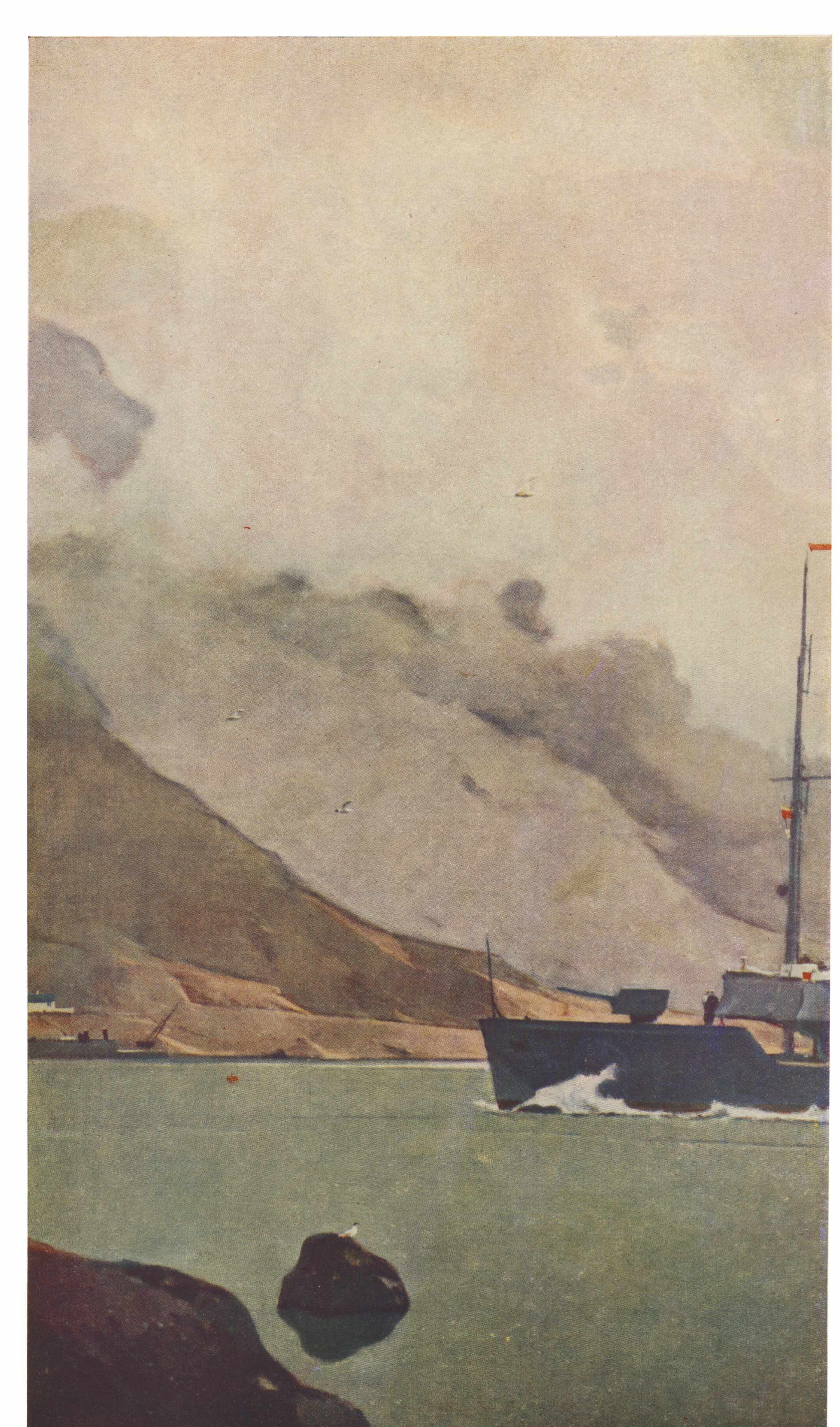
— Видишь ли,— начал он, осторожно прикрывая дверцы,— твой звуковик-то — дрянь. Ты его с ним в субботу все пробки пожег. И в схеме наврал. А завком, он что? Он ведь мог и не дать путевку-то!

Миша Кузнец был великий спец в радиотехнике, а говорил плохо, и понять его было трудно. Однако Сергей слушал, не перебивая.

— И конкурс. Грамоту ведь матери показать можно... И врачи так советуют! Короче говоря, мы в воскресенье в твою «машину» свой звуковик поставили. А твой спрятать не догадались.— Он виновато улыбнулся и потер подбородок.— Понял?

— Да ведь вы свой почти полтора года делали...— начал было Сергей и вдруг заплакал. Прислонился к шкафу и заплакал, как плачут маленькие дети: не вытирая слез и как-то странно всхлипывая. Его никто не утешал и не успокаивал.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ 40-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

Г. Г. Нисский.

ВЫХОД В МОРЕ.

Е. Е. Моисеенко. ПЕРВАЯ КОННАЯ АРМИЯ.

К. Т.-Б. Тельжанов. КАЗАХСТАН В 1918 ГОДУ.

А. Ю. Никич. НА ЛЕСАХ. ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ.

Д. Н. Шавыкин. ВЕЧЕР НА ДНЕПРЕ.

Ф. С. Шурпин. ЗАРАСТАЮЩИЙ ДОТ.

Профессор З. В. ЕРМОЛЬЕВА,

врач С. М. НАВАШИН

Рождение новой науки

Есть лечебные средства, которые служат медицине в течение столетий, а другие препараты созданы сравнительно недавно, в период бурного развития химии в конце XIX — начале XX века. Но наиболее широко используются в современной лечебной практике вещества нового типа — антибиотики. Эти препараты еще не достигли своего «совершеннолетия»: самому старшему из них — пенициллину — едва исполнилось 15 лет.

Исследователи, стоявшие у истоков советской промышленности антибиотиков, хорошо помнят, как в суровые дни войны были начаты работы по пенициллину. В то время мы знали об антибиотиках очень немного. Долгие годы замечательное наблюдение англичанина Александра Флеминга о действии плесени на некоторые болезнетворные микробы считалось интересным «лабораторным курьезом» — и только.

И вот в 1942 году в одном из подвалов в Москве на улице Обуха был найден образец плесени. В нетопленных лабораториях сотрудники института берегли хрупкий микроскопический грибок, создавали благоприятные условия для его развития. Знаменитый русский ученый, почетный академик Н. Ф. Гамалея писал, что советские работы по пенициллину были начаты тогда, когда в иностранной литературе были опубликованы только первые сообщения, в которых не указывалась ни методика выделения пенициллина, ни другие данные, необходимые для его изучения. Своим, оригинальным путем были разработаны методы культивирования, получения целебных продуктов жизнедеятельности грибка «пенициллиум крустозум».

А вскоре на одном из участков фронта советские военные врачи впервые увидели ампулы с этикеткой «Пенициллин-крустозин ВИЭМ». Испытанием лечебного действия нового мощного препарата на фронте руководил академик Н. Н. Бурденко. Первые образцы пенициллина по своей активности, конечно, не идут ни в какое сравнение с кристаллическими препаратами, выпускаемыми сейчас нашей промышленностью. Но ведь и самолеты, на которых мы летали в то время, очень далеки от «ТУ-104»!

Наука об антибиотиках в нашей стране разрабатывается во многих институтах и лабораториях. В создании новых препаратов и их разностороннем изучении участвуют сотни специалистов — микробиологов, химиков, биохимиков, инженеров, физиологов, фармакологов. Трудно назвать представителя медицинской науки, который так или иначе не был бы связан с получением или практическим использованием антибиотиков.

Минувшим летом в Московском университете на Ленинских горах проходила Вторая всесоюзная конференция по антибиотикам. В ее работе участвовало почти 1 500 делегатов, в том числе представители Китая, Чехословакии, Польши, Венгрии, Индии, Югославии, США и многих других стран. Среди гостей был известный американский ученый, открывший стрептомицин и другие препараты, лауреат Нобелевской премии С. Ваксман. В своем выступлении он отметил, что открытие антибиотиков стоит в одном ряду с такими крупнейшими достижениями науки, как использование атомной энергии и современное развитие средств транспорта и связи.

Некоторые исследователи называют нынешнее время в медицине «эпохой антибиотиков».

Их — сотни

В одном из провинциальных городов США вел врачебную практику специалист по болезням уха, горла и носа. В особенности удачно он производил операции при воспалении сосцевидного отростка черепа. Эти заболевания — мастоидиты — довольно часто возникали у детей как осложнение гнойных процессов в ушах. За год врач производил несколько сот таких операций. А, как известно, за лечебную помощь в США надо платить, поэтому изрядная сумма в долларах накапливалась на текущем счету врача в солидном банке. Но в последние годы число нуждавшихся в операциях по поводу мастоидита стало резко уменьшаться. Дело дошло до того, что за год пришлось произвести только три операции. Врач разорился и, чтобы хоть как-то поправить свое пошатнувшееся благополучие, решил заняться другой, более доходной специальностью.

Причина «исчезновения» мастоидита крылась в широком применении антибиотиков. Введение стрептомицина и пенициллина при заболеваниях уха у детей предупреждало тяжелые осложнения, делало ненужной мучительную операцию. Конечно, в силу противоречий буржуазного государства прогресс науки оказался бедствием для врача. В социалистических странах при бесплатной и общедоступной медицинской помощи все новейшие препараты и методы лечения быстро становятся достоянием больных. А в сокращении заболеваемости вместе со всем народом заинтересованы и врачи.

Благодаря использованию антибиотиков резко сократился список заболеваний, еще так недавно считавшихся неизлечимыми. Если ознакомиться с данными статистики по туберкулезному менингиту, то мы увидим, что в «доантибиотическую эпоху» от этого недуга умирал каждый заболевший. Благодаря применению стрептомицина удается спасти 85 и более жизней из каждых 100 больных. Этот же антибиотик позволяет бороться с таким ужасным заболеванием, как чума. В нашей стране с этим проклятием навсегда покончено. Опыт успешного лечения чумы антибиотиками накопили врачи некоторых зарубежных государств.

Группа новых антибиотиков, история которых не насчитывает и 10 лет, относится к препаратам так называемого широкого спектра действия. Эти антибиотики значительно расширили лечебные возможности при сыпном и брюшном тифе, сифилисе, возвратном тифе, трахоме, наконец, при болезнях, вызванных нечувствительными к пенициллину микробами. Советская школа клиницистов и ее виднейшие представители—профессора Н. И. Гращенков, Г. П. Руднев, Н. Н. Еланский, А. И. Доброхотова и другие — разработали методы рационального применения антибиотиков при лечении инфекционных заболеваний, в хирургической практике, педиатрии. Терапия антибиотиками должна проводиться индивидуально, в зависимости от особенностей больного, фазы заболевания, циклически-курсовым методом. Антибиотики — могучие средства, когда их правильно используют. При бессистемном и нерациональном применении они не принесут пользы больному и даже могут привести к тяжелым осложнениям. В особенности надо бороться с приемом антибиотиков без рецепта и назначения врача, по совету «авторитетных» знакомых и соседей.

В настоящее время описано свыше 500 антибиотических веществ, однако в лечебной практике нашло применение всего около 20 препаратов. Советская медицинская промышленность производит в настоящее время почти все основные антибиотики. По сравнению с 1950 годом выпуск пенициллина в СССР вырос более чем в 10 раз, стрептомицина — в 45 раз. В 1960 году будет выпущено в 6 раз больше антибиотиков, чем в 1955 году.

Старший лаборант Всесоюзного института антибиотиков В. Андрианова следит за получением высокоочищенных антибиотиков по новому методу.
Фото Е. Умнова.

Скрытые резервы препаратов

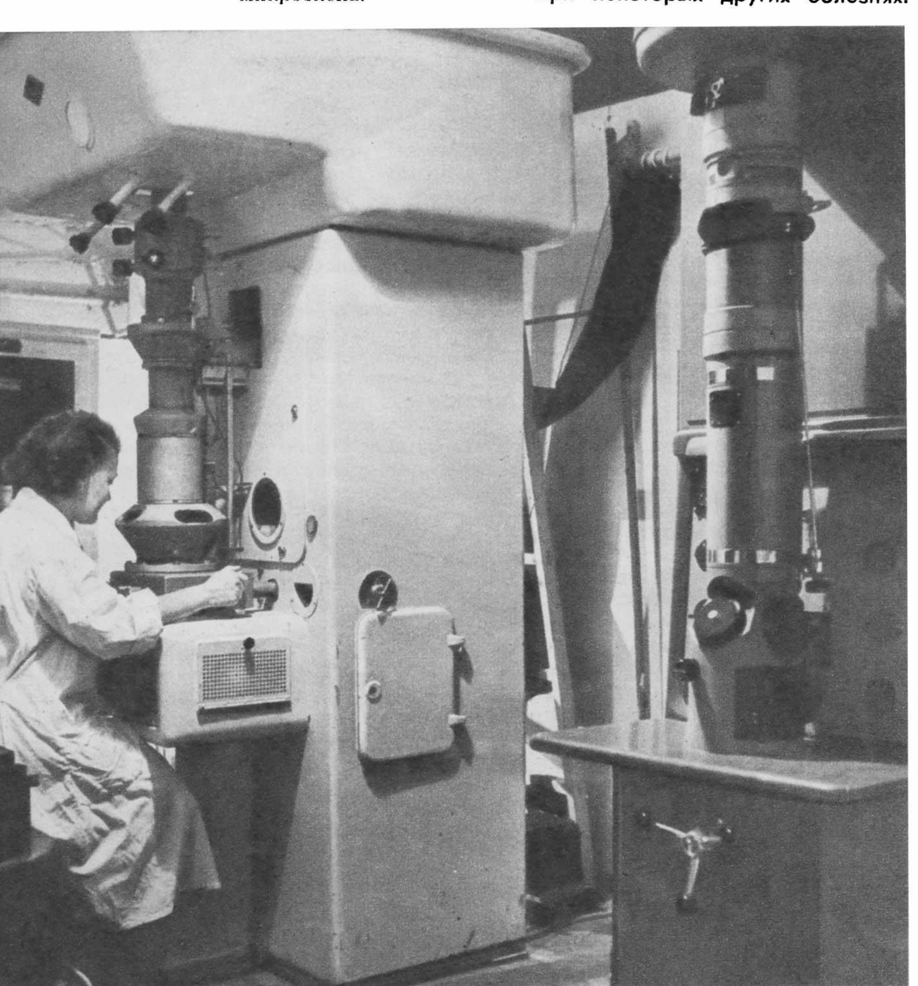
Уже вошедшие в практику антибиотики таят в себе много подчас не раскрытых возможностей.

В лаборатории антибиотиков Центрального института усовершенствования врачей была поставлена задача разработать новые методы использования антибиотиков так называемой тетрациклиновой группы, в которую входят биомицин, террамицин и тетрациклин. Эти антибиотики при приеме внутрь вызывают у некоторых больных нежелательные побочные явления. Кроме того, не всякий больной может принимать лекарство в виде таблеток, в особенности трудно это для детей раннего возраста. Поэтому мы решили разработать метод введения антибиотиков в мышцы. Прежде чем рекомендовать этот способ применения биомицина и террамицина, были проведены многочисленные эксперименты на животных, у которых были воспроизведены инфекционные заболевания. После хороших результатов, полученных в лаборатории, исследования были продолжены на Медико-биологической станции Академии медицинских наук СССР в Сухуми. Здесь в качестве экспериментальных животных служили обезьяны, наиболее близко стоящие по своей организации к человеку. У обезьян макак-резусов были вызваны различные патологические процессы, а затем проведено лечение антибиотиками. Оказалось, что при внутримышечном введении биомицина и террамицина можно добиться хорошего лечебного эффекта, используя в 5—10 раз меньшие количества препарата, чем для приема внутрь. Были разработаны специальные лекарственные формы тетрациклинов, в которые входили новокаин и антибиотик животного происхождения — экмолин. В последующем новый метод лечения был применен для терапии дизентерии, воспаления легких и других заболеваний.

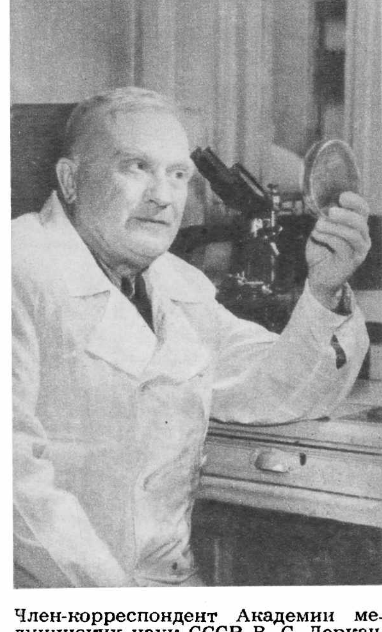
В хирургической клинике, руководимой профессором В. И. Стручковым, внутримышечный метод введения дал замечательные результаты при лечении хронических гнойных заболеваний легких. Биомицин и террамицин в виде инъекций действовали значительно лучше, чем пенициллин, стрептомицин. Введение антибиотиков резко улучшало состояние больных и давало возможность хирургам производить радикальные операции в случаях, которые раньше считались совершенно «неоперабельными». Следует отметить, что при таком методе применения антибиотиков не наблюдалось никаких побочных явлений.

В наших институтах разработаны и новые лекарственные формы такого «ветерана» среди антибиотиков, как пенициллин. К недостаткам этого препарата относится его свойство быстро выделяться из организма больного. Поэтому лекарство приходится вводить многократно в течение дня. Представьте себе отделение больницы, где множество больных лечат пенициллином. Сколько инъекций препарата за сутки приходится сделать сестре! А кроме того, каждое введение связано с беспокойством и неприятными ощущениями для больного.

В лаборатории Всесоюзного института антибиотиков был разработан новый препарат пенициллина, так называемый «экмоновоциллин», который можно вводить всего один раз в сутки. В дальнейшем «длительность действия» пенициллина была увеличена в еще более значительных пределах. Препарат бициллин создает постоянную концентрацию пенициллина в организме больного в течение целой недели. Всем очевидны огромные преимущества бициллина: вместо того, чтобы несколько раз в сутки делать уколы больному, достаточно вводить антибиотик один раз в семь — десять дней. Эти новые лекарственные формы оказались особенно полезными в борьбе с «атаками» ревматизма и при некоторых других болезнях.

Ассистент кафедры микробиологии Центрального института усовершенствования врачей Т. М. Кохановская работает у электронного микроскопа.

Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР В. С. Деркач.
Фото Е. Ясенова.

Обычный пенициллин разрушается соляной кислотой желудочного сока и поэтому малоэффективен при приеме внутрь. В настоящее время создан новый вид этого антибиотика — феноксиметипенициллин, который можно с успехом применять в форме таблеток. Особенно важно создавать удобные лекарственные формы антибиотиков для лечения детей. Дети охотно принимают лекарства в виде конфет-леденцов. Сейчас проходит испытания предложенная Е. Н. Лазаревой микстура террамицина, напоминающая по вкусу какао. Из этих примеров видно, что важно не только выбрать для лечения эффективный препарат, но и предложить его больному в наиболее удобном для приема виде. К сожалению, вопросы создания рациональных лекарственных препаратов — антибиотиков — разрабатываются у нас недостаточно интенсивно. А ведь нередко ценный антибиотик не может быть передан в практику из-за несовершенной формы его изготовления!

Широким фронтом...

В советских научно-исследовательских институтах и клиниках с каждым годом расширяется диапазон работ в области антибиотиков. Обширные исследования образующих антибиотики лучистых грибков проведены профессором Н. А. Красильниковым и его сотрудниками в Академии наук СССР. Эти работы признаны и за рубежом. Красильников еще в 1939 году получил антибиотик из лучистых грибков, среди которых впоследствии был найден микроорганизм, образующий стрептомицин. Сейчас Красильников и его сотрудники заняты изысканием антибиотиков, действующих на вирусы, а также применением этих веществ при лечении болезней растений. За немногие годы работники Института по изысканию новых антибиотиков Академии медицинских наук СССР провели ряд интересных исследований. При изучении микрофлоры почвы они установили, что распространение микроорганизмов, образующих антибиотики, зависит от окружающей среды. Так, выяснилось, что микробы, выделенные из «южных» почв, более активны, чем их северные «однофамильцы». В этом институте был получен антибиотик альбомицин, подавляющий рост ряда болезнетворных микробов. Недавно профессор Г. Ф. Гаузе сообщил о ряде полученных в этом же институте новых антибиотиков.

Изыскание лечебных средств, активных в отношении вирусов и злокачественных опухолей,— важная проблема современной медицины. Еще несколько лет назад сама возможность получения таких препаратов отрицалась многими учеными. Теперь же работы по противовирусным и противоопухолевым препаратам стоят в плане научных исследований.

В науке об антибиотиках, если проводить аналогию с самолетостроением, тоже имеются свои «звуковые барьеры». Один из таких «барьеров» — свойство антибиотиков не только подавлять рост опухоли или вируса, но и вредно действовать на организмы животного и человека. В преодолении этого «барьера» велика роль химиков. Освободить препарат от токсических для организма свойств и сохранить его ценные лечебные качества — эта задача часто встает при создании новых антибиотиков.

Несмотря на огромные трудности, в ряде стран, и в том числе у нас, уже получены (пока еще в эксперименте) важные в принципиальном отношении факты: некоторые антибиотики могут подавлять развитие злокачественных опухолей. Во Всесоюзном институте антибиотиков найден препарат «актиноксантин», эффективный против отдельных опухолей в опытах на животных. В Харькове профессор В. С. Деркач ведет очень целеустремленные исследования по антибиотику, названному «неоцидом». Этот препарат, пожалуй, наиболее детально изучен по сравнению с другими противоопухолевыми антибиотиками.

Конечно, у многих читателей может возникнуть вопрос: а какой из этих препаратов можно сегодня с успехом применить для лечения раковой болезни человека? Надо ответить совершенно определенно: пока такого антибиотика нет ни в одной стране. Но будем оптимистами! Размах исследований в этой области все время увеличивается, и наука ближе к положительным результатам сейчас, чем, скажем, два — три года назад...

Тех, кто скептически отнесется к этим прогнозам, мы адресуем к недавней истории. Еще десять лет назад не было никаких средств для лечения тифов, некоторых форм туберкулеза, чумы и других тяжелых недугов. Сейчас профессора наших медицинских вузов не могут показать студентам на практике некоторые виды заболеваний, так как они сданы в архив. Придет время, когда отдельные формы злокачественного роста клеток будут подвергаться лечению антибиотиками!

Впереди множество других проблем, требующих разрешения. Народ ждет от ученых надежных средств борьбы не только со злокачественными опухолями, но и гриппом, полиомиелитом, некоторыми болезнями детей. В этом направлении работает творческая мысль советских исследователей.

Волки лезут на небо

Рассказ

Менелаос ЛУДЕМИС

Известный греческий писатель Менелаос Лудемис родился в 1912 году в Константинополе. Вынужденный с детских лет зарабатывать на жизнь, он сменил множество профессий. В 1938 году вышла его первая книга рассказов — «Суда не причалили»,— за которую ему была присуждена Большая Государственная премия. В годы фашистской оккупации Лудемис находился в подполье, потом за свои прогрессивные убеждения просидел около десяти лет в тюрьме.

Лудемис — автор многих книг: романов, повестей, рассказов, стихов.

Рисунки М. КЛЯЧКО.

Этим вечером было спокойно здесь, на террасе. Внизу приглушенно гудел город. Время от времени высоко поднимался крик, парил в тишине и снова падал, замирая. С вышины лился тонкий свет Млечного Пути. В глубоких расщелинах утеса гнездились птицы, и Парфенон белел над ним, как скелет.

Ринула присела на скамейку передохнуть. Все ее суставы болели от беготни с ночи до ночи. Дом стоял в стороне от других, у подножия Лекавитоса. Он был огромный и утомительный. Только этим летом осмелился прилепиться к нему другой, еще одетый в леса.

Ринула бегала по пустому дому, как забытый ребенок из сказки. Знакомые не переступали порога дома, который хозяйка использовала под гостиницу. И только хозяин закрывался по вечерам в гостиной с немногими друзьями, и они играли в карты... Играли в карты без перерыва, пока не бледнели окна от первых лучей зари.

Очень много работы было в этом доме, изнурительного труда, а душа у Ринулы одна. То прибери, с другим управься. Она ухаживала за домом, как маленький ребенок за своими куклами. Она его даже полюбила. Может быть, потому, что никто другой не обращал на нее внимания. Дом был ее другом, ее маленькой церковью, в которой она молилась. А как ей не любить этот дом, если она пролила столько пота и слез в его пустых комнатах! Она носилась, как маленький челнок на ткацком станке, — туда-сюда, туда-сюда... Заходила в комнаты, бежала на кухню, мелькала на балконе... Бегала вверх и вниз по винтовой лестнице, как муравей по булыжнику. К вечеру она была уже полумертвая и поднималась к себе на «небо», в свою белую каморку на террасе, чтобы умереть. Но даже это ей не позволялось. Хозяин всю ночь не спал у себя внизу. Он с друзьями располагался за столом, и так их заставала заря. Все они были на один покрой — грубые, грязные и молчаливые. У них были долгие ночные бдения перед королями и дамами, как у верующих перед иконами. И дымили, дымили сигаретами до утра.

Потому ли, что господа были тяжелыми на подъем, или потому, что карты сводили их с ума, они никогда не хотели даже пальцем пошевельнуть, и она не спала всю ночь и была настороже, чтобы услышать колокольчик, посылающий ее то за выпивкой, то за сигаретами. Звонок хозяина пронизывал ее даже тогда, когда она шла отдохнуть к себе на «небо». У них везде были пронзительные звонки, которые, казалось, звали ее по имени.

Но сейчас она могла немножко отдохнуть. Она все подала им, и у них все было под рукой. Она могла прислониться к перилам террасы и прислушаться к дыханию Афин. Подставить свое молодое лицо ласке ветра с Саронического залива. Вспомнить прошлое. Своих родителей, которые уже в земле. Их сломанную жизнь, сгоревшую в огне и расстрелах.

Сегодня стояла тяжелая жара. Духота. И солнце кусалось, как собака. Рядом на стройке целый день шумели рабочие. Сновали по лесам, заляпанным известкой и бетоном. Возводили еще один дом, делали еще одну винтовую лестницу для того, чтобы по ней поднимались, запыхавшись, еще одни усталые ноги.

На ночь несколько рабочих оставались на стройке, чтобы сэкономить деньги за проезд. Они жили на краю света — в Кокинья — и располагались здесь, под звездами, разговаривая тихо-тихо и печально. Они говорили о своем. О том, что приходится перебиваться с хлеба на воду, что жизнь взяла за горло, что трудно с работой. Нос вытащишь, хвост увязнет... Платят мало. Не больно-то разгуляешься. Позавчера жена Яниса упала. «У нее опухоль»,— сказали врачи. И таскайся Янис по чужим лестницам, проси, ругайся... Конец. Добился, что ее положили в Политико [1]. А дети болтались на улице, как щенки, пока их не забрала одна из соседок. Э, горе!..

Это были сдержанные люди. Посасывали свои сигареты и говорили обо всем на свете: почему это так, а не иначе, как все должно быть и что несправедливо.

Ринула их слышала со своей террасы, и она соглашалась с ними. «Да, — говорила она про себя, — да! Конечно. А как же!» Лиц не было видно; были только голоса, и они говорили правду. Иногда, однако, голоса казались нежными, и Ринула говорила про себя: «Отцы»... Наклоняла головку и словно прижималась к коленям одного из них, того, у которого был самый хриплый голос.

Так вот, было тихо, очень тихо этим вечером здесь, наверху, на террасе. Ирини покончила внизу со своей работой, пришла, облокотилась на перила и ожидала наступления прохлады. Напротив, на стройке, этим вечером тоже не спали. Ринула прислушалась. Три огонька близко один от другого разговаривали тихо и рассудительно.

— Я, — сказал средний огонек,— говори что хочешь, давно это обмозговываю. Если матери скажут «нет», войны не будет.

— А почему не отцы, — отвечает второй огонек, — почему не женщины вообще, не сестры? Все в руках бедняков.

— Так это... так. Ты должен согласиться, Яни, — говорит, кивая, средний огонек.

[1] Название народной больницы.

— Да... Я не говорю «нет»... — вмешивается третий огонек.— Но, если опять говорить правду, когда бедный делал что-нибудь в своих интересах?

— Да... И это есть. Но дела, видишь ли, теперь изменились. Мозги у людей стали почеловечнее.

— Да, да, Яни, — обгоняет его второй голос. Но Яни потух. Несколько минут прошли в молчании. Теперь осталось только два огонька, которые подмигивают один другому.

— Итак...— вдруг говорит третий голос. Но Ринула не успела услышать продолжения. Истерично зазвенел колокольчик. Она с грустью покинула свою террасу и спустилась вниз.

Но удивительно... На этот раз господа не играли в карты, их даже стало меньше. Ринула прислушалась. У них был разговор. Как странно... Почему говорят только об этом? Война! Она знала, что это такое! И она была тоже маленьким обгоревшим осколком войны. Перешагивая через порог, она успела услышать слова. Говорил один из гостей, похожий на тушу, на руках его было множество колец. Она его помнила по другим вечерам. У него были вздутые волосатые уши, а веки — темные и тяжелые. Ему возражал хозяин своим обычным жиденьким голоском, сильно нажимая на согласные.

Закончил разговор другой:

— Во всяком случае... Что бы ни делали... пока не найдется лучшего, война — это единственный возможный выход.

Ринула смотрела на него, вытаращив глаза. «Такая война»,— сказала она про себя.

Она робко вошла в комнату и остановилась напротив них.

— Ирини...—сказал хозяин медленно и не окончил фразу. Его взгляд остановился у нее на груди и начал ее ощупывать. Она уже давно жила в его доме, но он, отдавшись картам, никогда не обращал на нее внимания. Другие то же самое. Утонув в своих креслах, они начали внимательно ее рассматривать. Впервые они обратили на нее внимание. Ей стало жарко.

— Что мне принести? — спросила она, чтобы отцепить от себя их взгляды.

— Принеси... — говорит хозяин, все еще забывшись. Голос его не двигался, высох. Замер в горле и осекся.

— Что?..

— Принеси... Поджарь три бифштекса, а потом... спустись в подвал. Там направо бутыли... или лучше подожди... Пойдем вместе.

— Я знаю, — испуганно сказала Ринула. — Я пойду сама. Я знаю. — И легко бросилась из комнаты.

Прежде чем уйти, она поймала их взгляды, которые блуждали, словно голодные лапы, по ее телу, и вздрогнула. Как ей спасти себя, беззащитную соломинку, окруженную этим ненасытным пламенем?

Пока она работала, она слышала за собой их приглушенный разговор. Она принесла все, что просили, и сейчас же бросилась прочь. Она успела только заметить уголком глаза, что они накинулись на вино. На кухне она старалась немного успокоиться, и ей это начало удаваться. Но вскоре змеей вполз звонок и опять потребовал ее. Войдя в комнату, она увидела: все здесь насыщено грязью и похотью. Ненасытное желание заполнило комнату. Распаляющаяся плоть была готова напасть, как пчела, которая жалит и издыхает.

— Ринула, — сказал сдавленным голосом хозяин.

Впервые она услышала свое ласкательное имя в этом доме.

— Ринула, — опять сказал хозяин, и голос его дрожал, словно таял.

— Что, хозяин? — говорит она, холодея.

— Ринула, — говорят уже все,— Ринула. Поди посиди с нами. Иди, Ринула. Сюда.

Голоса их были нежны, полны теплоты и нетерпения. Красноглазый толстяк выразительно посмотрел на дверь. «Запрут!» — подумала Ринула и бросилась поспешно назад.

— Нет,— говорит она, очутившись на пороге.

Оттуда она взглянула на них последний раз. Они были как возбужденные буйволы, которые выходят из болота. Ей показалось, что они поднялись во весь рост, вытянув шеи, и бросились на ее маленькое тело, наполняя воздух запахом крови и похоти. Они были сплошные зубы, глаза и табак.

— Волки! — выкрикнула она. В ней проснулись зимние сказки деда о волках, которые набрасываются на стада в тумане.

Она, как безумная, выскочила из комнаты, пробежала по коридору и почти без сознания вышла на кухню. Отсюда начиналась винтовая лестница. Иного пути не было. Ее стройные ноги стучали по железным ступенькам. Она попала к себе на «небо». Бросилась на скамейку и схватилась за сердце. Она быстро и тяжело дышала, как испуганная козочка, прислушиваясь к стройке. И вдруг прохладой повеяло ей в душу. Рабочие продолжали свою мирную беседу. Они могут ей помочь. Но как им сказать? И времени у нее нет. Очень скоро, через минуту, волки могут подняться на ее «небо». Запачкать ее белоснежный мир. Робким голоском она пыталась что-то сказать. Она хотела крикнуть, но застеснялась и закашлялась. Но кашель придал ей смелости, и она еще раз попыталась крикнуть.

— Дядя! — говорит она со слезами.— Дядя!..

Испуганный голос дошел до тех, напротив, и прервал их разговор. Красный огонек поднялся и подошел к краю лесов.

— Что там? — спросил он тревожно. — Что там происходит? Кто кричит?

— Дядя,— говорит она, опять плача. — Я боюсь... Здесь... Они... Меня преследуют...

— Кто тебе угрожает, дочка? Подойди-ка поближе и скажи мне. Что тебе делают? Кто?

Остальные два огонька, которые молчали в стороне, теперь встали. Двинулись, как маленькие фонарики, и подошли поближе к первому.

— Что там, Яни? — спрашивает один огонек у другого.

— Девочка напротив,— отвечает первый огонек.— Кто-то что-то с ней делает. Мучают, что ли.

Голос девочки донесся опять, еще более взволнованный:

— Спасите меня, дяди! Спасите... Спасите меня, быстрее!..

Три огонька взметнулись вверх, как красные фески на праздничном шествии. Потом громыхнула доска. Было слышно, как что-то поспешно тащили. Появилась толстая доска напротив нее. И потом одним «хоп» рабочие перебросили ее, соединив мостиками две постройки.

— Иди, где ты там,— послышался мягкий голос Янниса.— Малыш! Где ты, дитя мое?

— Я здесь, дядя,— говорит плачущий голосок.

— Иди.

Ринула колеблется. Сделала шаг и отступила назад.

— Мы держим, иди.

Она сделала еще шаг. Ее душу охватил мрак. Она закрыла глаза, сжала свои маленькие кулачки и проделала большой путь.

Через минуту, полумертвая, она была уже у них на руках. Ее взяли, как птичку, как свое дитя. Как весть, нежную и многозначительную. Ей осторожно вытерли глаза.

— Где я? — спросила она, еще не совсем придя в себя.

— Тише, дочка, — говорит ей дядя Янис. — Не шуми. Вытри свои глазки и скажи нам, как тебя зовут.

— Ирини,— говорит быстро девушка, — спасите меня!.. Спасите меня!.. Там... Они...

Рабочие поняли.

— Молчи, Ринула! Молчи, моя дочка! Теперь ты у своих. Молчи, мы спасем тебя.

Перевели с греческого
Т. ЧЕРНЫШЕВА
и Ю. ЛЕОНОВ.

Писатели и книги

Голос взволнованного сердца

В. Н. Сосюра.

Сорок лет тому назад сильно, свежо и молодо зазвучал голос украинского поэта Владимира Сосюры, и сразу полюбился он солдатам революции, шахтерам и хлеборобам, всем строителям нового, социалистического мира. В стихах поэта живет героика легендарных дней гражданской войны, героика самоотверженного труда шахтеров Донбасса, ненависть к врагам Советской власти, сыновняя любовь к родной Украине, к ее неувядаемой красоте, щедрости и размаху. Поэзия Сосюры многокрасочна, в ней органически слиты элементы интимного звучания с пафосом гражданских чувств. Поэт — ярый противник холодной рассудочности и словесного жонглерства. Его поэзия — голос взволнованного сердца, вмещающего в себя многообразие современности.

Жизнь и творчество поэта неотрывны от жизни народа. В дни гражданской войны он был солдатом Красной Армии, в годы мирного строительства — певцом трудовой доблести соотечественников, в дни Великой Отечественной войны — военным корреспондентом, а в послевоенные годы опять его лирическая муза славит труд и мир, патриотизм и кровное братство народов, устремленность в коммунистическое будущее.

Владимир Сосюра — один из запевал советской поэзии. Его песня — это молодость тех, кто завоевывал Советскую власть, громил чужеземцев и внутренних врагов, это голос певца, вышедшего из глубин рабочего класса, голос, который самобытно звучит в хоре голосов всей нашей советской поэзии.

Владимир Сосюра встретил свое шестидесятилетие в расцвете творческих сил, и хочется с глубоким чувством благодарности пожать его руку, пожелать юбиляру устойчивых творческих удач и покорения новых поэтических вершин.

Сергей СМИРНОВ

САГА О ВОЗРОЖДЕННОМ НАРОДЕ

«Чукотская сага» — вторая книга Юрия Рытхэу — первого писателя народа, до Советской власти не знавшего даже письменности. Читатель уже знаком с его книгой «Люди нашего берега». Перо автора приобрело уверенность, язык стал сжатым, лаконичным, точно передающим мысль. Для советских людей, немало трудов положивших на то, чтобы отсталый маленький народ, прежде обреченный на прозябание и вымирание, вышел на новую дорогу, очень радостна мысль, что положено хорошее начало настоящей чукотской литературе.

Книга состоит из рассказов, объединенных общими героями и некоторыми сюжетными линиями. Автор бесхитростно и просто рассказывает о новой жизни своих земляков: о том, как Унпэнэр и Йорэлё прорезали первое окошко в яранге своего отца, старого охотника Гэмалькота, не сразу принявшего такое нововведение; о том, как Унпэнэр спас в бурю американских эскимосов, заплывших на своих байдарах далеко от берегов. Спасенные эскимосы с удивлением сравнивают свою жизнь с новой, так резко изменившейся жизнью советской Чукотки.

Один из лучших в книге — рассказ «Трубка мира». Старый прославленный косторез Гэмауге, услышав про древний обычай американских индейцев, мчится на собаках на аэродром, вырезает из огромного бивня замечательную трубку, чтобы послать ее с чукотским делегатом на конференцию сторонников мира. «Скажи там, Этувги, что эту трубку сделал чукотский резчик, сделал из бивня, добытого эскимосским охотником. Пусть наши делегаты выкурят эту трубку с иностранными делегатами, и будем вместе бороться за мир. И ты, Этувги, тоже кури ее вместе со всеми... Только раньше ты положи в эту табакерку самого лучшего табаку».

Автор, верный жизненной правде, показывает и других людей. С юмором, хлестко и образно, описывает он лентяя и легкомысленного франта, часто обманывающего своих товарищей, Кэнири, от которого постепенно отказываются все колхозные бригады. Попав в беду, Кэнири потрясен тем, что его, плохого, ленивого работника, прилетели спасать на самолете.

Книга Юрия Рытхэу — это книга о новой жизни, новых людях Чукотки, судьбу которой так резко переменил свежий ветер с Большой земли. Книга удалась автору, несмотря на то, что его можно упрекнуть иногда в излишней и очень уж прямой подражательности (его лирические отступления и обращения к читателю слишком уж прямо заимствованы у Гоголя).

Чужеродной вставкой являются «Пять писем Вали Крамаренковой». Они выпадают из общего тона книги, грешат литературщиной, некоторой напыщенностью, к которой у автора есть известная склонность. Хотелось бы посоветовать молодому писателю преодолеть этот недостаток, тем более, что у него, несомненно, верный глаз, литературное чутье и подлинное знание той жизни, которую он описывает,— знание, которое дается только истинной любовью к родине.

Рытхэу. Чукотская сага. Детгиз. Ленинград. 1957. 349 стр.

Тихон СЕМУШКИН

Второе рождение

Ан. ФИНОГЕНОВ

Это было год тому назад. Внимание москвичей привлекла афиша Художественного театра: в роли Анны Карениной дебютирует артистка А. М. Андреева.

Спектакль МХАТа «Анна Каренина» хорошо известен советскому зрителю. 20 лет идет он на сцене. Кто, приезжая в Москву, не стремился посмотреть его!

Старые театралы помнили премьеру и вскоре после нее присуждение званий народных артистов СССР двум участникам спектакля — Н. П. Хмелеву и А. К. Тарасовой. Появилась и другая Анна — К. Н. Еланская, а вот из молодежи никому не рисковали поручить заглавную роль. И вдруг на афише новое, никому не известное имя.

Да и само слово «дебют»... Не припоминают даже старожилы на сцене МХАТа открытых дебютов. Случалось, приглашал театр в свою труппу со стороны близких по школе актеров, но с ними всегда долго занимались режиссеры, прежде чем выпустить их в спектакле. А Андреева? Кто она? Откуда? Чем пленила театр и как заставила сразу поверить в себя?

А случилось это так.

Как-то днем в репетиционное время в театр к заведующему художественной частью пришла незнакомая молодая женщина.

— Я артистка,— сказала она.— Хочу работать в вашем театре. Очень прошу дать мне возможность показать сцены из «Анны Карениной».

Предложение было смелым. И все же его приняли. Первый просмотр все решил. Обаяние актрисы, темперамент, голос, мастерство покорили даже таких требовательных судей, как мастера МХАТа. Андреевой предоставили дебют. Зритель высоко оценил неизвестную ему дотоле артистку. Дебют молодой актрисы прошел настолько успешно, что ее приняли в труппу.

Вскоре Андреева стала единственной исполнительницей роли Анны Карениной.

С ее приходом спектакль как бы родился заново, засверкал еще более яркими красками и снова превратился в премьеру. Андреева на сцене правдива, естественна, искренна, и все же она не сумела бы стать «настоящей» Анной, если бы не обладала на редкость сильной эмоциональностью.

Зрители тепло и сердечно приветствуют молодую исполнительницу, под сводами театра каждый раз гремят шумные аплодисменты... А на сцене стоит всегда взволнованная и счастливая Андреева.

— Выступать на сцене МХАТа, — говорит Анна Михайловна,— какое это наслаждение для актрисы! С первого же дня моего пребывания в этом театре его славный коллектив, от выдающихся актеров до рабочих сцены, окружил меня трогательным вниманием и заботой. Ценные советы старших товарищей, встреча с ними на сцене помогают мне от спектакля к спектаклю совершенствовать роль...

Андреева родилась в Харькове в семье рабочего. Еще учась в школе, она увлекалась пением и посещала хоровой кружок, потом полюбила драматическое искусство, решила стать актрисой. Окончив школу, поступила учиться в Харьковское театральное училище. Ее первым театральным наставником был талантливый русский актер и педагог А. Г. Крамов. Не успела девушка перейти на второй курс, как началась война.

Родной город становился ареной военных действий. Андреевой пришлось эвакуироваться. Она играла в театрах Тамбова, Курска, Казани... Играла много и одновременно занималась, читала, слушала советы опытных актеров, присматривалась к жизни, к людям. На сценах периферийных театров она исполнила 65 ролей. Среди них Лариса («Бесприданница» А. Островского), Маша («Живой труп» Л. Толстого), Эболи («Дон-Карлос» Ф. Шиллера), Мария («Девушка с кувшином» Лопе де Вега), Надежда («Последние» М. Горького), Ирина («Огненный мост» Б. Ромашова)...

МХАТ. «Анна Каренина». Анна — Андреева.
Фото А. Горнштейна.

— Мои самые любимые роли,— сказала Андреева,— образы в произведениях русских классиков. Особенно дорога мне была Лариса в «Бесприданнице». Поэтический образ русской девушки, рвущейся к светлой любви, пленил меня прямотой, целомудренностью, внутренней красотой... А Анну Каренину я люблю за то, что она не желает мириться с фальшью и лицемерием и самоотверженно борется за свое женское достоинство.

Недавно Анна Михайловна сыграла вторую роль на сцене МХАТа — Варвару Павловну в спектакле «Дворянское гнездо». Образ очаровательной хищницы, эгоистичной, изящной и музыкальной,— новая удача актрисы.

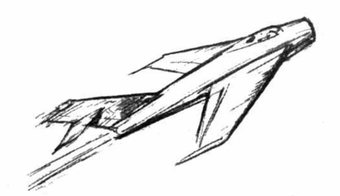
Сейчас Андреева репетирует роль Клеи в спектакле бразильского драматурга Гильерме Фигейредо «Лиса и виноград».

А. М. Андреева в роли Марии в спектакле «Девушка с кувшином» (1952 год).

А. М. Андреева — Анна Каренина (II картина).

НА ГИПЕРЗВУКОВОЙ СКОРОСТИ

Недавно советские газеты сообщали о полете летчика Н. И. Коровушкина со скоростью, превышающей две тысячи километров в час. Наш корреспондент обратился к известному специалисту по вопросам авиации, заслуженному деятелю науки и техники профессору В. С. Пышнову и попросил его прокомментировать этот полет.

Теперь наши самолеты часто летают на скоростях, значительно превышающих скорости звука. При этом от самолета отходят ударные волны воздуха, которые на земле создают впечатление пушечного выстрела. Звук этого выстрела слышится уже после того, как самолет пролетает. Кстати, полеты со сверхзвуковыми скоростями на малой высоте не разрешаются во избежание повреждений, которые могут вызвать ударные волны.

Коровушкин превысил скорость звука вдвое и, следовательно, мог бы обогнать артиллерийский снаряд.

Но это далеко не предел. Мы имеем отличные турбореактивные и ракетные двигатели, развивающие огромные мощности в сотни тысяч лошадиных сил. Это позволит в ближайшем будущем создать самолеты, летающие на гиперзвуковой скорости, то есть скорости, превышающей скорость звука в пять и более раз. Особенности таких полетов сейчас изучаются советскими учеными.

Следует сказать, что аэродинамика гиперзвуковых скоростей не имеет принципиальных отличий от аэродинамики сверхзвуковых скоростей. Тем не менее летчику гиперзвукового самолета предстоит встретиться с новыми для него явлениями. Так, например, если его самолет будет иметь скорость четыре — шесть километров в секунду, то скажется влияние кривизны земли и потребная подъемная сила будет меньше его веса. При скорости, доведенной до семи и восьми километров в секунду, подъемная сила совсем не потребуется. Если же летчик на такой скорости поднимется на большую высоту, где плотность воздуха ничтожна, то его самолет превратится в ...искусственный спутник Земли. Чтобы такому пилоту вернуться на свой аэродром, потребуется снизить скорость (видимо, с помощью какого-либо ракетного устройства) и потом еще очень долго планировать.

Гиперзвуковые самолеты будут, вероятно, иметь и несколько своеобразный вид. Для их фюзеляжа не обязательна привычная сейчас нашему глазу форма сигары, утолщенная спереди и сходящая на нет сзади. Ведь если при дозвуковых скоростях тупая задняя часть движущегося тела вызывает сильное торможение, то при гиперзвуковых скоростях даже выгодно делать заднюю часть тела тупой ради усиления заострения передней части.

Серьезной преградой на пути достижения гиперзвуковых скоростей является кинетический нагрев, или, как его принято называть, тепловой барьер. Это название не совсем удачно, хоть и получило широкое хождение. Ведь барьер — это то, что преграждает путь на каком-то одном участке, а нагрев воздуха о движущийся самолет увеличивается, пока возрастает скорость.

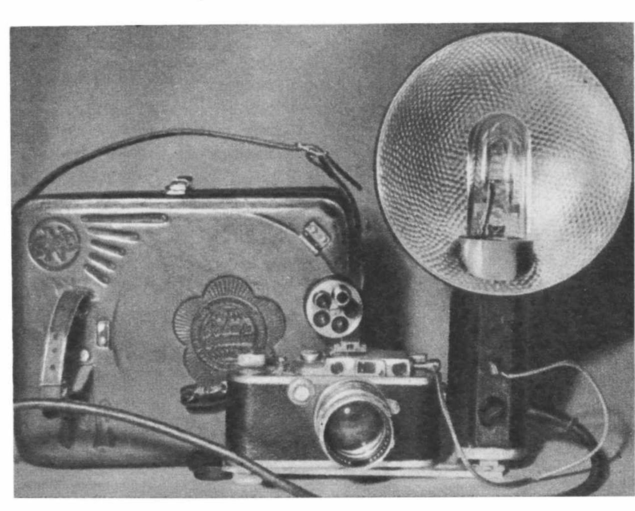
На гиперзвуковых скоростях кинетический нагрев весьма велик. Позволю себе привести некоторые цифры. Если, скажем, самолет при температуре воздуха минус 56 градусов летит со скоростью три тысячи километров в час, то воздух, обтекающий самолет, будет иметь температуру 300 градусов по Цельсию. Если скорость самолета возрастет до пяти тысяч километров в час, то температура обтекающего его воздуха поднимется почти до 1000 градусов. А при еще большей скорости температура воздуха настолько возрастет, что в входящих в состав его газах начнутся химические превращения — распад молекул на атомы. Естественно, что химические явления будут происходить и на обшивке самолета.

Борьба с кинетическим нагревом,— сказал в заключение профессор В. С. Пышнов,— задача очень сложная. Но нет никакого сомнения, что советская наука ее успешно разрешит.

Фотокорреспонденту светит «ФИЛ»

Юхан Ватсер десять лет работал корреспондентом в эстонской молодежной газете «Ноорте хяэль» и в республиканском телеграфном агентстве. Все свободное время он занимался радиотехникой, и она-то и натолкнула его на мысль сделать импульсную осветительную лампу, источником энергии для которой могут быть... самые обыкновенные батареи для карманных фонариков.

Через некоторое время лампа готова. Устройство ее было сравнительно простым: ток от четырех карманных батареек идет в вибратор, где из постоянного преобразуется в переменный, затем в трансформаторе повышается напряжение — от четырех вольт до трехсот, снова поступает в вибратор для выпрямления и отсюда идет уже в электрические конденсаторы емкостью в 1 600 микрофарад. Разрядка этой емкости в электронной импульсной лампе дает световой поток около миллиона люмен.

Импульсная лампа «ФИЛ» готова для съемки.
Фото С. Розенфельда.

Прекрасная, удобная лампа! Но Ватсер несколько лет пользовался ею только сам, потому что Научно-исследовательский институт бывшего Министерства местной и сланцево-химической промышленности Эстонской ССР, которому было поручено делать чертежи, делал их... около года, а завод «Норма» полтора года не мог освоить эти чертежи. Наконец на заводе был создан специальный цех фотографических импульсных ламп, а Юхан Ватсер временно расстался с работой фотокорреспондента и был назначен начальником цеха. Теперь дело быстро пошло на лад.

Хотя лампы эти могли появиться еще несколько лет назад, все же они не утратили своего преимущества перед другими лампами; имеющие дешевый и удобный источник энергии, обладающие большой мощностью, снабженные лампочкой для съемок в темноте и недорогие, они вызывают большой интерес у людей, занимающихся фотографией. Первая партия ламп еще не была готова, а на завод пришла сотня писем от фотокорреспондентов и любителей с просьбой выслать им «ФИЛ» — фотографические импульсные лампы завода «Норма».

Юхан Ватсер по-прежнему продолжает думать о нуждах своих собратьев — фотокорреспондентов: он сконструировал новую, совсем легкую, малогабаритную лампу на полупроводниках со складывающимся рефлектором. Она устанавливается прямо на фотоаппарате и работает от двух карманных батарей. Лампа будет выпускаться в этом году.

Н. ХРАБРОВА

ДВА ОРДЕНА ЕВГЕНИЯ БЕЛЕЦКОГО

Группа участников восхождения на вершину Музтагаты. Третий слева — Е. Белецкий.

Возвратясь вечером с завода домой, Евгений Белецкий нашел на столе необычное приглашение: президент альпийского клуба в Лондоне сэр Джон Хант приглашал «господина Белецкого» прибыть 6 ноября на обед, устраиваемый в связи со столетием клуба. Белецкий улыбнулся и задумался: один день проведешь в Лондоне да в дороге еще несколько дней, а время как раз горячее, предпраздничное. В центральном инструментальном цехе, где он работает токарем, было много неотложных заказов. А Евгений с юношеских лет, приучил себя к тому, чтобы спортивные занятия и все разъезды, связанные с ними, никогда не отражались на его производственных делах. Да и дома работы хоть отбавляй. На письменном столе лежат гранки новой книги «Пик Ленина». Четыре года урывками, в свободное время, токарь Белецкий писал этот большой исследовательский труд. И теперь, в эти дни, надо обязательно дочитать гранки и отправить их в Географиздат.

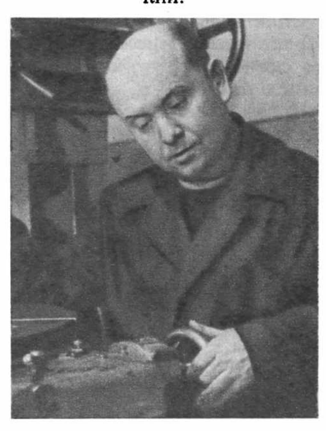
Нельзя задержать и ответ новому знакомому — японскому альпинисту Иппей Фукуро. «Дорогой господин Белецкий,— писал он,— очень рад сообщить вам, что я позволил себе перевести на японский язык вашу книгу «Пик Сталина».

Белецкий просматривает книгу, изданную в Токио летом 1957 года, и ставит ее на полку рядом с такими же — на русском и румынском языках. На полке мы видим также книги, не имеющие отношения к спорту: «Современные методы механизации лекальных работ», «Оптические профилешлифовальные станки». Эти книги написаны Белецким вместе с товарищем по цеху Константином Харченко.

Иппей Фукуро просит сообщить, давно ли Белецкий занимается спортом. «Мне скоро исполнится 49 лет,— отвечает Белецкий,— но я еще много хожу по горам и иногда даже добиваюсь некоторых спортивных достижений».

Почта доставила сегодня еще несколько корреспонденций: из Китая, Грузии... В общем, дома много интересных, увлекательных дел. Но в Лондон все-таки надо съездить.

В лондонском клубе Белецкий бывал в 1956 году. Тогда он читал там лекции о советском альпинизме. Русский рабочий, открывший немало «белых пятен» на высочайших точках Памира, заслуженный мастер спорта и действительный член географического общества, был встречен англичанами с любопытством. Особенно живой интерес вызвало сообщение о том, что он собирается возглавить объединенную советско-китайскую экспедицию, которая будет штурмовать вершину Музтагаты в Западном Китае. Кто-кто, а англичане знают, что такое Музтагата: они пытались подняться на нее и потерпели неудачу. На торжественном заседании клуба англичане вручили Белецкому нейлоновую альпинистскую веревку и пожелали добрых успехов.

Евгений Белецкий в цехе на заводе.
Фото Б. Уткина.

Что же! Теперь он сможет лично рассказать своим коллегам по спорту о результатах штурма ледяной вершины. По числу участников похода это была беспримерная в истории альпинизма экспедиция. Никогда до этого не ступала нога человека на высшую точку «отца ледяных гор», имеющую отметку 7 546 метров. Советским и китайским альпинистам удалось ее взять штурмом. Завершив благополучно переход, Белецкий послал клубу в Лондоне кусочек нейлоновой веревки и камень с вершины Музтагаты.

У старейшего альпийского клуба в Лондоне свои традиции и порядки. Белецкого предупредили: вечерний туалет при всех наградах. В первый приезд в Лондон у него было две награды: медаль «За отвагу» (она присуждена за походы с отрядом лыжников в лютую зиму 1939 года) и орден Красной Звезды. Этим орденом он награжден в Отечественную войну. А сейчас он поедет в Лондон с четырьмя наградами. В 1957 году ему вручили два ордена Трудового Красного Знамени: один — за производственные успехи, второй — за спортивные.

И вот Евгений Белецкий в аэропорту. Однако попасть на обед в Лондон так и не удалось. Помешало чисто случайное обстоятельство: в этот день самолеты в дальние рейсы не ушли, отправляться другим транспортом было уже поздно. Сожалел Белецкий, огорчены были и юбиляры. Вскоре они сообщили, что хотя и не имели возможности повстречаться с советским альпинистом, но показанные на праздничной выставке кусочек нейлоновой веревки и камень с Музтагаты напомнили и им и всем гостям о подвиге спортсменов, совершенном под руководством мастера альпинизма рабочего ленинградского Кировского завода.

К. ЧЕРЕВКОВ

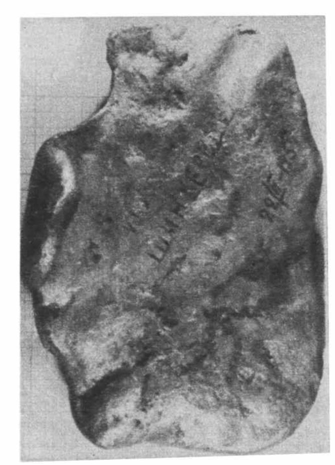
Ленские самородки золота

На севере Иркутской области раскинулись предприятия треста «Лензолото»—Ленские золотые прииски.

Неузнаваемо преобразились ныне Ленские прииски. Теперь это предприятия, оснащенные новейшей техникой. В шахтах стали широко применяться транспортеры и скреперы, отбойные и бурильные молотки. Добыча песков в забоях намного облегчена взрывными работами. Рационализировали процесс промывки золотоносных песков.

Сейчас нет таких россыпей, которых ленские горняки не могли бы отработать подземным способом. На приисках мощные, единственные в Союзе электродраги глубокого черпания (до 30 метров). А в ближайшие годы сюда поступят электродраги, которые будут разрабатывать золотоносные россыпи на глубину до 50 метров.

Ленское золото в россыпях крупное. На некоторых месторождениях до 25 процентов извлеченного золота составляют зерна крупнее 8 мм. В 1957 году лишь на одном прииске было найдено до 400 самородков весом в 50 граммов и больше. Особенно богата самородками уникальная в Союзе золотоносная россыпь по речке Большой Догалдын. Здесь были найдены самородки весом 4 685, 4 415, 3 824 грамма. А недавно на одном из приисков рабочие Г. Гилязов и П. Шинкевич нашли самородок весом 12 360 граммов. Это один из самых крупных самородков, найденных на Ленских приисках за 40 лет.

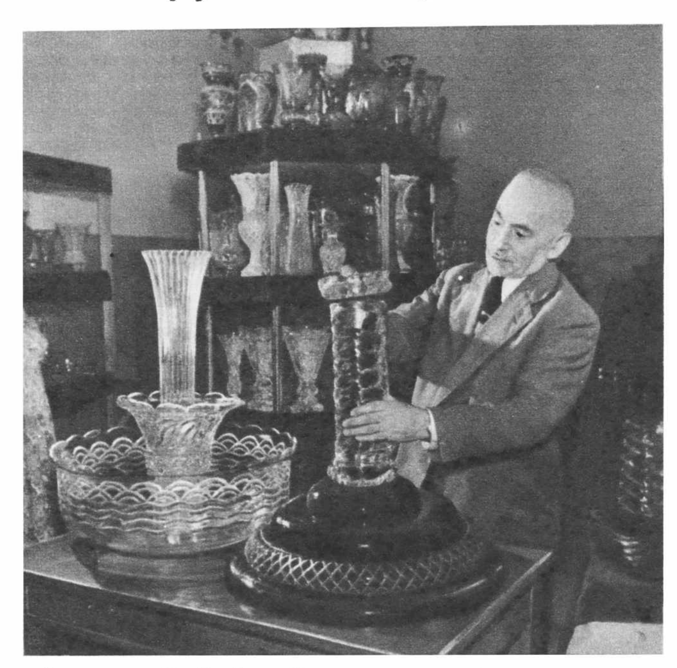

Самородок весом 12 360 граммов.

Горный инженер
В. ШТЫКОВ

Бодайбо.

Хрустальный фонтан

Скульптор Н. Г. Фрих-Хар с деталями фонтана-вазы.
Фото Н. Козловского.

Этот необычный фонтан делают из хрусталя для советского павильона на предстоящей международной выставке в Брюсселе.

Фонтан создается на Киевском стекольно-термосном заводе.

Представим себе хрустальную вазу диаметром в один метр на высокой ножке, установленную на пьедестале из рубинового стекла. Верх этого почти двухметрового сооружения состоит из большого резервуара, обрамленного 12 рубиновыми секциями. В центре резервуара—глубокая чаша со стеблем, увенчанным голубем мира. Все это сооружение прозрачно; тонкие, изумительно отшлифованные грани хрусталя играют, переливаются разноцветными огнями.

Автор фонтана — скульптор Исидор Григорьевич Фрих-Хар.

Для выставки в Брюсселе, кроме хрустального фонтана, завод даст и ряд других изделий. Среди них уникальная декоративная рубиновая ваза высотой в один метр двадцать сантиметров. Мастером П. Я. Макеевым выполнена на ней тончайшая алмазная грань по эскизу заводской художницы А. Д. Зельдич. Кроме того, изготовлены красивые вазы для цветов и фруктов, много бокалов, десертных тарелок из хрусталя, рубинового и цветного стекла...

П. ПОРТНОВ,
В. БАУМШТЕЙН

Из архива Н. И. Подвойского

Иркутск. 1920 год. Арка, сооруженная в честь советских воинов-освободителей.

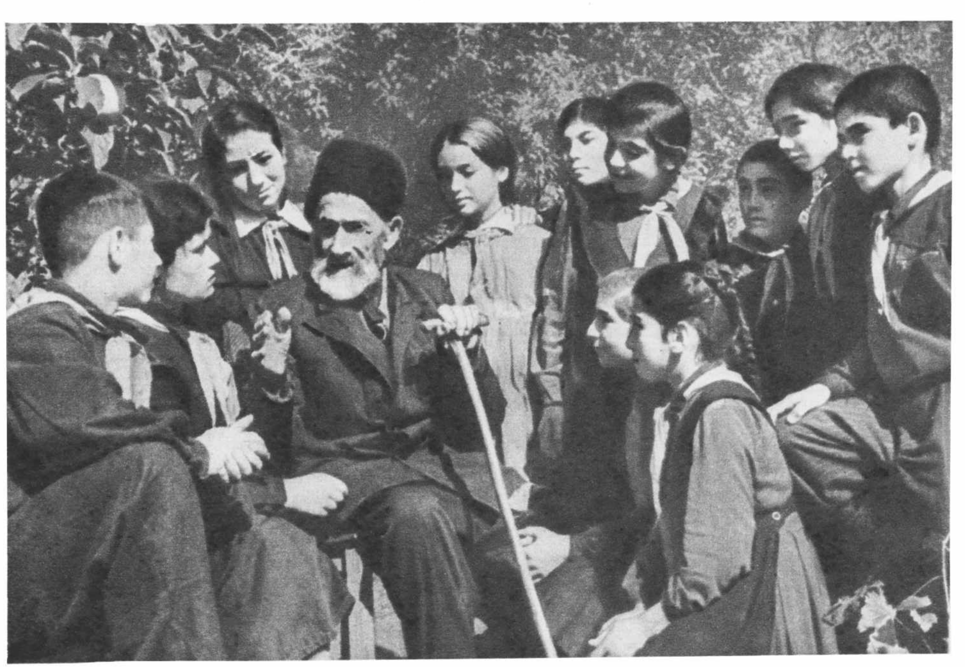
Николай Ильич Подвойский, профессиональный революционер, видный партийный и государственный деятель, много ездил по фронтам гражданской войны.

Недавно сын и дочери Н. И. Подвойского передали собранные их отцом негативы и папку с фотоотпечатками документальных снимков в дар Центральному государственному архиву кино-фото-фонодокументов СССР. Среди разнообразных материалов несколько сот негативов, относящихся к первому периоду жизни Красной Армии: запись добровольцев, подготовка к формированию частей, проводы красноармейцев в городах и селах, парады и смотры первых воинских частей.

В числе ста пятидесяти негативов и многочисленных снимков есть и относящиеся к более позднему времени — 1919—1922 годам. Это ценное собрание воспроизводит картины гражданской войны: ликвидацию восстания левых эсеров в Курске, бои с Колчаком в Сибири, города и деревни, разрушенные отступающими белогвардейцами. Нельзя без волнения смотреть на снимки торжественных встреч населением передовых отрядов Красной Армии. После изгнания белых жители Иркутска вместе с бывшими военнопленными австрийцами любовно приготовили к встрече своих освободителей украшения из льда и снега, соорудив специальную арку. Когда 5-я армия входила в Иркутск, встречать ее вышли все горожане — от мала до велика...

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Дедушка и внук

Десяти пионерам, которых вы видите на снимке, по 13—14 лет. Они пришли в гости к старейшему жителю Кировабада Кербалаю Мустафе Намаз оглы Вердиеву. Они «ровесники»: Вердиеву столько же лет, сколько всем его гостям, вместе взятым, — 137.

Он родился за 100 лет до того, как пришла в Азербайджан Советская власть. Как и отец его, как и дед, Кербалай Мустафа Намаз оглы Вердиев был виноградарем, имел свой клочок земли в Багманляре, небольшом селении близ древней Гянджи.

Пионеры просят рассказать о том, как Кербалай Мустафа «поступал в колхоз». И старик охотно рассказывает.

...Это было в 1929 году, когда в Багманляре создавалось первое коллективное хозяйство. Собрался на площади народ. Все смотрели на почтенного 109-летнего Кербалая Мустафу: что скажет он? Нелегко было старику расставаться пусть с небольшим, но зато своим, взлелеянным годами и политым потом виноградником. Он знал, что от его слова зависит многое. Он долго раздумывал, опершись о суковатую палку. Потом вышел вперед и сказал:

— Давайте попробуем вместе. Пишите меня первым...

Кербалай Мустафа проработал в колхозе до ста тридцати лет и оставил о себе добрую память. Он многих выучил, многим передал свой опыт. Самым способным своим учеником старый виноградарь считает внука Зульфугара Мамедова. Он моложе деда ровно на сто лет, ровесник Советской власти в Азербайджане, окончил сельскохозяйственный институт и руководит одним из крупнейших виноградарских совхозов — имени Низами. На сотни гектаров простираются совхозные сады.

А. КИКНАДЗЕ

Фото М. Фришмана.

МЫ СТРОИМ САМИ

Преподаватель физкультуры Д. К. Казанцев проводит урок в зале, выстроенном ребятами.

Андрей НОВИКОВ

Фото автора.

На стройке дома для педагогов школы. Слева направо: начальник ученического «строительного треста» Юрий Колосов, директор 18-й школы Виктор Сергеевич Вавилов, «главный инженер треста» Георгий Шейн.

Станислав Ходаков готовится к тренировке по боксу. Бабушка, 86-летняя Анна Федоровна, укоряюще смотрит на внука: — И не стыдно тебе драться?..

— Рита! Рита! Сюда!

Девочка, к которой относится этот зов, ловко передает мяч на правый край. Еще передача. Бросок. Радостный девичий крик: мяч в корзинке.

Эту игру мы наблюдали в физкультурном зале, построенном самими школьниками в городе Прокопьевске, в Кузбассе.

Проектировщики — взрослые люди — высчитали, что такой зал обойдется школе в восемьдесят шесть тысяч рублей. Где их взять?

В свое время школьники высадили «Сад победы». Затем огород. Бухгалтер школы в отличие от тысяч своих коллег не распоряжался «ребячьими деньгами», поступившими от продажи овощей и фруктов. И все же денег не хватало. Тогда ребята решили строить сами. В горе, где и поныне есть «школьный карьер», заготовили и вывезли сами сто шестьдесят кубометров бута для фундамента.

И вот торжественная обстановка; собралась вся школа. Звучит школьный оркестр. В фундамент закладывается первый камень. Ребята составляли раствор, таскали кирпичи, клали стены.

«Каждый должен отработать летом двадцать пять часов» — так постановило собрание школьников.

И никто из родителей не пожаловался на переутомление ребенка. Никто не корил детей за перепачканные известкой брюки и юбки.

Здание зала все росло и росло. Изредка сторож соседнего дома, стоя у изгороди, говорил:

— Ишь, мураши! Опять чего-то удумали.

Сейчас в школе есть курсы шоферов, трактористов, киномехаников, лаборантов-химиков, а тогда впервые начали работать юные каменщики и штукатуры.

По железу на крыше стучали молотки, внутри зала укреплялась гимнастическая стенка. Вносили брусья, скамейки. Мешались под ногами, восторженно щебетали первоклассники, но никто не обращал на них внимания. Скоро открытие. Подсохла бы краска на полу...

...Гостей приехало так много, что они шли по залу, как экскурсанты в музее. Среди них четыреста директоров и завучей, проходивших тогда практику в Прокопьевске.

Свисток преподавателя физкультуры Дмитрия Константиновича Казанцева — и урок физкультуры в 9-м классе «Б» начался. Девочки и мальчики в спортивной одежде, подтянутые и взволнованные, выстроились. И хотя это был обычный урок, всем было ясно, что это не так. Неспроста упала у кого-то с ноги тапочка, кто-то повернулся не в ту сторону или сделал первый шаг не с той ноги.

Сейчас, когда в Прокопьевске по инициативе учеников 18-й школы строятся 24 физкультурных зала, школьные мастерские, теплицы, все стало значительно проще, а тогда было из-за чего волноваться.

В зале 18-й школы тренируются 26 баскетбольных и 14 волейбольных команд, занимаются гимнасты. Некоторые классы имеют по две — три команды.

По четкому расписанию, утвержденному школьным советом физкультуры, проходят тренировки в зале.

А бывает и так. Просовывается в дверь директорского кабинета чья-то вихрастая голова, и мальчик объявляет:

— Виктор Сергеевич! А к нам гости приехали!

— Кто такие? Откуда? — недоумевает директор.

— Из двадцать восьмой школы.

Директору невдомек, что ребята договорились между собой о товарищеском матче давно. Лицо директора хмурится.

— Но ведь они уже приехали, Виктор Сергеевич... У них зала своего нет.

Мы разговариваем с начальником «треста». Сзади нас, на площадке, возводятся перекрытия дома для педагогов 18-й школы.

Три четырехкомнатные квартиры получат вскоре педагоги. Поскольку у моего собеседника времени в обрез, он разговаривает, непрерывно посматривая назад, на стройку, нетерпеливо отвечая на мои вопросы. Вдруг он приподнимается и кричит «главному инженеру»:

— Георгий! Пусть затаскивают доски для перекрытия с этой стороны!

Начальнику ученического «строительного треста» Юре Колосову, ученику 10-го класса «А», семнадцать лет, но он уже руководит работами по кладке стен, штукатурке дома, завозу материалов. Как и всякий строительный начальник, он еще не знает, кто из учителей будет жить в этом доме.

Так, начав со спортивного зала, ребята 18-й школы перешли на постройку мастерских, теплицы, жилого дома. При ученическом «строительном тресте» есть двухмесячные курсы каменщиков и штукатуров. Работают пять строительных участков. И при этом строители хорошо учатся.

— Что будете строить дальше? — спрашиваю я Юрия.

— Завозим камень, цемент для бассейна. Решили строить тогда, на собрании.

...Тогда, на собрании...

Загудел зал. Заспорили ребята. Всем хотелось иметь школьный бассейн. Выступил заведующий учебной частью:

— Вы что? Разве нам справиться с такой задачей?

— Справимся! — кричали ребята.— Виктор Сергеевич, скажите! Ведь справимся?

Поднялся невообразимый шум. Сидевший в президиуме Виктор Сергеевич Вавилов молчал. Молчал долго, обдумывая, что ответить в такой сложной ситуации. Надо поддержать авторитет заведующего учебной частью. Как идти против него!.. А ребята? Сколько сделано, сколько построено их руками!

Это то, о чем мечтал артиллерист Вавилов, идя тяжелой солдатской дорогой от Москвы до Чехословакии. Виктор Сергеевич вспомнил неоштукатуренную школу, без забора, без деревца, когда он вернулся сюда с войны. Семью перевезти некуда было. Так и жил в директорском кабинете. Вместе с ребятами начал выпускать стенгазету.

— Ничего из этого все равно не выйдет,— сказала одна учительница.— Видели мы здесь не только стенгазету, но и плакаты тоже.

«Но не видите, как истосковался я по работе, как много могут сделать ребята, если заинтересовать их, поверить им»,— думал Вавилов. И он верил им.

...Вавилов встал. Десятки глаз впились в него. И он не мог им говорить неправду.

— Мы сделаем это,— сказал Вавилов.

Одобрительный шум повис в зале. Проголосовали при одном воздержавшемся.

В школе много традиций. Когда 1 сентября «первыши» приходят в школу, для них устраивают экскурсию. Осмотрев все и просидев положенное количество уроков, они выбегают к ожидающим их мамам. В руках у ребятишек саженцы. В сопровождении учительницы они идут домой и там, у себя в саду, сажают деревцо, которое будет вместе с ними расти. Уходя из школы, десятиклассники оставляют о себе память. Это может быть фонтан, построенный учениками 10-го «А», или беседка, построенная 10-м «Б», приборы для физического и химического кабинетов.

В школьном саду ни разу не было сломано ни одного дерева, не сорвано ни одного яблока без ведома юных мичуринцев.

М. А. АБРАМОВ. ИЗ СЕРИИ «УШЕДШИЕ В ПРОШЛОЕ».

ЗАЛП «АВРОРЫ».

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ.

ФАБРИКИ РАБОЧИМ.

ЗЕМЛЮ КРЕСТЬЯНАМ.

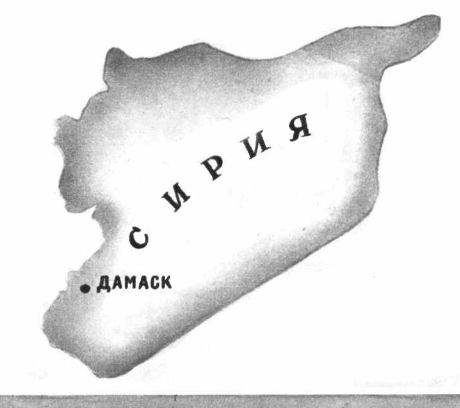
Конец полосатого заговора

Николай ДРАЧИНСКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Гробница Аднана Малики.

Две точки зрения

...В начале октября прошлого года, когда я летел в Дамаск на самолете скандинавской авиационной компании, «война нервов» против Сирии достигла предельного напряжения. Стюардесса непрерывно снабжала пассажиров газетами. В американской печати шла яростная кампания против Сирии.

Я спросил у стюардессы, много ли пассажиров летит в Дамаск.

— Только двое. Вы и еще один господин в туристском классе.

— Почему так мало?

Девушка вначале пожала плечами, но затем служебная улыбка исчезла с ее лица, и она сообщила:

— Говорят, там вот-вот начнется война... Я так боюсь, у меня брат работает на Востоке, в нефтяной компании. Я бы ни за что туда не поехала...

— Тем не менее вы летите туда.

— О, нет! Я только до Рима. Там будет смена экипажа. Да вот уже и Рим. Застегните ремни и погасите сигарету, пожалуйста!

Самолет вышел из облаков, внизу показалась извилистая лента Тибра и «Вечный город» на холмах. Заходящее солнце окрасило громаду Колизея в багровые тона. Даже с высоты его гигантская чаша, давно сожженная завоевателями, поражала величием и вызывала мысли о гении зодчих и бедствиях войны.

На аэродроме в Риме я купил открытку и подошел к почтовому отделению, чтоб отправить ее домой. У окошечка сидел очень худой и очень веселый итальянец и мурлыкал какую-то песенку. Услышав фразу «Ай уонт ту поуст дис поусткад», чиновник перестал петь, широко улыбнулся и сделал жест, который у всех народов означает: «Ничего не понимаю». Я протянул ему открытку, указав на то место, где должна быть марка.

— А, прего, синьоре, прего! — Чиновник посмотрел на адрес и неожиданно сказал на приличном русском языке:

— В Москву? Вы приехали из Москвы?

— Да. А где вы научились так хорошо говорить по-русски?

— В Пензе! Я был в плену, ельки-пальки! О, там однажды случилось...

Я так и не узнал, что случилось с итальянцем в Пензе, ибо в это мгновение какой-то человек схватил меня за плечи, обнял, быстро и бессвязно заговорил, путая арабские, русские и французские слова. Снова обнимал, тряс руку; за стеклами его очков блестели слезы.

— Извините, пожалуйста... Но я не могу, когда я вижу... русский человек, я не могу быть спокоен... Вы говорили по-русски, вы из Москвы... Я не могу говорить... Я очень волнуюсь...

Коренастый человек со смуглым лицом и густыми черными волосами был действительно искренне и глубоко взволнован. Прошло несколько минут, прежде чем он успокоился и рассказал о себе. Тут я понял, почему его лицо мне показалось знакомым: я видел его фотографии в московских газетах. Это был Маан Дандаши, сирийский певец и музыкант. Вместе с ансамблем он приезжал в Москву на фестиваль. Молодой певец выступал с большим успехом, слушал песни и музыку других народов мира... Слушал, но почти ничего не видел...

После фестиваля советские врачи в московской клинике сделали Маану сложную операцию глаз. И вот сейчас, прозревший, он возвращается на родину. За два месяца, проведенных в Москве, Дандаши научился кое-как объясняться по-русски. Слов он знал мало, но в каждое вкладывал столько чувства и пыла, что казался красноречивым.

Его рассказ взволновал и почтовика.

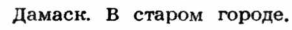
— Мульто бене! Бениссимо! — сказал итальянец.— Это все равно, что родиться заново. Я понимаю ваши чувства, вам есть за что благодарить людей, которые живут там, в Советах, в Москве.

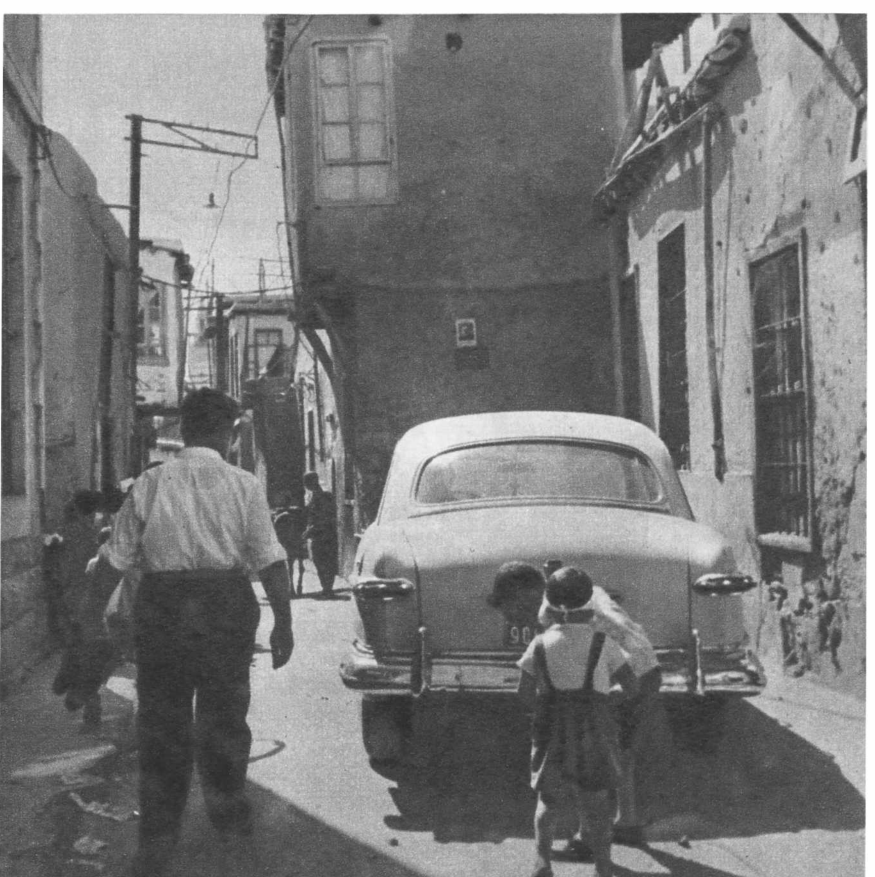
— Да, да! Разве я когда-нибудь забуду это?! — отвечал Маан итальянцу.— Но не мне одному есть за что благодарить советских людей. Миллионы арабов стали видеть лучше, у них открылись глаза. Они увидели, кто их настоящие друзья. Что было бы сейчас с моей Сирией, если б у нее не нашлось такого великого и верного друга? Она лежала бы в крови и цепях...

Маан говорил долго и горячо. Его взволнованную речь прервал голос из радиорупора, извещавший, что пассажиры, отлетающие в Дамаск и Абадан, должны занять места в самолете.

Мы с Мааном летели в разных кабинах и договорились встретиться тотчас по прибытии в Дамаск. Когда я подошел к своему месту, то прежде всего увидел ноги в огромных рыжих башмаках, лежавшие на моем кресле. Их обладатель, уже немолодой, крепко сбитый, мускулистый человек, оказался моим новым соседом. Ворот его сорочки был распахнут, вместо галстука на шее синий платок, редкие волосы слегка заштриховали розовый череп, крупный нос и подбородок властно подавляли остальные черты лица. Его можно было принять за отставного атлета или бывшего чемпиона «марафонских танцев». Вел он себя бесцеремонно, как человек, которому излишне много улыбаются: шумно разговаривал, фривольно похлопал стюардессу, которая принес-

Дамаск. В старом городе.

ла ему жевательную резинку, и, кажется, был слегка навеселе. Сняв ноги с моего кресла, он водрузил их на спинку переднего.

В кабину поспешно ворвались два человека и кинулись к моему соседу. Из-за спины высокого, щеголевато одетого брюнета выглядывала голова, похожая на буханку недопеченного хлеба.

— Мистер Челс, вот тот самый итальянский парень, о котором я вам говорил. Он вам поможет,— сказал высокий, а «хлеб» закачался: кланялся.

Человек, которого по-английски назвали «бой», был уже довольно староват. Воротник засален, галстук тряпочкой.

— Он готов ехать?

— Да, сэр!

— О'кэй! Пусть вылетает следующим самолетом в Абадан.

— Да, сэр!

— Остальных отправляйте пароходом.

— Да, сэр!

— Отправляйте быстро. Мне чертовски нужны надежные люди. Этим арабам сейчас совсем нельзя доверять.

— Хорошо, сэр!

— Идите. Уже убирают трап.

— Гуд бай, сэр!

— Бай!

...Самолет пробил облака и будто летел над заснеженной равниной, озаренной холодным светом никелированной луны.

— Вы не любите арабов? — спросил я у соседа, когда принесли ужин.

— Это сентиментальный вопрос. Я добываю нефть. И не люблю, когда мне мешают это делать.

— Кто мешает? Арабы?

— Я тридцать два года работаю на Востоке. Таких трудностей еще никогда не было. Даже шейх, который получает от меня деньги, и тот начинает нести всякий бред о каком-то возрождении нации...

— Что ж в этом плохого?

— Но это мешает. Мешает бизнесу! А что делается в Сирии!

— В Сирии нет нефти.

— Через Сирию проходит несколько нефтепроводов. По ним текут к морю миллионы баррелей нефти, которую мы добываем в пустыне. Это сухопутный Суэц! А вы ведь помните, что во время суэцкого кризиса в Европе уже стали запрягать лошадей в автомобили. «Ирак петролеум компани» наполовину закончила новый нефтепровод через Сирию, но сейчас работы законсервированы. Кто же станет вкладывать деньги, пока в стране ненадежное правительство, которое к тому же дружит с Советами? Это угроза для всего бизнеса на Среднем Востоке. Деловые люди не могут работать в такой обстановке...

— Но сами сирийцы, по-моему, придерживаются других взглядов?

— Чепуха! Надо только, чтобы там было приемлемое правительство.

— Значит, новый переворот?

— Перевороты на Востоке — вещь столь же привычная и нормальная, как министерские кризисы во Франции,— оскалил зубы мой собеседник.— Конечно, благоразумнее испытать сначала такое средство, как экономическая блокада. Но это, кажется, не дает эффекта. Сирия торгует с Восточной Европой, ей помогает Россия. Я понимаю, когда это делают Советы, но вот вы, немцы, пользуясь ситуацией, тоже гоните туда все, что можете.

— Я не немец, а русский.

— Русский белый или русский красный?

— Советский.

Собеседник поднял брови, и я впервые увидел его желтые глаза. Очевидно, соседа ввел в заблуждение западногерманский иллюстрированный журнал, который я просматривал.

— А я все думаю, почему это вы пьете виски, не разбавляя содовой? Так принято в России? — спросил американец. О нефти он разговаривать больше не стал.

Когда самолет уже подруливал к зданию Дамасского аэропорта, он сказал на прощание:

— Вы, русские, пока выиграли на Востоке — 1 : 0. Но имейте в виду: матч продолжается, а вы не привыкли к арабской площадке!

— Мне кажется, вы ослеплены. Если пользоваться вашими выражениями, вы играете против арабов, а уж они-то свою площадку знают! Разве вы не видели, что пробудился большой народ? Национальная независимость стала господствующей политической доктриной на Ближнем Востоке, даже в тех странах, где вы еще пока командуете.

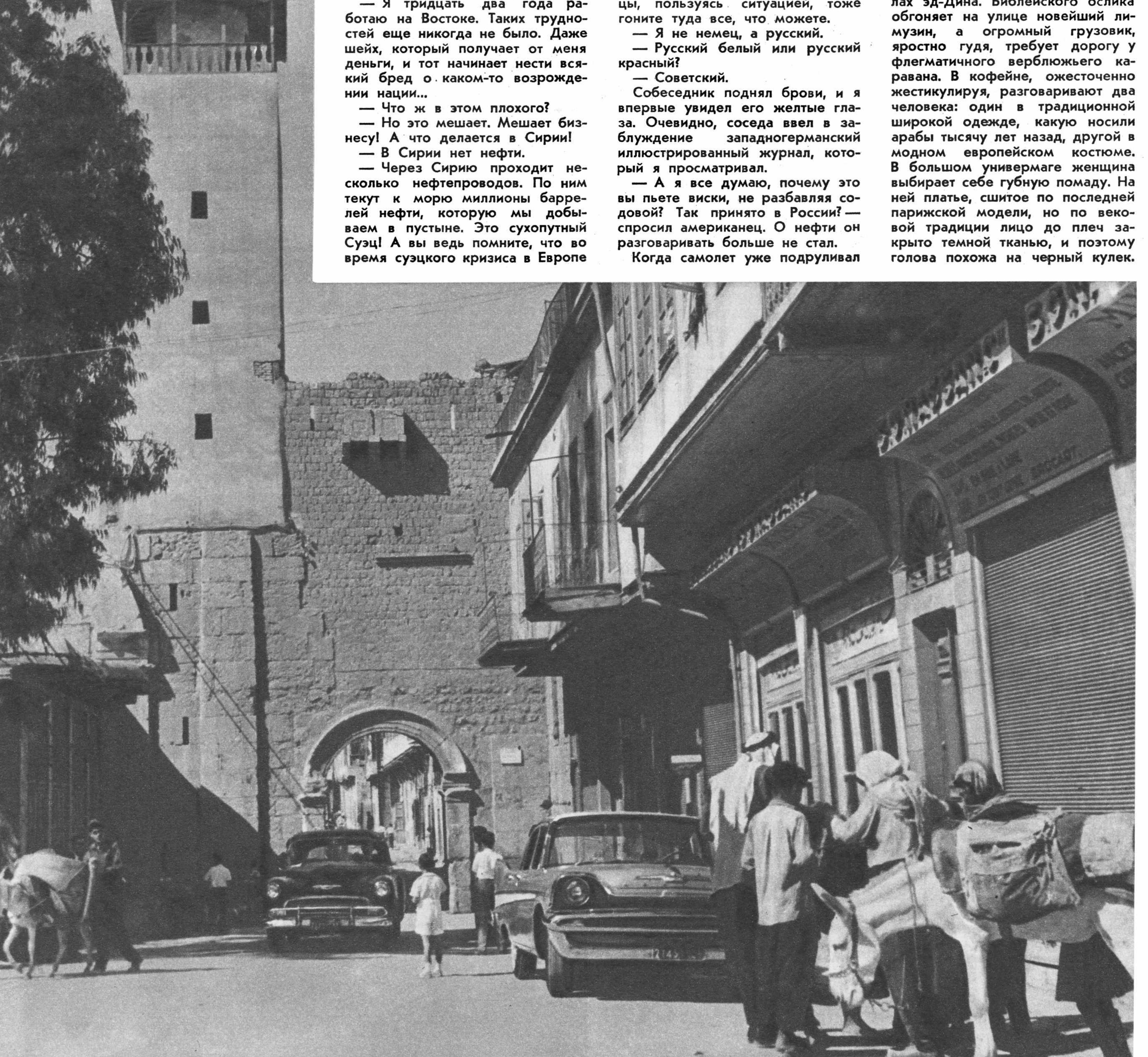
— Басни красных. Ничего этого я не вижу.

— Дефект зрения.

Звезды на знамени

Удивительный город Дамаск: все здесь или очень древнее или очень новое, середина мало заметна! Многоэтажные здания из стекла и бетона высятся рядом со строением столь древним, что, быть может, в нем жили еще современники легендарного Салах эд-Дина. Библейского ослика обгоняет на улице новейший лимузин, а огромный грузовик, яростно гудя, требует дорогу у флегматичного верблюжьего каравана. В кофейне, ожесточенно жестикулируя, разговаривают два человека: один в традиционной широкой одежде, какую носили арабы тысячу лет назад, другой в модном европейском костюме. В большом универмаге женщина выбирает себе губную помаду. На ней платье, сшитое по последней парижской модели, но по вековой традиции лицо до плеч закрыто темной тканью, и поэтому голова похожа на черный кулек.

Дамаск. У древних ворот «Баб Шарки»

Однажды в пригороде я наблюдал такую сцену. На улице стоял новенький автобус «мерседес-бенц». Несколько пассажиров выглядывали из окон, а перед машиной араб в сером платке держал барана. Ловким ударом ножа он свалил животное и протащил его перед радиатором, оставляя на асфальте широкую полоску крови. Под крики пассажиров и зрителей автобус переехал алый ручей, и все кинулись поздравлять шофера. Оказывается, машина только что куплена, и чтобы была удача, творение новейшей техники освящается по обычаям глубокой старины.

Дамаск — один из древнейших городов земли. На каменных египетских надписях, сделанных три с половиной тысячи лет назад, он уже упоминается как старый город. Он многое повидал. Некогда столица могущественного халифата, где расцветали науки, искусства и ремесла, он был опустошен войсками Тамерлана. Потом страна подпала под господство османских турок на четыре долгих столетия. Турок сменили французские колонизаторы, силой оружия установившие свою власть. Но залп «Авроры», известивший о рождении нового мира, гулко отозвался на Востоке.

На знамени Сирийской республики три звезды. Это память о трех крупнейших восстаниях против колониального ига: в 1917, 1920 и 1925 годах. Звезды красные, как кровь патриотов, павших за свободу родины. В 1946 году, после нового крупного восстания, последний иностранный солдат покинул сирийскую землю. Сирия стала первой независимой арабской республикой. С тех пор прошло двенадцать лет, но эти годы резко изменили облик города, возраст которого исчисляется тысячелетиями.

Маан Дандаши, с которым мы много бродили по улицам Дамаска, жадно смотрел на родной город и не мог наглядеться. Его нетрудно было понять. От рождения у него было очень плохое зрение. Но лет восемь назад один глаз перестал видеть совсем, а другой лишь смутно различал близкие предметы. Вырванный советскими врачами из вечной тьмы, он сейчас зачарованно смотрит на залитый солнцем город и радуется, как дитя, хлопает в ладоши, иногда начинает петь. Кто-нибудь из друзей еще издали крикнет ему: «Салям-алейкум, Дандаши!» При звуке этого имени прохожие останавливаются. «Так это тебе в Москве сделали операцию?» Вокруг тотчас собирается толпа.

— Да, да! Вот здесь восемь лет назад были огороды. А смотрите, что теперь! — говорил Маан, когда мы стояли почти в центре нынешнего Дамаска, на проспекте Порт-Саида. Вдоль улицы высились большие шести- и десятиэтажные дома. Оттуда мы прошли на Мазраа-аль-Джадид. Этот новый район города, составляющий ныне добрую четверть столицы, возник за последнее пятилетие. Еще совсем недавно не было утопающего в зелени бульвара Абу-Руммана и примыкающих к нему улиц.

Затем мы поехали вверх, на гору Касьюн, возвышающуюся над столицей. Рыжий пустынный склон горы теперь покрылся сетью новых улиц, кварталами больших домов. С высоты был виден весь Дамаск, как на карте. Маан рукой показывал все то, чего не было десять лет назад. Город в воображении стал уменьшаться, пока не застыл пятном вокруг древней цитадели...

Гранаты не взорвались...

В министерстве иностранных дел я беседовал с Салах эд-Дином Тарази. В то время генеральный секретарь МИДа, он уже был назначен послом Сирии в СССР и готовился к отъезду в Москву. Один из образованнейших людей в Сирии, доктор права и профессор университета, он говорил о длительной и упорной борьбе арабских стран за независимость, об идее единства арабской нации, к которому стремится народ. Колонизаторы веками подавляли арабскую культуру, экономику, язык, угнетали народ. Только десятилетие существует независимая Сирийская республика. Но уже за это короткое время достигнут большой прогресс во всех областях. Еще много трудностей и велик груз колониального прошлого, но для страны открыты светлые перспективы. Вот почему каждый сирийский гражданин с такой непримиримостью относится к любой попытке снова навязать народу иностранное господство, вот почему сирийцы с такой симпатией относятся к Советскому Союзу, к его бескорыстной и дружественной политике. Империалисты, не найдя опоры внутри страны, делают ставку на военную интервенцию, организуют с помощью своих агентов заговоры и провокации...

Справедливость этих слов подтвердилась уже на следующий день. Представитель военного командования заявил представителям печати, что в Латакии разоблачен новый крупный заговор против республики. Обнаружены склады оружия, доставленного из-за рубежа. В потайных местах хранилось много винтовок, пулеметов, гранат, боеприпасов американского и канадского производства.

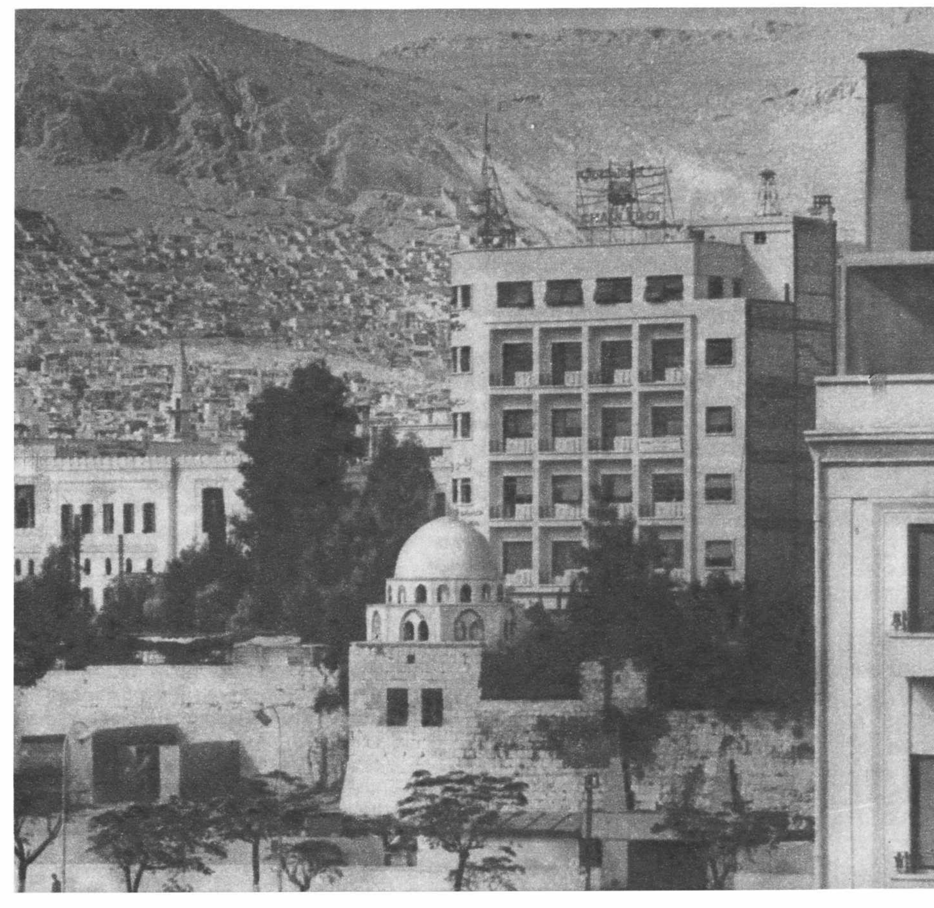
Предательская группа в Латакии была одним из многих звеньев в цепи империалистического заговора против независимости Сирии, над которым все лето энергично трудились американские дипломаты. На сей раз они действовали хитрее и осмотрительнее. Небольшие группы заговорщиков были связаны между собой только через американцев. Расчет был такой: если провалится одна из групп, уцелеют другие, ибо нить связи прервется в стенах посольства, огражденного дипломатической неприкосновенностью.

Однако патриотизм и бдительность сирийцев оказались выше хитросплетений колонизаторов. Гранаты не взорвались, ружья не выстрелили. Тщательно подготовленный заговор с треском лопнул, вызвав болезненный переполох за океаном.

В Дамаске я познакомился с материалами обвинительного заключения, разговаривал с некоторыми участниками событий. Не моя вина, что рассказ об этом заговоре иногда будет похож на американский детектив: один из главных организаторов заговора был большим знатоком и почитателем гангстерских фильмов и романов.

Человек со слуховым аппаратом

Прошлой весной даже самым радужно настроенным американским дипломатам стало ясно, что сирийское правительство не примет пресловутую «доктрину Даллеса — Эйзенхауэра». Не помогли ни угрозы, ни уговоры: молодая республика решительно отказалась впустить в свои стены изготовленного за океаном троянского коня. Тогда решено было применить другие методы.

Дамаск. Вид на гору Касьюн.

Именно в это время на улицах Дамаска появился человек малопримечательной наружности: серенький шатен, среднего роста, с водянистыми бегающими глазами. Впрочем, одна деталь отличала его от других: джентльмен был туг на ухо и всегда носил с собой слуховой аппарат. Неизменно улыбаясь застывшей улыбкой манекена, он направлял к собеседникам маленький блестящий микрофон. В дипломатической карточке, которую он имел при себе, было сказано, что предъявитель таковой мистер Говард Стоун является вторым секретарем посольства Соединенных Штатов в Дамаске. Он был застрахован таким образом от всевозможных неприятных случайностей дипломатическим иммунитетом.

Мистер Стоун занимал довольно мелкий дипломатический пост. Тем не менее его распоряжения выполнялись неукоснительно и консулом, и военным атташе, и даже самим послом. В его распоряжение были переданы дипломатические автомобили, изрядные денежные ресурсы и даже квартиры сотрудников посольства. Второй секретарь имел особую миссию, в исполнении которой являлся крупнейшим специалистом.

В Штатах есть различные специалисты: по рок-н-роллу, атомным бомбам, рекламе жевательной резинки, черной магии. А в Париже мне однажды показали пухлого джентльмена и сообщили, что это крупнейший в Америке специалист по прогнозам семейной жизни новобрачных. Мистер Стоун был крупнейшим специалистом по заговорам и военным переворотам.

Когда в Иране правительство Мосаддыка попыталось оказать сопротивление иностранным нефтяным монополиям, издавна грабившим страну, в Тегеране немедленно появился Гозард Стоун. За короткое время он тайно подготовил военный переворот. В результате доктор Мосаддык оказался за решеткой, а нефтяные магнаты сохранили свои барыши.

Спустя некоторое время человек со слуховым аппаратом оказался в далекой Гватемале. Там президент Арбенс решил положить конец бесчинствам американской «Юнайтед фрут компани». Гневные ноты государственного департамента, угрозы, шантаж не помогли. Тогда в дело был введен Стоун. Снова военный переворот — и «Юнайтед фрут» попрежнему сосет соки маленькой страны.

Весной я был в Судане. Хартумские знакомые рассказывали мне о том, как прогрессивное правительство аль-Азхари, которое выступало за более тесные отношения с Египтом и другими арабскими странами, было свергнуто путем своего рода парламентского переворота, подготовленного американцами. С помощью интриг, подкупов, угроз им удалось расколоть прогрессивный блок и добиться отставки правительства. Некий сотрудник американского посольства по имени Стоун специально приезжал в Судан, чтобы провести это дело.

А в январе прошлого года в Аммане один доктор, активный и популярный деятель антиимпе-

риалистического фронта, рассказывал мне о подозрительной возне американцев в Иордании. Чиновники посольства США, различные «эксперты» шныряют в королевском дворце, шепчутся с шейхами бедуинских племен, задаривают их.

— Говорят,—добавил доктор,— что недавно в помощь американскому военному атташе полковнику Суни, который руководит этими людьми, приехал какой-то специалист по переворотам, который в свое время подготовил заговор в Иране. Но мы не боимся их интриг. Им не удастся снова надеть цепи на пробудившийся народ.

Доктор оказался неправ. Ловко использовав вековую отсталость бедуинских племен, продажность королевского двора, нерешительность одних политических лидеров, трусость других, американцы осуществили переворот. Сейчас в Дамаске мне рассказали, что сам доктор бежал из Иордании и скрывается у брата, где-то на Аравийском полуострове, заочно приговоренный к шестнадцати годам каторги. А Стоун, сделав свое черное дело в Иордании, объявился теперь в Сирии.

Таков был человек со слуховым аппаратом, который этим летом бродил по улицам Дамаска. Он ко всему внимательно присматривался. Где-то здесь гнездится «красная опасность», которую ему предписано искоренить любыми средствами.

По вечерам на тротуарах тесно. Говорливый людской поток запруживает центральные улицы. Люди толпятся у ярких витрин, у газетных киосков, заполняют многочисленные кофейни. В этой толчее уличные продавцы как-то ухитряются разложить свои товары прямо на асфальте и громогласно зазывают покупателей. Отчаянно звенят медными чашечками, как кастаньетами, бродячие продавцы холодной воды с большими бутылями за спиной.

Мистер Стоун остановился на улице. Мимо него по широкой асфальтированной магистрали густо мчались машины, почти все самых последних, преимущественно американских, моделей. По сравнению с ними улицы Рима или Копенгагена кажутся автомобильным кладбищем. Но мистер Стоун не смотрел на улицу. Он глядел в небо. Там на самом высоком здании вспыхнул огромный, искусно выгнутый из красных неоновых трубок зубр и надпись «MAZ». Это местная торговая фирма рекламировала советские грузовики «МАЗ» — Минский автомобильный завод. Вот она, красная опасность! Красный зубр горел над Дамаском, рекламируя советские грузовики. Затем он погас, а на его месте вспыхнул белый медведь и надпись «YAZ». Стоун не знал, что означают буквы «ЯАЗ», но медведь, хотя и белый, для него все равно казался красной опасностью.

Вокруг сверкало множество разноцветных огней, рекламирующих виски «Белая лошадь», радиоаппараты «Филипс», часы «Омега», моторы «Дженерал электрик». Но красный зубр приковал к себе внимание мистера Стоуна. Из оцепенения его вывел мальчишка с копной черных волос, придавленных кипой газет. Он подбежал, крича во всю силу своих молодых легких: «Горячая встреча сирийской делегации в Москве! Халед Азем начал успешные переговоры!» Мистер Стоун отвернулся и выключил слуховой аппарат, но мальчишка кричал так громко, что и без аппарата было слышно. Он совал ему газету сначала на арабском, затем на французском и английском языках. Стоун почти убежал от назойливого газетчика.

Склады оружия заговорщиков, раскрытые в городе Латакии

Стоун зашел в боковую улицу, откуда хорошо был виден ярко иллюминированный подъезд кинотеатра «Фордос». Перед ним стояла вереница машин очень пестрой окраски. «Американские коммерсанты учитывают восточные вкусы»,— думал человек со слуховым аппаратом, глядя на шеренгу пунцовых, оранжевых, ядовито-синих автомобилей. Среди них стоял неприметно серый, цвета дорожной пыли «форд». Именно он интересовал дипломата.

Вот машина наконец двинулась. Она обогнула квартал один раз, затем второй, третий и остановилась на прежнем месте. «Третий день — это среда»,— отметил в уме человек со слуховым аппаратом. Очень довольный, он вышел из переулка и снова увидел красного зубра, который методично вспыхивал на черном бархате ночного неба. Серенький человек со слуховым аппаратом улыбнулся: «Скоро погаснет. Навсегда».

Он остановил такси и велел шоферу ехать на улицу Аль-Мансур, где стоит белый особняк посольства Соединенных Штатов.

Тень Малики

Жизнь в Дамаске начинается рано. Весь город еще в тени, только высокие минареты утреннее солнце зажгло, как свечи. Но на улицах уже людно и шумно. Автомобили и ослики, продавцы и покупатели потянулись на сук — восточный базар, где извечный торг уже кипит спозаранку. Торопятся на стройки каменщики и бетонщики, открывают мастерские знаменитые дамасские ремесленники. У моста Виктории шоферы, собравшиеся в дальний путь, смотрят на столб, где вывешено извещение полиции, какие дороги сегодня открыты: на Халеб, Амман, Бейрут, Иерусалим, Багдад. Медными голосами газетчики выкрикивают новости, и уличные продавцы весело и громозвучно зазывают покупателей. Дымят передвижные печурки с горячей снедью, солеными арахисами и фисташками.

К тому времени, когда дневное светило откроет свое золотое око над горизонтом, город уже весь в движении, до краев залит разноголосым шумом. Но к полудню жизнь постепенно замирает. Немилосердное солнце так раскаляет камни, что на них, кажется, можно печь лепешки, город обволакивается густым зноем, люди ищут спасительную тень, чтоб провести в бездействии несколько самых жарких часов.

В конце июля стояла особенно сильная жара. Поэтому, когда после полудня на квартире Надима Жафари раздался телефонный звонок, он изрядно удивился: кто может звонить в такое время, когда все отдыхают? Наверное, иностранец. И действительно, в трубке он услышал английскую речь.

Неизвестный человек очень хотел с ним встретиться. Надим пригласил его к себе.

— О, нет, это невозможно, — ответила трубка. — Я бы хотел повидаться с вами конфиденциально. И прошу вас об этом пока никому не говорить.

Условились встретиться вечером близ мавзолея Малики. Незнакомец сказал:

— Вы пойдете вправо. В двадцати шагах от последнего фонаря я буду вас ждать. В левой руке у меня будет голубой конверт. Запомните: в левой — голубой.

Вечером Надим приехал на новую площадь, в центре которой была большая круглая клумба с фонтаном, а за ней гробница Малики — славного сирийского патриота, павшего от руки наемных убийц.

Надим помнил подполковника Аднана Малики, помощника начальника генерального штаба сирийской армии. Это был честный офицер, пользовавшийся большим авторитетом у военных. Он был известен народу как стойкий борец за независимость Сирии, враг агрессивного Багдадского пакта. В 1955 году империалисты подготовили военный переворот. Их орудием была национально-социальная партия, которую теперь в стране все справедливо называют бандой. Первой жертвой заговора стал Аднан Малики. Убийство патриота всколыхнуло всю страну. Начались могучие народные демонстрации. Заговорщики частью бежали за границу, частью были арестованы. Судебное следствие показало тесную связь главарей национально-социальной партии с американским посольством в Дамаске. Партия была распущена, ее деятельность запрещена.

Патриот похоронен на этой новой, еще не полностью застроенной площади столицы. Широкие ступени ведут к могиле. Надгробье охватывает колоннада из белого камня. На стене выбиты слова Корана: «Не считайте убитых за правое дело, не называйте их мертвыми, ибо они живут...»

Надим посмотрел на солдата, застывшего в почетном карауле, и пошел направо. Вскоре он увидел незнакомого человека с голубым конвертом в левой руке. В правой он держал микрофон слухового аппарата.

Незнакомец сказал, что он много слышал об эффенди Надиме, что у них есть общие друзья. У него к эффенди важное дело, но его следует обсудить в другой обстановке, а не на улице. Поэтому он рад познакомиться и просит прийти завтра на это же место, чтоб затем отправиться куда-нибудь.

На следующий день Надим снова проходил мимо гробницы-памятника Малики, и ему показалось, что часовой посмотрел на него как-то странно. Серый человек со слуховым аппаратом ждал его в тени. Несколько минут они шли боковыми улицами. Затем Стоун попросил Надима подождать, а сам скрылся в переулке. Вскоре оттуда выехал автомобиль, и его дверца распахнулась перед Надимом. Минут десять Стоун колесил по городу, выбирая улицы потемнее, и остановил машину у подъезда одного из домов в квартале Рауда.

Беседа их продолжалась долго и закончилась так.

— Вы видите, — говорил Стоун, — что совершенно необходимо избавиться от некоторых правителей, которые толкают Сирию к большевистскому кошмару. Поэтому я прошу подготовить мне встречу с вашим другом капитаном Абдаллахом, который очень нужен для этого.

Друг Надима капитан Абдаллах Шейх-Атие был популярным человеком в армии, под его началом находилась крупная воинская часть, расквартированная в столице.

Стоун достал из кармана голубой конверт и показал его содержимое Надиму — пятьдесят стофунтовых ассигнаций. Затем отсчитал пять синеватых бумажек и протянул Надиму.

— Это вам пока, — сказал Стоун. — Если встреча с капитаном будет успешной, вы получите остальные.

— Я поговорю с Абдаллахом,— ответил Надим, но денег не взял. Человек со слуховым аппаратом поморщился: ему это не понравилось. Деньги в его арсенале считались первостепенным оружием.

Надим уже давно ушел, а серый человек еще размышлял над этим фактом. Как, однако, меняется Восток! Гордость? Чепуха. Ломается для виду. Пол-Европы купили на американские деньги. А этот разыгрывает из себя бескорыстного политика. Возьмет!

А Надим шел по затихающим улицам Дамаска, и ему казалось, что тень Аднана Малики идет следом за ним.

(Продолжение следует)

С. МАРВИЧ

Рисунки И. Оффенгендена.

У него, быть может, самое обыкновенное лицо. Может, острое, может, широкое, может, с ямочками. Возраст? Лет тридцать, сорок, может, и больше. Одет? Думаю, что ничего бросающегося в глаза нет. Может быть, заношенная, потемневшая от осенней непогоды шляпа, может, и незаношенная, или просто берет. Достоверно одно: голос у него мужской.

И все же я вижу его. Вот он постукивает монетой о стекло телефонной будки. Вот он занял будку, занял на одну минуту. Он уложится и в полминуты. Он плотно закрыл дверь.

Это особый клиент автомата, в сокращении — Окав.

Так и назовем его, потому что имени не знаем.

Разговоры Окава всегда быстротечны. Если занят один номер, он тотчас вызывает другой. Пятиалтынный опущен, на другом конце провода ответили.

— Мне Анатолия Федоровича,— говорит Окав.— Анатолий Федорович? Очень приятно. Советую присмотреться, простофиля, к вашему приятелю Сергею и к вашей супруге Наталье Петровне. Честь имею!

Девушка признательно глядит на Окава, когда он выходит из будки: он не заставил ее томиться, сразу видать делового человека. Окав отвечает на этот взгляд доброй улыбкой — понимаю, мол, вас: спешите.

Откуда же, однако, узнал Окав о терзаниях Анатолия Федоровича?

Анатолий Федорович работает этажом выше. Окав не знаком с ним, но знает в лицо. Окав внимательно наблюдает за ним в обеденный перерыв. Результатами наблюдения он доволен: субъект нервический. Можно пустить по проводу занятный слушок прямо ему в ухо.

Вы ушли домой веселый и возбужденный, Анатолий Федорович! В палатке возле министерства вам отвесили полкило «дамских пальчиков». Сейчас вы благодушествуете на диване. Но в тот же вечер вы совсем по-другому взглянете на свою жизнь. Капля яда наготове.

На другой день в обеденный перерыв Окав убеждается, что она здорово подействовала, капля сильного яда. Анатолий Федорович пожелтел. Он, всегда такой аккуратный, не брился сегодня. И не знает Анатолий Федорович, что неизвестный, который вчера взбудоражил его вечерним звонком, сидит почти рядом, что, обслуживая сам себя, неизвестный взял в буфете компот из айвы.

А Окав смотрит, смотрит незаметно, внимательно. И надолго хватит ему тихой радости оттого, что теперь в доме незнакомого человека стало тяжело, что одной старой дружбе наступил конец. И все это обошлось Окаву в один пятиалтынный!

Окав — пакостник, настойчивый, хитроумный, с большим стажем. До войны ему однажды не повезло: попался. Тогда его увидели. Было обличение в стенной газете, был товарищеский суд. Кроме того, беседа с глазу на глаз с жертвой кончилась для Окава двумя увесистыми оплеухами, которые невозможно было обжаловать. С тех пор он стал осторожнее. Для своих пакостей Окав никогда не пользуется служебным или квартирным телефоном. С тех пор только будка. Расход — пятиалтынный... А результаты — сердце замирает.

Окава отправляют в командировку. В гостинице далекого города он слышал, как сосед по номеру вызывал Москву, как он разговаривал с женой. Память у Окава нестареющая. Вернувшись, он немедленно реализует свой план. Окаву отвечает женский голос.

— Елена Акимовна? Я с вами не знаком. В командировке познакомился с вашим мужем.

— С Николаем? Очень рада. Ну, что он, здоров?

— Здоровехонек. Что ему делается!

— Что делается? Это только так кажется... Простите, не знаю, как вас зовут.

— Василий Игнатьевич, к вашим услугам.

— Василий Игнатьевич, дорогой, он не жаловался на ломоту в суставах?

— Раз как-то пожаловался.

— Приедет, поправлю его. Цинхофан я достала.

— А не лучше ли туда послать, Елена Акимовна?

И тут начинается пакость.

— Почему же послать? Не понимаю.

— Да ведь Николая Павлыча там еще подержат.

— Как подержат? Он через три дня вернется. Он мне сказал по телефону.

— Вчера все изменилось. Распоряжение из центра. Месяцок подержат.

— Ах ты, боже мой! Да ведь холода начинаются.

— Вот он и просил прислать ему теплое.

— Сейчас же пошлю. Спасибо вам, Василий Игнатьевич. Простите, побегу хлопотать. Не забывайте нас.

...И идет в далекий город посылка. В ней чесанки, меховая шапка, теплое белье, зимнее пальто, отдающее нафталином. В ней цинхофан. И столько заботы в ней!

А навстречу посылке едет Николай Павлович. И напрасно он будет ломать себе голову: кто же этот назвавшийся Василием Игнатьевичем? Николай Павлович переберет в памяти все лица, которые он видел в далеком городе, и ни на одном не остановится.

Через месяц к отправителю вернется посылка с двойным комплектом печатей.

А Окаву все это обошлось в один пятиалтынный...

Иногда бывают осечки. Выслушано по телефону короткое сообщение, позорящее мужа, жену, сестру.

— Так кто это говорит? — спрашивают Окава.

— Друг.

— Нет, подлец!

Однако из будки Окав выходит как ни в чем не бывало. «Ну, что ж, спишем пятиалтынный в пассив».

Редко, очень редко Окав отваживается на пакость иного порядка. Окав сидит в переполненном зале. Его просят передать записку лектору или докладчику. От Окава идут уже две записки. Одна из них его, она написана безликим почерком. На все записки отвечает докладчик, на все, кроме записки Окава.

— Осталась еще одна записка,— говорит он.— Не стоит оглашать ее. Но...— Короткая пауза. Докладчик не знает, как назвать автора записки — товарищем, гражданином, просто человеком? — ...Но пусть тот, кто послал ее, подойдет ко мне, если желает, и мы побеседуем.

Вот этого-то и не желает Окав. Не выйдет он сам перед народом.

На квартире уважаемого человека раздается телефонный звонок.

— Профессор Н.? — спрашивает невидимый Окав.— Заберите вашего стилягу из «Метрополя». Он там с приятелями дошел до полного безобразия. Кичится вашим именем. Пьян, буянит.

Уважаемый человек хватается за сердце.

— Какой позор... Какой позор... — повторяет отец. — Дожил я...

Но в «Метрополе» стиляги нет. Его и не было там.

— Ты точно запомнил? — шепотом спрашивает мать.— Может быть, «Савой»?

Едут в «Савой». Там ничего не могут сказать о буяне. Едут в «Москву», в «Прагу», в «Пекин». Напрасные поиски. Нигде не называли сегодня имени профессора Н. И что-то не помнят стройного, голубоглазого стилягу. Чернявый был. Того, верно, вывели, но без особого скандала. А голубоглазый стиляга, в полосатом костюме, в джемпере с оленем? Нет, такого не видали.

А «стиляга» вернулся раньше и готовится отойти ко сну. Но кто сказал, что он стиляга? Юноша как юноша. Вот только франтить стал, пожалуй, чересчур. Отдыхал он сегодня нормально. Однако следует строгий допрос с материнскими заклинаниями. Сын глядит на родителей круглыми глазами.

— Откуда вы все это взяли? Какой «Метрополь»?

— Еще один такой вечерок,— говорит в заключение отец,— и порок сердца мне обеспечен.

В доме медленно засыпают...

А Окав отошел ко сну раньше. Истратив на забаву пятиалтынный, он побродил по вечернему городу, вернулся к себе, не забыл перевернуть висящий на двери личный жетон — знак того, что ответственный съемщик комнаты находится дома,— и спокойно уснул, готовясь встретить новую трудовую неделю.

Вы не видели Окава?

Увидеть его трудно. Это большая удача. Но если она выпадет вам, поступите так, как подсказывает совесть.

Да, когда вам, как Ире Ласкиной и Наташе Васюковой, от роду года три, хочется, чтобы все было, как у больших. От старания даже язык прикусишь... Зато и кроватка и кукла — все в порядке!

А этим, наоборот, хочется сегодня, чтобы у них все было, как в те не столь уж давние времена, когда они были маленькими... В этот самый садик, в детсад № 510 Свердловского района Москвы, как он официально именуется, являлись когда-то аккуратно каждое утро и Дима Трошкин, ныне студент текстильного института, и Виктор Морозов, сегодня студент уже третьего курса МАИ, и артист балета Большого театра Всеволод Немоляев, и студент медицинского института Александр Чернов, и Алла Введенская с геофака Московского университета, и Тамара Иванова, ставшая теперь лаборанткой лаборатории двигателей Академии наук, и первокурсница физического факультета МГУ Нина Комарович, и десятиклассница Ира Хаи — словом, все, кто изображен на этом снимке и перечислен слева направо.

Путешествие в собственное детство

Лев КАССИЛЬ

Фото С. ГУРАРИЯ.

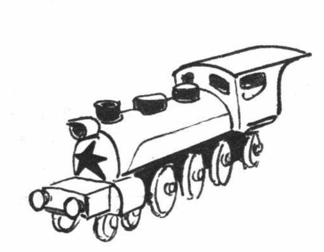
Сегодня всем им, давно упорхнувшим из этого уютного гнезда, захотелось снова встретиться здесь и провести день так, как они проводили тут лет десять — пятнадцать назад. Правда, уже трудно вспомнить, под какой знак надо убрать в шкафчик пальто и шапку,— кто вешал под «ромашку», а кто под «вишню» или «флажок». Да и не влезли в маленькие шкафчики те пальто, в которых пришли сегодня бывшие питомцы детского сада № 510. И рассыпались кубики, а у куклы едва не вывихнули ногу — словом, как ни стараются гости, нанесшие визит собственному детству, сегодня далеко им до Иры и Наташи...

← Однако, раз уже пришел в детсад, подчиняйся порядку. «Дети! — слышится привычный, когда-то на всю жизнь запомнившийся и сегодня снова звучащий рядом голос Галины Антоновны Хитрово, заведующей садом.— Дети, к столу! Живенько! Руки все мыли?» Галина Антоновна уверена, что добрые правила, которые она прививала своим сегодняшним гостям с детства, не забыты. Вот только стульчики маловаты стали. А давно ли были как раз впору?!.

→ «Дежурный!»... Дежурство выпало на долю Александра Драбкина, третьекурсника музыкального училища. В руках его, привыкших за последние годы иметь дело с послушными клапанами трубы, сегодня верткое блюдо с пирогом. И первыми по старой памяти получают свои порции его бывшие подружки — Марина Шарипина, второкурсница института имени Менделеева, и Лена Чугунова из стоматологического института.

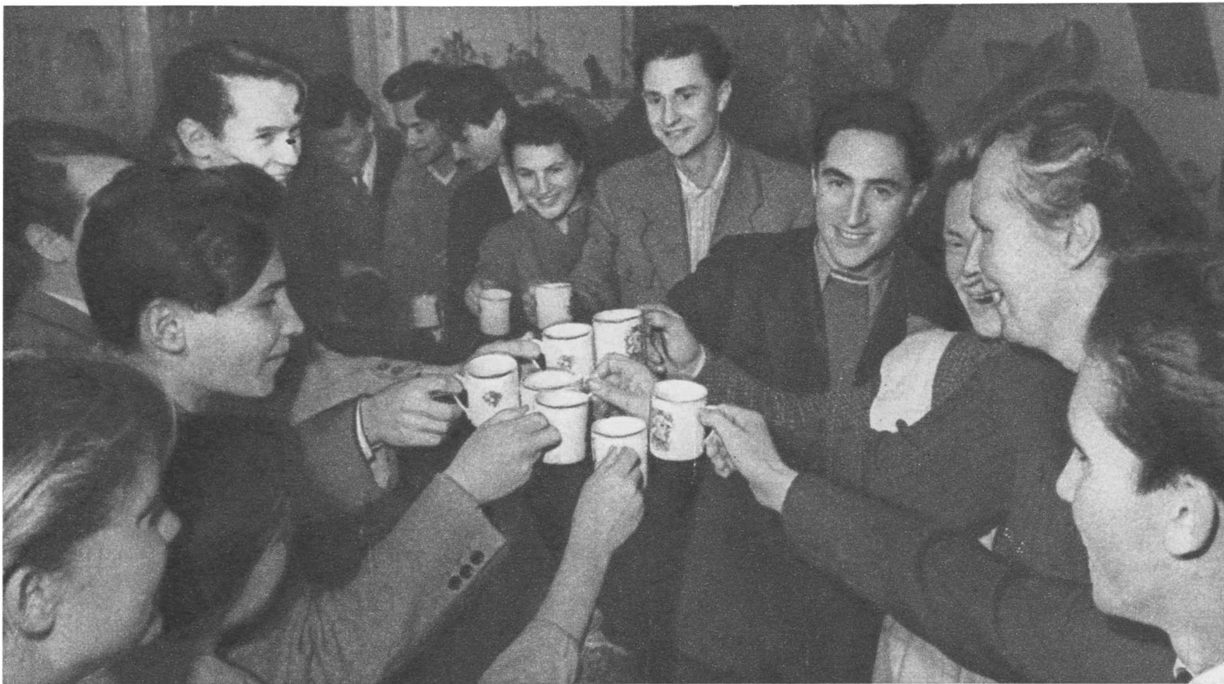

А теперь в самый раз приготовить кружки. Но придется, кажется, изменить обычным правилам детсада. И в те самые кружки, из которых друзья когда-то пили молоко, Алексей Хитрово, студент станкоинструментального института, уверенной рукой наливает, если нам не изменяет зрение, нечто более игристое, нежели молоко...

— Поднимем же кружки, сдвинем их разом!.. За ваше здоровье, Галина Антоновна! Спасибо вам за все те годы, которые мы провели в вашем саду. И за те годы спасибо, когда, уже расставшись с вами, мы столько раз благодарным словом вспоминали вашу заботу, ваши советы, ваши наказы и все, все, что взяли с собой в долгий путь из ваших спокойных, точных, умелых, терпеливых рук, которым доверено было наставить нас на самый первый, начальный путь в жизни...

И, чокнувшись со старой своей воспитательницей, порешили бывшие питомцы детсада каждый год в первое воскресенье декабря месяца вот так собираться здесь всем вместе...

А потом решили, как бывало всегда на праздниках в садике, сплясать польку «Петушок». Стали парами, взялись за руки, и Галина Антоновна стала в круг. Раз, два, пошли! Ну-ка: «Светит солнышко в окошко, светит в нашу комнатку... Мы захлопали в ладошки...» Да, позабыли немножко такт песенки, да и не с той ноги ступают... Не легкое это дело, оказывается, быть маленькими...

Куда лучше получается это у новой «смены», у тех, кто только сегодня научился звонко и лихо отплясывать польку «Петушок» и растет под началом Галины Антоновны!

А пройдет десяток лет, и этих тоже потянет снова хоть на денек заглянуть сюда, где все: и игрушки, и песенки, и первые занятия, и первые обязанности, — все решительно обращено на то, чтобы из каждого потом вырос настоящий человек, сам радующийся жизни и нужный для нее!

Школа русского балета в Австралии

Многим любителям искусства в Сиднее хорошо знаком основатель и руководитель местной балетной школы М. Бурлаков. Покинув Россию в 1909 году, он выступал в составе балетной труппы в США, Англии и в Австралии. После окончания гастрольного турне он остался в этой стране, позднее открыл в Сиднее балетную школу, которая существует до сих пор.

В свое время Бурлакову приходилось танцевать под руководством выдающихся мастеров русского классического балета — Анны Павловой, Фокина, Сергея Лифаря,— и теперь это помогает ему в педагогической деятельности. Воспитанник русского балета открыл дорогу в жизнь многим выдающимся солистам: Роберту Хелпману и Алисе Марковой — артистам английского балета, Гордону Гамилтону — балетмейстеру Венской оперы, Филиппу Перетей — солисту балета в Осло, Майку Андерсону и Тому Мейерфильду — солистам австралийского балета.

М. Бурлаков выступил в Австралии и в качестве балетмейстера-постановщика. Им поставлены «Шехерезада» Римского-Корсакова, «Лебединое озеро» Чайковского, «Петрушка» Стравинского и многие другие спектакли.

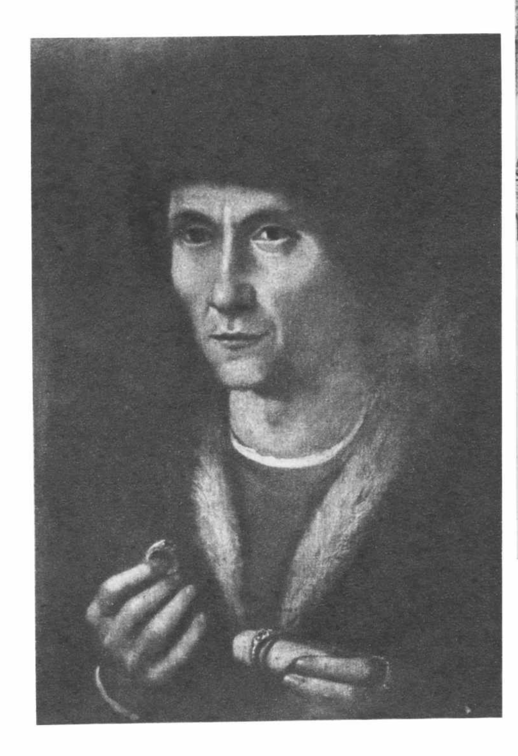
А. КУЗНЕЦОВ

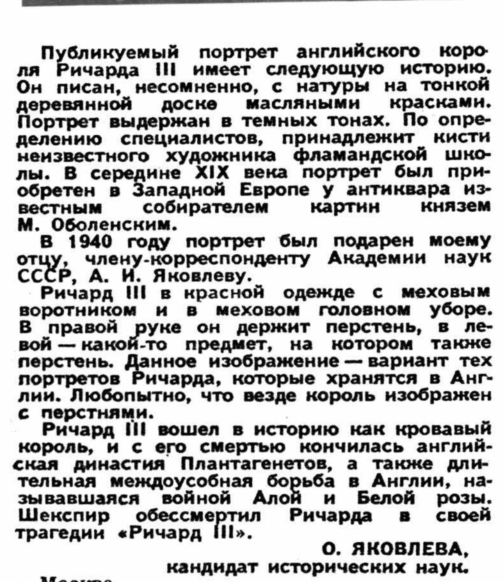
Сидней.

На занятиях Сиднейской балетной школы.

Портрет Ричарда III

Публикуемый портрет английского короля Ричарда III имеет следующую историю. Он писан, несомненно, с натуры на тонкой деревянной доске масляными красками. Портрет выдержан в темных тонах. По определению специалистов, принадлежит кисти неизвестного художника фламандской школы. В середине XIX века портрет был приобретен в Западной Европе у антиквара известным собирателем картин князем М. Оболенским.

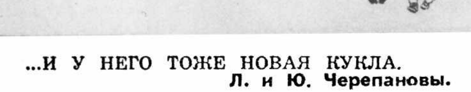
В 1940 году портрет был подарен моему отцу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, А. И. Яковлеву.

Ричард III в красной одежде с меховым воротником и в меховом головном уборе. В правой руке он держит перстень, в левой — какой-то предмет, на котором также перстень. Данное изображение — вариант тех портретов Ричарда, которые хранятся в Англии. Любопытно, что везде король изображен с перстнями.

Ричард III вошел в историю как кровавый король, и с его смертью кончилась английская династия Плантагенетов, а также длительная междоусобная борьба в Англии, называвшаяся войной Алой и Белой розы. Шекспир обессмертил Ричарда в своей трагедии «Ричард III».

О. ЯКОВЛЕВА,
кандидат исторических наук.

Москва.

...И У НЕГО ТОЖЕ НОВАЯ КУКЛА.
Л. и Ю. Черепановы.

В ДОМАШНИХ УСЛОВИЯХ.
Ю. Узбяков.

КАК ЭТО СДЕЛАНО

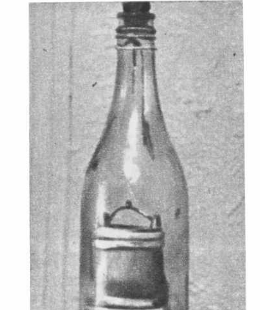
В обычной бутылке — модель бадьи. Как она попала туда, если дно ее в несколько раз шире горлышка бутылки?

Сделано это так. Клепки, дно, деревянные обручи и другие двадцать пять деталей пригонялись одна к другой. Когда бадья была готова, ее разобрали и все части просунули в бутылку. Сначала собрали дно, потом вокруг него боковые клепки, на них надели обруч и, наконец, прикрепили скобку. Это было проделано с помощью пинцета, крючков и других подобных инструментов.

Впервые такую необычную вещь днепропетровцы увидели в областном Историческом музее. Экспонат изготовлен Архипом Сергеевичем Кологривенко. В 1905 году Архип Сергеевич служил в Черноморском военном флоте машинистом броненосца «Георгий Победоносец». Сорок пять лет проработал он на заводах имени Петровского и имени Ленина слесарем-инструментальщиком. Теперь А. Кологривенко — пенсионер. В часы досуга он изготовил три бадьи в бутылках.

М. КИРИЧЕНКО

Днепропетровск.

ПРИЧУДЛИВОЕ СТРОЕНИЕ

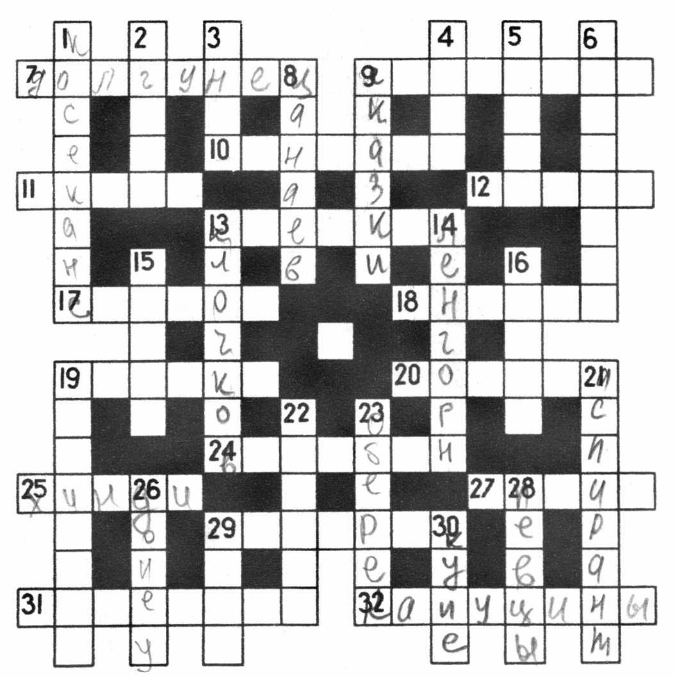
В этом доме из бревен и кирпича ни одно из окон не походит на другое. Построен он полстолетия назад на одном из островов в устье Невы.

А. РЫСКИН

Ленинград.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Лен. 9. Вид спорта. 10. Математический знак. 11. Горы в Средней Азии. 12. Старинное нотное письмо. 13. Народный артист СССР. 17. Персонаж повести М. Горького «В людях». 18. Французский живописец XVIII века. 19. Птица отряда куликов. 20. Оборот речи. 24. Морская шлюпка. 25. Язык в Индии. 27. Медицинский инструмент. 29. Автор обличительных произведений. 31. Картина Н. А. Касаткина. 32. Песня Беранже.

По вертикали:

1. Тригонометрическая функция. 2. Плод кустарников, трав. 3. Крученая веревка. 4. Выборное лицо в древнем Риме. 5. Духовой инструмент в Молдавии. 6. Составная часть жидкого топлива. 8. Народный поэт Дагестана. 9. Жанр арабской литературы. 13. Комиссар в романе Д. Фурманова. 14. Порода кур с белым оперением. 15. Иранская монета. 16. Театр в Париже. 19. Наименование площадей в городах Среднего Востока. 21. Лицо, готовящееся к научной или педагогической деятельности. 22. Моллюск. 23. Польский танец. 26. Приток Днепра. 28. Рассказ И. С. Тургенева. 29. Летнее пастбище на Тянь-Шане. 30. Помещение в вагоне.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

1. Тезис. 3. Синекдоха. 5. Фигаро. 6. Дарвин. 9. Планета. 11. Секатор. 13. «Гудок». 14. Транспорт. 15. Ангоб. 17. Железобетон. 20. Сатин. 21. Донесение. 23. Аверс. 24. Керабан. 25. Курсант. 26. Довбуш. 28. Диспут. 30. Котовский. 31. Ионна.

По вертикали:

1. Тенор. 2. Скопа. 3. Сегмент. 4. Адвокат. 5. Фиалка. 7. Нитрат. 8. Верстовский. 9. «Подросток». 10. Агамемнон. 11. Столетник. 12. Регламент. 13. Гаусс. 16. Бернс. 18. Снаряд. 19. Талант. 21. Дубовик. 22. Европий. 27. Устой. 29. «Искра».

На вкладках этого номера репродукции картин: Г. Нисского «Выход в море», Е. Моисеенко «Первая Конная Армия», А. Никича «На лесах. Обеденный перерыв», К. Тельжанова «Казахстан в 1918 году», Д. Шавыкина «Вечер на Днепре», Ф. Шурпина «Зарастающий дот», — две страницы акварелей М. Абрамова из серии «Ушедшие в прошлое» и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00902. Подписано к печати 8/I 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 300 000. Изд. № 4. Заказ № 3346.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ЗИМА В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.
Фото А. Перевощикова.

По перелескам.

Сумерки.

Цена номера 3 руб.